

От лучшего фантаста России 2008 и 2009
От создателя знаменитого цикла «Тайный Город»
От автора, чей тираж превысил 3 500 000 экземпляров

ВАДИМ ПАНОВ
ХАОСОВЕРШЕНСТВО

Новый, заключительный роман из цикла «Анклавы»

В цикле «Анклавы» уже вышли:

Загляни [www](#) реальное будущее!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА;

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская
область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2
Зак. 1780

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2010

**ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
№9(211)**

ISSN 1680-645X

41 Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ

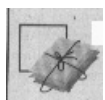
CYGNUS DEI

Двум смертям не бывать!.. Однако обитатели этого странного Аида не на шутку бьются за свою «жизнь».

143 Крис УИЛЛРИЧ

С ЗАРЁЮ В ПУТЬ

Классический детектив: в замкнутом пространстве совершено преступление. Кто из инопланетных пассажиров космического корабля осмелился похитить сокровище?

3 Хизер ЛИНДСЛИ

КУДА УХОДИТ ВРЕМЯ

В песок? В реку? Сквозь пальцы? Ни одна из метафор не верна. Только сборщики зря потраченных часов знают, где его следует искать.

23 Юлия ГАЛАНИНА

ЗВЕРИНЕЦ

Силу слова принято преувеличивать. На самом деле оно легкоранимо, уязвимо и бесправно.

103 Вячеслав АСТРОВ-ЧУБЕНКО

ПЕРЕНОСНАЯ ПЛАНЕТА

Совсем не обязательно, что коллекционер - это кабинетный червь. Иных собирателей страсть толкает на настоящие подвиги.

191 Тед КОСМАТКА, Майкл ПУР

КРАСНАЯ ОСА

Научный эксперимент всецело завладел вниманием исследователя.

Однако жизнь заставляет его подвести иные итоги...

227 Евгений ЛУКИН

ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА

«Венец творения» ничего не может предпринять в этой ситуации. Неужели человечеству грозит полное уничтожение?

131 Дмитрий БАЙКАЛОВ

КАК ВАЖНО БЫТЬ НЕСЕРЬЕЗНЫМ

Плохой фильм можно вытянуть самоиронией режиссера. Но бывает и наоборот - отсутствие чувства юмора способно погубить интересный проект.

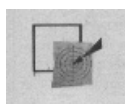
136 Аркадий ШУШПАНОВ

ХОББИТ ПО ИМЕНИ ШОН

Актер, который, побывав Там, сумел вернуться Оттуда.

133 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Попытки «обновить» кинематограф пока заканчиваются неудачей. Зато вроде бы традиционный подход, но сделанный изобретательно и с юмором, приводит к успеху.

243 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ДАВИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

И в самом деле: вот брызнешь так дихлофосом в букашечку, нагло шествующую по твоему кухонному столу, а попадешь, быть может, в профессора какой-нибудь галактической академии, прибывшего устанавливать Контакт...

252 Мария ГАЛИНА

ДВОЕ - ЭТО УЖЕ НАРОД!

Этот писатель всегда мастерски играет сразу на двух полях: пишет детские произведения, которые захлеб читают взрослые.

254 РЕЦЕНЗИИ

Только не говорите о том, что книг выходит меньше! Поскольку это действительно так...

265 КУРСОР

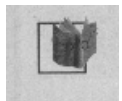
Настоящий звездопад НФ-премий.

259 Валерий ОКУЛОВ

«МНЕ НЕЧЕГО СТЫДИТЬСЯ...»

Судьба этого писателя очень похожа на судьбу жанра, которому он отдал несколько десятков лет жизни. Она столь же непроста, извилиста и ухабиста.

267 ПЕРСОНАЛИИ

К старым знакомым присоединились новые для нашего журнала лица. А мы всем рады.

ХИЗЕР ЛИНДСЛИ

КУДА УХОДИТ ВРЕМЯ

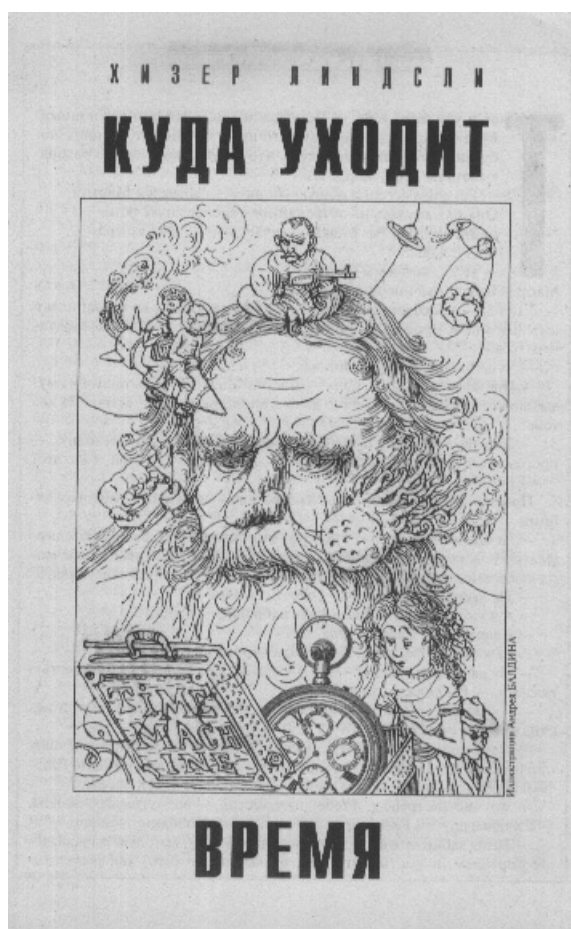

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Так и убила бы тебя. - Чемберс подошла к Мартину и швырнула заскорузный носок на его пульт. - Может, малость побудешь мертвым и поймешь, что такую дрянь нельзя разбрасывать по всему кораблю.

- Устроим сегодня общую уборку, - отозвался Мартин.

Она плюхнулась на обтрепанное сиденье возле него.

- Значит, завтра. В таком случае, я убью тебя завтра.

- Ну, лады.

- Итак, когда мы стартуем?

Мартин отодвинул носок в сторону.

- В 15:05, - проговорил он, однако ответ его утонул во внезапном и шумном вопле, провозгласившем, что «девушки желают в-е-е-е-сели-и-и-ться!».

- Что это еще за чертовщина?

- Поставил новый сигнал, - ответил Мартин. - Вытащил из музыкального архива специально для сегодняшнего путешествия. И как тебе?

- По мне, так лучше ответить на вызов и отменить эту мелодию, - проговорила Чемберс и слишком поздно добавила: - Постой, а кто это?

- Гнор.

Противная лягушачья ухмылка Гнора появилась на мониторах кабины.

- Чемберс! Мартин! - Гнор наклонился вперед, рождая бледно-желтые водовороты в своей атмосфере. - Как там поживают двое моих любимейших подрядчиков, превосходнейших сборщиков утиля?

- Ты льстишь нам, Гнор, - ответила Чемберс.

- А я уж подумал, что вы опять набрались на работе.

- А пошел ты, жабья морда...

- Чем можем служить? - перехватил инициативу Мартин.

- Ну да, ближе к делу. - Гнор моргнул по очереди всеми шестью глазами. - Вы должны мне время.

- Ну уж нет, - отрезала Чемберс. - Мы заплатили тебе за три месяца вперед.

- С тех пор прошло четыре месяца. А теперь вы должны за аренду причала, энергию, подсоединение к атмосфере и девять поездок Рельсом. Плюс проценты. Итого вы должны мне пять сотен часов.

- Это чистый грабеж, и тебе это известно, - возмутилась Чемберс.

- В любом другом Рельспарке это стоило бы вполтину меньше.

- Тогда забирайте отсюда эту мусорную кучу, которую вы называете кораблем, и уматывайте... но только после того, как расплатитесь. - Он многозначительно помахал перед экраном чешуйчатым хвостом. - И возможно, вам потребуется залог для нового владельца.

- Тебе известно, что у нас нет времени, пухлый мешок с...

- Мы сделаем это, - перебил Мартин.

- У вас на все про все два дня. Или вы в пятницу выкладываете пять сотен часов, или я отключаю хлор.

- Мы дышим кислородом, - заметил Мартин. Чемберс кисло посмотрела на него.

- Отлично, - проговорил Гнор. - Итак, пятьсот часов в пятницу или я включаю хлор.

В 14:45 Мартин отсоединил корабль от энергопитания и атмосферных разъемов. Чемберс отвела корабль от причала, поставив его последним в небольшую очередь судов, выстроившихся перпендикулярно Рельсу - протянувшейся на сотню миль двутавровой балке, окруженной тысячами миль пустого пространства. Скоростной зеленый спортивный рейлер подрезал их и воткнулся в очередь впереди.

Чемберс с размаху шлепнула по кнопке коммуникатора:

- Эй, это наше место!

- Это племянник Гнора, - напомнил Мартин. - Ты прекрасно знаешь, что ссориться с ним ни к чему.

На мониторе появилась ухмыляющаяся рожа.

- Было ваше, стало наше, козявка. Едем веселиться.

На экране появилась другая рожа, замелькали длинные языки, чуждые для земного глаза конечности и задницы.

- Заряжай, - рявкнула Чемберс.

- У нас нет никакого оружия.

- Тогда дай мне что-нибудь такое, чем можно запустить.

Мартин предложил ей грязный носок. Чемберс вздохнула, смяла его в комок и швырнула в ухмылявшиеся с монитора рожи.

- Ненавижу этих типов!

- Понимаю, - ответил Мартин, отключая коммуникатор.

Мартин занялся просмотром регистрационных журналов, а Чемберс тем временем углубилась в составление явно нереальных сценариев отмщения. Она проводила взглядом зеленый корабль, занявший место на Рельсе, потом ускорившийся, рванувшийся вдаль и тут же исчезнувший из виду. Буквально через несколько секунд корабль появился снова - потрепанный и покрытый непристойными инопланетными граффити. Чемберс включила коммуникатор.

- Туговато пришлось, ребята?

Племянник Гнора бросил на нее косой взгляд полудюжины подбитых глаз и высунул свернутый язык. Прежде чем отключиться, Чемберс подняла ладонь и любезно ответила ему жестом, эквивалентным в земной культуре.

- Ха-ха.

Мартин покачал головой:

- Никак не можешь не позлорадствовать.

- Дай душу-то отвести.

Мартин ответил на вызов коммуникатора, и на мониторе появился оператор Рельса.

- Супруги Олрайт, «Ч & М, Временной утиль», вы следующие. Куда направляетесь?

- На Землю, - ответил Мартин. - Координаты 36,754444 северной широты, 119,774167 западной долготы.

- Время?

- 1983, 107, 75606796, - протараторил Мартин.

- О'кей, - подтвердил оператор. - Это у нас получается парковка возле жилого комплекса во Фресно, Калифорния, 11:08:46 местного времени 17 апреля 1983 года. Подтверждаете?

- Подтверждаю, - проговорил Мартин.

- И отъезд по-прежнему в 0,28?

- Ага.

- Принято, старт через минуту.

- Не торопитесь, - проговорил Мартин. - У нас есть время.

Оператор вежливо хмыкнул, чего, с точки зрения Чемберс, Мартин вовсе не заслуживал.

- Ты намереваешься каждый раз пользоваться этой шуткой?

- 17 апреля, 1983,28, - объявил Мартин. - Одиннадцать утра по местному времени в прекрасном пригороде Фресно. Или в почти прекрасном пригороде Фресно, - добавил он, бросив взгляд в окно, на размытую серую перспективу. - Ты готова?

- Конечно. - Чемберс перебросила через плечо наполовину наполненную брезентовую спортивную сумку и передала Мартину потертый чемоданчик из черной кожи. - Пойдем собирать свой скудный взятки.

- Именно, дорогая, - отозвался Мартин. Он поставил дверь корабля на задержку в 0,28 так, чтобы она открывалась солнечным весенним днем в 1983,00.

- Запомни время парковки, - проговорил Мартин, когда они двинулись прочь от корабля.

Затем он указал на знак перед скоплением уродливых, похожих на коробки двухэтажных строений. Надпись на нем гласила «Версаль».

- Вот уж где местные точно не были, - усмехнулся он.

- Первая остановка, Ларри Платт, №108. - Мартин направил *лаузер* на дверь за мгновение перед 11:30. Чемберс вставила тоненький робоключ в скважину замка и распахнула дверь перед Марином.

Они вошли в квартиру. Застывший во времени Ларри Платт пребывал

в эйфории от Данки-Конга*¹. Чемберс сверилась с журналом: сколько времени они имеют право легально скачивать.

- Доступен отрезок вплоть до 15:47:05 по местному времени.

- Итак, начало отсчета - 11:24:37, конец отсчета - 15:47:05, - отчеканил Мартин, вводя контрольные цифры в паузер. - Настройка с посекундным инкрементом, и... поехали.

Все мгновения, присутствующие в названном диапазоне, одновременно наполнили собой квартиру. Человек на кушетке превратился в мясистую сороконожку, сновавшую от кушетки до кухни и обратно.

- Инкремент десять секунд, - сказал Мартин, меняя настройку паузера.

- Двадцать, тридцать...

Некоторые части тела Ларри съежились, превратившись в тонкие светящиеся полоски. Другие остались, образуя последовательность клонов, соединенных светящимися шнурами. Игровое поле на экране телевизора застыло переплетением розового, синего и оранжевого, набранные очки сложились в постоянное 088888.

- Приращение одна минута, две, три...

Ларри на кушетке превратился в многорукого бога, одновременно державшего джойстик, тянувшегося к чипсам и почесывавшего нос.

- Десять минут... двадцать... - Теперь Ларри стало несколько, и все они были соединены сияющими нитями времени.

Чемберс открыла потрепанный чемоданчик. Надев по паре толстых перчаток, компаньоны достали из брезентовой сумки ножницы и принялись обрезать нити, по одной опуская их в чемоданчик, пока там не оказался весь запас времени, потраченного Ларри попусту.

Мартин запросил у паузера время остановки.

15:47:05, - появилось на экране.

Мартин закрыл чемоданчик, Чемберс собрала оборудование. В коридоре Мартин отключил паузер и спросил:

- Ну, кто у нас следующий?

- Пришли, - коротко бросила Чемберс. - Квартира 310. Янина Коста.

Мартин навел паузер.

- Начало в 22:16:53.

- Ну и бедлам, - воскликнула Чемберс, как только они вошли в квартиру. Она переступила кучку грязных носков на полу. - Ты уверен в том, что мы не вернулись на корабль?

Мартин сардонически хохотнул, обходя стопку коробок из-под пиццы и выискивая свободное место для паузера.

¹ * *Игра для игровых автоматов, разработанная фирмой Nintendo и выпущенная в 1981 году. Позже появились порты для домашних компьютеров и игровых приставок. (Здесь и далее прим. перев.)*

- Сколько времени у нас осталось?

Мартин заглянул в чемоданчик:

- Похоже, десять часов.

- Итак, нам останется еще четыреста девяносто. - Чемберс бросила яростный взгляд на устроившуюся на кушетке молодую женщину и ниспадающую волну ее покрытых лаком волос. - Не иначе мы навсегда застрянем в этом дурацком году.

Мартин глянул в журнал:

- Неплохой экземпляр. Выходит, она будет тратить время до четырех утра.

- Ого, целых шесть часов!

- Итак, я готов начать забор времени. Начало отсчета - 22:16:53.

Остановка 04...

- Какого черта вы делаете в моей квартире? - подала голос Янина.

- Вот дерьмо! - Мартин подпрыгнул.

- Что ты сделал? - Чемберс бросилась к сумке с оборудованием.

Вскочив, Янина споткнулась о груды заброшенных учебников и теперь стояла, неловко привалившись к стене. - Как вы попали сюда?

- Ничего, - ответил Мартин напарнице. - Просто он выключился.

- Так включи снова. - Чемберс принялась копаться в сумочке, отчаянно пытаясь высвободить из запутанных проводов ножки складной треноги.

- Не работает, - бросил Мартин. - Нам нужен запасной паузер!

Заметив, что Янина продвигается бочком к двери, он завопил:

- Эй, остановись!

Янина швырнула ему в голову баночку флуоресцентного лака для ногтей.

- Ну-ка, получи!

Чемберс выхватила из сумки первое, что попало под руку, и навела на Янину словно пистолет.

- Застынь! - ткнула она странного вида гаечным ключом в сторону Янины.

Та остановилась, выставив перед собой руки.

Мартин почесал голову:

- С твоей стороны это не очень вежливо.

- Что вы делаете в моей квартире?

- Эй, мы не причиним тебе зла, - взволнованно произнесла Чемберс. - Мы простые сборщики утиля. Не беспокойся, мы скоро уйдем.

- Утиля? Что это значит? Какого еще утиля?

- Собираем потраченное попусту время, - пояснил Мартин.

Янина пристально посмотрела на него.

- Вы свихнулись!

- Угу, он свихнулся, я свихнулась, и через минуту мы уберемся отсюда.

Кстати, можешь присесть - так удобнее ждать.

Янина неторопливо подошла к кушетке и опустилась на нее.

- Что это у вас в чемоданчике?
 - Время.
 - Мартин...
 - Вы крадете мое время?
 - Не крадем, а перерабатываем. Ты тратишь его попусту.
 - Поменьше говори, Мартин.
 - Откуда вам известно, что я делаю со своим временем?
 - Эти сведения публикуются, - Мартин заглянул в журнал. - С 22:03:29 по 22:14:12 красила ногти на ногах. С 22:14:13 по...
 - Эй, дружок, я же просила помалкивать!
 - ...по 22:20:07 глядела в пространство. С тех пор как ты ушла из стоматологического училища, подобных записей накопилось много. В 22:20:08 встречалась с фирмой «Временной утиль Ч & М». Он посмотрел на Чемберс. - Ох, дерьмо! Мы попали в ее временную линию.
- Напарница побледнела:
- Это плохо. Надо действовать немедленно!
- Янина нервно пискнула с кушетки:
- Знаете, я ничего и никому не скажу о том, что вы здесь были. В самом деле.
 - Крестный Отец, - проговорила Чемберс.
 - Не слишком ли круто? - отозвался Мартин.
 - Он может послать кого-нибудь исправить ситуацию. Нам придется попросить у него о милости.
 - Не убивайте меня!
 - Что? - Чемберс и Мартин дружно уставились на Янину.
 - Не убивайте меня... Клянусь, я ничего не скажу!
 - Убить тебя? - переспросила Чемберс. - Мы не собираемся убивать тебя. Таким образом можно лишь ухудшить ситуацию.
- Мартин повернулся к Чемберс:
- А что мы собираемся сделать с ней?
 - Ну, не можем же мы просто оставить ее в измененной временной линии, так ведь?
-
- Это и есть ваша э... машина времени? - спросила Янина.
 - Угу, - согласилась Чемберс, помахивая гаечным ключом. - И как она тебе?
 - Ничего, здесь очень мило.
 - Спасибо. Садись. - Чемберс указала на отвратного вида кушетку, обитую пледом и снабженную пристяжными ремнями. Подобрал с пола скомканный носок, Янина застыла в полной растерянности, пока Чемберс не выхватила его у нее и не зашвырнула в угол.
 - Оставайся здесь, - велела она и присоединилась к Мартину у пульта.
 - Ты готов?

- В основном. - Мартин передал Чемберс ярко-розовый блистер. Она сняла с него языком таблетку, Мартин последовал ее примеру. Еще один блистер он подал Янине. - Положи на язык.

Янина спрятала руки за спину:

- Ой, нет. Я не собираюсь принимать ЛСД с вами, ребята. Ситуация-то достаточно странная... согласитесь.

- Ты слыхала когда-нибудь о ДзАМК, дзета-аминомасляной кислоте?

- Гм... на полном нуле.

К кушетке подошла Чемберс:

- Нечего церемониться! Дай ей эту проклятую таблетку.

- Она не хочет ее глотать.

Чемберс посмотрела на Янину.

- Должно быть, девушка хочет, чтобы ее гипоталамус лопнул?

- Ну ладно тебе, не надо пугать бедняжку. - Мартин опустил на кушетку возле Янины. - Не лопнет он. Просто вспухнет немного. А потом опять сожмется. Поэтому таблетку надо принять.

- Скажите мне, а что от нее будет?

Чемберс вздохнула:

- Тебе случалось сталкиваться с разницей в местном времени во время дальних перелетов?

Янина кивнула.

- Тогда тебе известно, как это действует на внутренние часы твоего тела. С путешествием во времени дело обстоит хуже. Оно превращает внутренние часы твоего тела в груды дымящихся пружин и шестеренок, испускающую к тому же жуткие вопли. А поскольку твои внутренние часы также управляют пищеварением, температурой тела и кучей других вещей, о которых в твоём времени еще только начинают догадываться...

- То есть заключенные в таблетке вещества защищают внутренние часы?

- Как правило.

- Чемберс!

- Всегда, - поправились та. - В самом деле. Так что глотай, и все будет в порядке.

Янина взяла таблетку у Мартина, скептически осмотрела ее и только после этого поместила на язык.

- А вообще-то вкусно.

- Это глютамат, - пояснил Мартин.

- Вы уверены? Скорее, напоминает волшебную пыль^{*2}.

- Ерунда, - возразил Мартин, - простой глютамат.

Он вернулся на свое место за пультом управления и оттуда снова обратился к Янине:

² * *Понятие, относящееся к области сказок, а также наркотик.*

- Наверное, тебе лучше пристегнуться. Иногда сильно трясет.

Стоя возле Янины в крошечном туалете корабля, Чемберс, стараясь скрыть нетерпение, спросила:

- Тебе уже лучше?

- Чуть-чуть. А мы действительно совершили прыжок во времени?

- Если я скажу «да», тебя снова вывернет наизнанку?

- Наверное, нет.

- Тогда - да.

- А знаешь, я сейчас действительно хочу домой.

- Понимаю, - кивнула Чемберс. - Мы как раз работаем над этим.

К ним присоединился Мартин, указавший в сторону носовой части корабля небольшим пылесосом:

- Ну, думаю, я уже навел там порядок.

- Простите за кушетку, - проговорила Янина.

- Чего там, - Мартин убрал пылесос. - Она видала и худшее.

Чемберс передала компаньону ключ:

- Займешься разъемами? Надо подзаправиться, и я хочу приступить к розыскам Крестного.

- О'кей, - согласился он и повернулся к Янине: - А тебе лучше пройти со мной. Даже небольшой моцион полезен в твоем состоянии.

Мартин направился вперед, а Янина тем временем выудила из кармана большую пачку жевательной резинки. Отправив в рот две пластинки, она предложила пачку Мартину.

- Бананово-ягодный пунш, - прочитал он. - И ты смеешь утверждать, что это *мы* принимаем странные химикалии?

Янина выхватила пачку из его рук.

- Их на шоу «Чокнутый арбуз» рекламировали, - заявила она. - В любом случае они вкуснее, чем ваш антиблев.

- Ну, тебе виднее. - Мартин открыл стыковочную панель и подсоединил воздух и энергию, а потом подтянул разъемы ключом.

- Ага, - протянула Янина, - значит, это не пистолет.

- Ты не права.

- Нет же. Это гаечный ключ.

- В будущем все инструменты имеют комбинированный характер, - проговорил Мартин, вводя с пульта состав атмосферы. - Это будет у нас ключ-пистолет-шпатель.

Он закрыл стыковочную панель.

Янина выдула пузырь.

- Дерррь... - не договорив, она наморщила нос: - А спичками сейчас положено вонять?

- О, нет, опять ты... - завопила Чемберс из главной каюты.

- Виноват-виноват-виноват... - протараторил Мартин.

- Как-нибудь ты переправишь всех нас на тот свет, - вознегодовала

Чемберс.

Мартин открыл стыковочную панель и переключил атмосферный селектор с SO₂ на O₂.

- В свое оправдание могу сказать, - обратился он к Янине, - что деления на селекторе находятся слишком близко.

- «Временной утиль Ч & М», вы следующие. Куда и когда?

- Земля, - отрапортовал Мартин. - 37,8501 северной широты, 15,283...

Появившийся на экране монитора Гнор столкнул оператора с места в тот самый момент, когда Чемберс выпихнула Янину из поля зрения коммуникатора. Придерживая девицу одной рукой, она дала ей знак помалкивать - без особой нужды, потому что Янина вглядывалась в физиономию Гнора слишком увлеченно, чтобы издать даже звук.

- И когда это вы намерены отправиться?

- Нам нужно время, чтобы все собрать, Гнор, - ответила Чемберс. - Может быть, ты позволишь этому милому оператору вернуться на свое место, чтобы мы могли стартовать.

- Ага, кстати. Как-то не верится, что пара бездельников, которую вы собой представляете, явится ко мне с нужным количеством времени, и поэтому я придумал для вас поручение.

- Нам не надо никаких поручений, у нас есть...

- Ваши жалкие журнальчики из общественного домена? Где не сыщешь больше двенадцати часов подряд?

- Но и этого довольно.

- Может быть, но не в том случае, когда вы в долгу передо мной.

- Мы не занимаемся сбором нелегального времени.

- Работа вполне легальна. Клиент - русский. Я устроил, чтобы он смог выкупить собственное потраченное попусту время. Минус 30 процентов, конечно. Двадцать пять из них мне, остальные пять вам.

- Нет уж, спасибо, - сказала Чемберс.

- Вы принесли мне мои пять сотен часов?

- Нет.

- Тогда отправляйтесь в Москву. В 1847 год. Высылаю вам нужные подробности. Собирайте все растроченное время до того, как клиент оставит город в 1849 году, затем перескакивайте в 1868-й и вручите клиенту его долю. Он будет ждать вас.

- Гнор...

- Найдется у вас на борту лишний *соединитель*?

- Есть парочка, - кивнул Мартин.

- Хорошо. Ему понадобится один. А вам придется научить его пользоваться этой штуковиной.

- Что-то слишком много хлопот за пять процентов, - сухо заметила Чемберс.

- Неужели вы в самом деле так считаете? - Перегнувшись через

оператора, Гнор нажал кнопку старта, добавив уже по-русски: - До свиданья, лузеры.

- 5 февраля, 1847,28, - проговорил Мартин. - Местное время 3:40 пополудни. Ставим задержку на ноль... Прибыли!

За открытой им дверью обнаружилась серая пелена.

- А мне казалось, ты снял задержку, - проговорила Чемберс.

- Снял.

- Тогда откуда взялась эта серая пустота?

Янина выглянула наружу:

- Разве это не двор?

Из тумана донесся приглушенный грохот колес кареты по булыжной мостовой.

- Привет тебе, Москва, - чинно поздоровался Мартин, покидая корабль.

- Только ничего не трогай, - приказала Чемберс Янине.

- А ты уверена, что мы правильно поступаем, не оставляя ее в корабле? - сказал Мартин, наставляя паузер на дверь.

- Ты хочешь, чтобы она натворила дел в наше отсутствие?

- Тонко подмечено.

Войдя в гостиную, Чемберс обнаружила в ней застывшего молодого человека, чисто выбритого, с оттопыренными ушами. Мартин покачал головой:

- Он изо всех сил пытается выглядеть ослепительным кавалером.

- Что ему никоим образом не удастся, - подметила Чемберс.

Янина выдула пузырь.

- И кто это у нас будет?

- Лев Толстой, - отрекомендовал Мартин.

- Тот самый тип, который написал груду толстых-претолстых книг?

- Именно так... тот самый тип, который написал груду толстых-претолстых книг, - согласилась Чемберс. - Но несколько последующих лет он будет только играть в карты и закладывать за воротник. И заниматься еще кое-чем.

Янина приподняла бровь:

- Можно узнать, чем именно?

Чемберс настроила линию и указала на клубок переплетенных конечностей в спальне.

- Ух ты, - выдохнула Янина.

- 22 сентября, 1868,28, - объявил Мартин. - Местное время 7:51 пополудни.

Они вышли во двор, и Мартин постучал в дверь. Открыл человек в крестьянской рубаше, темная, еще не разделившаяся надвое борода его уже обнаруживала признаки седины.

- Это он хорошо придумал, когда отрастил длинные волосы, чтобы спрятать уши, - заметила Янина.

- Спасибо. Обратиться к вам мне посоветовала жена, - с легким акцентом произнес по-английски Толстой.

Янина покраснела:

- Ох, простите, я и не знала,, что вы говорите по-английски.

- Я говорю на многих языках. - Толстой распахнул дверь пошире. - Прошу вас, входите. Я ожидал вас.

Они проследовали за Толстым в кабинет, Чемберс поставила чемоданчик на стол и откинула крышку. Писатель завороченно смотрел на скопление ярких нитей.

- Это и есть моя беспутная юность? - Поймав утвердительный кивок Мартина, он вновь обратил взор к яркой поре своей жизни.

- Она куда прекраснее, чем помнится мне. - Толстой повел рукой в сторону светящихся нитей и сразу отдернул ладонь. - Могу ли я прикоснуться к ним?

- Только соблюдая меры предосторожности. - Мартин достал из брезентовой сумки пару перчаток и подал их Толстому. - Иначе время рассеется.

Он показал писателю небольшую черную коробочку.

- Это соединитель. Когда вы захотите воспользоваться временем, поставьте ее сюда. Закройте коробочку, нажмите защелку. Всякий, кто находится в пределах двадцати футов от вас, ощутит поток лишнего времени. Когда вы откроете защелку или когда лишнее время кончится, вас вернут в собственный обыкновенный временной поток в той самой точке, где вы оставили его.

Мартин показал, как надо поступать, а потом убедился, что Толстой делает все правильно.

- Вы все поняли?

- Да, спасибо.

Мартин вновь запустил руку в сумку и извлек из нее отливавшую тусклым серебром емкость.

- Храните время только в ней и плотно заворачивайте крышку.

Он начал перекладывать время из чемоданчика в емкость. Переложив ровно 70 процентов, он закрутил крышку и передал емкость Толстому, с завистью смотревшему на только что закрытый Чемберс чемоданчик.

- Приятного времяпрепровождения, - проговорила она, направляясь к двери.

Толстой кивнул и с новым вниманием посмотрел на емкость.

- Стыдно, - проговорил Мартин, вместе с Яниной следуя за Чемберс. - Он использует это время лучше, чем Гнор, который просто продаст его Барбаре Картленд*³.

³ * *Барбара Картленд (1901 - 2000), британская писательница,*

- Стыдно не это, а то, что мы получаем только пять процентов, - произнесла Чемберс, остановившись при виде застывшего перед кораблем украшенного шрамами рослого мужчины в темном костюме. Справа и слева от него скучали двое товарищей.

- Вы передали время Толстому?

- Да.

- Это хорошо. Лев должен получить свое время. И кое-что приберегли для себя?

Янина шепнула Мартину:

- В руке его точно не гаечный ключ?

- Абсолютно точно, - согласился он, - не гаечный ключ.

- Процент сукиному сыну, пославшему нас, - сказала Чемберс.

- А, так вы шестерки.

Чемберс вздохнула:

- Точно, шестерки.

- Тогда живите. - Он протянул руку к чемоданчику. Чемберс выпустила его из руки.

- Передайте вашему сукиному сыну, что русские принадлежат нам, - проговорил незнакомец. Его спутники отступили в сторону и, не снимая пальцев со спуска, дождались, пока Чемберс, Мартин и Янина окажутся на корабле.

Чемберс нажала кнопку коммуникатора. Мартин скривился.

- Итак, вы вернулись, - проговорил Гнор. - И где мое время?

- Осталось вместе с бластером у покрытого шрамами русского великана.

- Орхан Татар. Хороший парень, если его не трогать. И я удивлен, что вы не сумели договориться.

Чемберс вспыхнула:

- Ты знал, что этот парень крышует Москву, и тем не менее послал нас за временем?

- Я не думал, что он станет интересоваться девятнадцатым столетием при всем урожае, который дает ему двадцатое.

- Ты сукин...

- Вы по-прежнему должны мне.

- Нет, это ты должен нам за соединитель, который мы оставили Толстому.

- Назовем это процентами с вашего долга. Однако это маленькое недопонимание смущает меня, поэтому я хочу предоставить вам кредит еще на одну поездку по Рельсу. Куда - выбирайте сами, но отправление сегодня. И не возвращайтесь назад без моего времени.

занесенная в Книгу рекордов Гиннеса как самый преуспевающий английский автор многочисленных дамских романов.

- Ну, вот и приехали, - сказал Мартин. - 24 июня 1892,00, местное время 3:17 пополудни. Таормина, Сицилия.

Следом за Чемберс и Яниной Мартин вышел из корабля на крутую тропинку, ведущую к развалинам древнего амфитеатра.

- Когда Крестный Отец говорил, что возвращается в родные края, он действительно имел в виду это место.

Старик, носивший прозвище Крестный Отец Парадокс со вздохом опустил в кожаное кресло. Оркестр вовсю наяривал тарантеллу, собравшиеся на свадьбу гости плясали и веселились на лужайке.

- Том, - обратился он к помощнику, - это мне только кажется или день и в самом деле как-то затянулся?

- Сегодня и в самом деле долгий день, Крестный.

- Кто следующий?

- Пара ничтожных сборщиков утиля нуждается в перезагрузке временной линии в 1983 году.

- И ты ставишь их первыми, потому что?..

- С ними Янина Коста.

- Ага. Пусть войдут.

Чемберс и Мартин вошли в обшитую темными деревянными панелями комнату, Янина неуверенно семенила за ними.

- У вас проблема, - начал Крестный Отец.

- Да, сэр, - кивнула Чемберс.

- И вы приходите с ней ко мне.

- Да, сэр.

- И никто не придет для того, чтобы просто сказать «здрасьте».

- Сэр, мы были бы рады зайти...

- Ну уж нет, - прогрохотал Крестный Отец Парадокс. - Вы раздражаете меня. Терпеть не могу сборщиков утиля, которые не проверяют свое оборудование.

Попытки извинений со стороны Чемберс были погашены одним взглядом Крестного.

- Тем не менее, - проговорил он, - эту временную линию следует сохранить. Это я для вас сделаю.

- Нет слов благодарности, Крестный.

Старик перевел взгляд на Янину и изрек:

- Янина Коста. Я знаю тебя. Ты умная девушка.

- Она? - переспросила Чемберс и тут же обожглась о яростный взгляд Крестного.

Хозяин жестом пригласил Янину выйти вперед, и девушка застенчиво показала из-за спин Чемберс и Мартина.

- Итак, - начал он, - тебе не понравилось учиться на зубного техника.

- Откуда вам это известно?..

- Ты ушла оттуда. Значит, тебе там не нравилось. Старику не обязательно становиться абстрактной персонификацией хронологической аномалии, чтобы вычислить это. - Крестный откинулся в кресле. - Итак, никаких зубов. Отлично. Не всякий человек способен проводить день за днем, рассматривая зубы. Этой жилки в тебе нет. Пусть так. Тогда вопрос заключается в следующем: какого рода специалист в тебе заключен?

- Не знаю...

- У тебя почти вся жизнь впереди. Должна же ты хотеть кем-нибудь стать.

Янина разволновалась настолько, что не могла и рта открыть. Крестный улыбнулся... самую малость.

- Но те науки, которые ты уже изучала, не сводятся к одним зубам. У тела есть и более интересные части. Колени... легкие... мозги...

- Не понимаю...

Старик повел рукой:

- Ладно, у тебя еще есть время, поймешь.

После этого Крестный перевел взгляд на Мартина и Чемберс.

- Возвращайтесь назад в тот же день. За десять минут до того, как вы там наследили. Отвезите эту девицу домой, и все будет так, как и должно быть.

- Спасибо вам, Крестный, - проговорила Чемберс.

- Однажды я попрошу вас кое-что сделать и для меня. Этот день может никогда не настать, но если такому суждено случиться, это произойдет 15 мая 2367 года. Или, возможно, 3 октября 1491-го. Мы свяжемся с вами.

- Да, Крестный, - сказала Чемберс.

- Спасибо, Крестный, - добавил Мартин.

- Ступайте, - молвил Крестный Отец. - И не забывайте вовремя проверять свое оборудование.

- Что это он говорил о зубах? - шепнула Мартину Чемберс, пока один из помощников Крестного Отца вел их к выходу из поместья мимо длинной цепочки страждущих посетителей. Ошеломленная Янина шествовала впереди. - Или от того, что он зовется Парадоксом, у него вконец расплавились мозги?

- Он говорил не о зубах, но о судьбе, - возразил Мартин.

- Но я слышала про зубы.

- Ты была невнимательна.

- Верно, мне было слишком страшно.

- Будем надеяться, что Янина впитывала все, как губка.

Помощник вывел их за последние ворота.

- Стоя в этой очереди, люди тратят попусту уйму времени, - заметила Янина. - Почему утильщики не собирают его?

- Кому хватит ума забирать время у Крестного Отца, - возразил Мартин.

- Но вы будете отбирать время не у него.

- Нас обыскивали каждый раз, когда мы проходили ворота, - произнесла Чемберс. - Мы не могли пронести внутрь паузер.

Янина указала на хвост, тянувшийся наружу из последних ворот.

- Похоже, что вам незачем было это делать.

Мартин повернулся к Чемберс:

- Жуткая идея.

- Угу, - согласилась она.

- Я хочу сказать... действительно страшная.

- Опасная.

- Глупая.

- Безумная.

- Конечно, безумная, - сказал Мартин. - Целиком и полностью.

- Абсолютно согласна с тобой, - отозвалась Чемберс. - Неси оборудование.

Оказавшись на корабле, Чемберс заглянула в чемоданчик, еще более неряшливый, чем тот, с которым пришлось расстаться в России. Ей не приходилось видеть столько сверкающих нитей времени, плотно уложенных в таком небольшом пространстве.

- Здесь должно быть никак не меньше ста тысяч часов.

- Вот времени-то... - протянул Мартин. - Годы и годы...

- Это прекрасно, - проворковала Янина, лицо которой озаряли отблески времени. - То есть прекрасно, что я повидала Толстого, но видеть сразу столько времени - это просто чудо.

Чемберс захлопнула чемоданчик.

- Отлично, следующая остановка 17 апреля 1983 года.

- Нам надо убить двадцать минут, оставшихся до старта, - сообщил Мартин, раздавая таблетки ДзАМК из стоявшей на пульте коробочки. - Могу подсоединить нас к свежему воздуху, кто хочет, может глотнуть соку.

- Мне, э... надо в туалет, - промямлила Янина и направилась в заднюю часть корабля.

- Хочешь буррито?*⁴ - спросил Мартин у Чемберс. - Я бы расправился с разогретой лепешечкой.

- Мне казалось, что их уже не существует.

Мартин проверил цифры.

- Нет, две недельки у нас еще есть в запасе.

⁴ * Мексиканское блюдо: свернутая пирожком кукурузная лепешка с разной начинкой; подается с острым соусом, входит в меню многих ресторанов быстрого питания в США.

- А это значит, что за счет сбора временного утиля они просуществовали, по меньшей мере, на год дольше.

- На восемь месяцев... и отлично.

- Отлично... для твоего желудочно-кишечного тракта.

Мартин с дымящимся буррито уселся на кушетку.

- Послушай-ка, интересно, сколько замороженных лепешек могли бы мы приобрести на все это время?

- Это время мы потратим не на приобретение мексиканских деликатесов.

- Я это понимаю... Но просто в качестве мысленного эксперимента?

- Это не мысленный эксперимент, а простая математика.

- Так сколько же? Чемберс вздохнула:

- Семьсот тридцать три тысячи восемьсот двадцать четыре штуки.

- Можем отчаливать? - спросила Чемберс у Мартина, когда он вернулся в кабину, освободив атмосферные разъемы.

- Действуй.

Чемберс подвела корабль к очереди на Рельс. Мартин сел возле нее.

- Что-то Янина застряла в туалете.

- Должно быть, съела один из твоих буррито.

- Перестань осмеивать мое любимое блюдо. - Мартин скороговоркой доложил координаты места назначения оператору Рельса. - А теперь, - продолжил он, глянув на Чемберс, - я вижу улыбку женщины, которая сбором утиля заработала свою свободу.

- Ты и сам сияешь, как начищенный пятак, - усмехнулась Чемберс.

- А ты хихикаешь, - отреагировал Мартин, прежде чем подтвердить стандартную процедуру отлета.

- Я счастлива. Настало время, которое не могло мне и присниться, вот я и хихикаю. - Она направила корабль к Рельсу.

- Забавно, - молвил Мартин. - А я бы сказал, что веселящего газа^{*5} надышалась.

- Это я-то надышалась?

- За все годы нашей совместной работы ты единственный раз смеялась, когда я случайно напустил в атмосферу закись азота. - Он отдал распоряжение оператору Рельса начинать запуск. - Неужели забыла: ты же сама всегда попрекаешь меня этим случаем. Признайся, ты ведь не из смешливых.

- Верно, - согласилась Чемберс. - Я не из смешливых.

Мартин поставил задержку.

- Прибыли! 17 апреля, 1983,00, 22:06:53. - Он повернулся в кресле. - А

⁵ * *Закись азота - бесцветный негорючий газ с приятным сладковатым запахом и привкусом. Иногда называется «веселящим газом» из-за производимого опьяняющего эффекта.*

знаешь, у меня даже голова покруживается...

Чемберс поднялась, а потом рухнула в кресло.

- Янина, - выдавила она.

- Ее здесь нет, - подытожил Мартин, после того как они с Чемберс ввалились в квартиру Янины.

- Что и следовало доказать.

- Она забрала учебники.

- И оставила коробки из-под пиццы. - Чемберс взяла верхнюю. Янина оставила на ней трогательные послания: ПРОСТИТЕ МЕНЯ и СПАСИБО.

- Мы можем вернуться...

- Смеешься? - спросила Чемберс. - И опять запутать временную линию? Крестный Отец этого не простит.

- Можно иначе. Девица должна проявиться в каких-нибудь регистрационных журналах.

Чемберс села на кушетку Янины и вздохнула:

- Бессмысленно. Ты был прав. Крестный Отец говорил о судьбе.

Он знал, что так и должно случиться. Стало быть, теперь «все будет так, как и должно быть».

Мартин сел возле Чемберс.

- Собрать временной утиль в очереди нам предложила Янина. - И она оставила нам половину.

- Половина чертовой кучи также называется чертовой кучей.

Чемберс улыбнулась из глубин своей постазотной головной боли.

- Триста шестьдесят шесть тысяч девятьсот двенадцать буррито, - заключила она.

Заведующая кафедрой хронобиологии Калифорнийского университета в Беркли, откинула со лба прядь седых волос и обратилась к последней ниточке времени, свернувшейся запутанным клубком на дне тусклой серебряной емкости.

- Я не теряла времени даром, - проговорила она. Женщина завернула крышку на емкости и убрала последнюю в ящик стола, где также находились пара перчаток, небольшая черная коробочка, три крохотных поблекших от времени блистера, медаль Нобелевского лауреата и пачка арбузной жевательной резинки. Она вынула эту пачку - как приятно, хотя и неловко снова ощутить себя молодой, - а потом задвинула ящик и заперла его.

Физика в ее время сделалась довольно странной, но еще недостаточно странной для рутинного путешествия во времени. Человечество еще не познакомилось с другими разумными существами, и Янине не пришлось более столкнуться со сборщиками временного утиля. Жизнь ее к концу сделалась удивительно рутинной.

Тем не менее она хорошо распорядилась своим временем.

Исследования привели ее к новым представлениям о влиянии скорости движения на время в пути, а также существованию серьезных, подчиняющихся суточному ритму расстройств, коренящихся в основе десятка умственных и физических болезней. Коллеги-хронобиологи с каждым годом все более расширяли области применения.

Откинувшись на спинку кресла, она положила ноги на стол и отправила в рот пластинку жевательной резинки.

Физика все догонит, и физиология будет готова.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Heather Lindsley. Where the Time Goes. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

ЮЛИЯ ГАЛАНИНА

ЗВЕРИНЕЦ

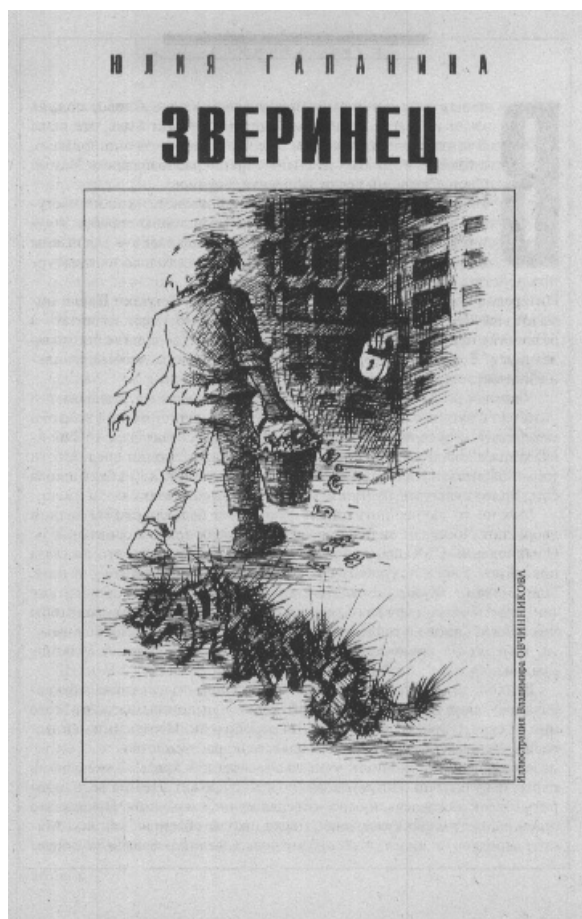

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Вдоль стены осторожно пробиралось Умное Слово, поджав хвост и семеня мохнатыми лапками. Может быть, это была Квинтэссенция. А может, еще что - хвост-то оно поджало, а Мякиш и так был не очень силен в распознавании Умных Слов. Сюда они редко забредали, боялись.

Не зря боялись-то. Пацаны такое поймают, на хвост наступят - оно всеми своими ста ножками землю скребет, мяучит жалобно и ядом плюется. Только недалеко - все штаны оплюет, а обидчикам хоть бы хны. Ее яд только на культурных действует.

Интересно все-таки, что за Умное Слово в лачугу тетушки Пакли пожаловало? Сосед тетушки, мясник, хвалился, что умеет их читать и различит с первого взгляда, только Мякиш ему не верил: где бы это он научился? Таких грамотеев в их околотке не водилось: чтобы правильно знать культуру.

У них все по-простому, тетушка Пакля буквы даже не складывает - выметает с руганью за порог, если забегут. Как начнет метлой махать и материться - буквочки пулей улепетывают. Она сказала как-то Зяблику, когда в добром настроении была: они опасные, один вред. Мозги только забивают. Картинки куда как завлекательнее. А для букв школа есть, оплот культуры, пусть там и сидят, не высовываются.

Мякиш-то любил потихоньку буквами баловаться. На заднем дворе, пока никто не видит, наловить их полное ведро и слова лепить. Обыкновенные. «Каша» там или «небо». Или еще чего, что на глаза попадет. Слова получаются коротенькие, юркие, шмыг - и нету. Или снова на буквы распадутся, ежели неправильно слепил, и уже так, в рассыпную, деру дают, как кто горох рассыпал. Главное, чтобы никто из пацанов не увидел: они любят похабными словами баловаться, налепят их криво-косо и ржут, по земле катаются. А Мякишу стыдно.

В школе так играть не получается. Там слова-то сушеные, в букварях на булавки пришпиленные. И буквики с мылом вымыты: от этого они не скачут, трепыхаются лишь по коробочкам. Играть ими неинтересно - слова совсем дохлые выходят, одно расстройство.

А чуть поживее слепишь: учителка засечет и - хрясь! - указкой по парте: некультурно. И пухлые щеки гневно дрожат. Нельзя ведь говорить «булок нажрался», нужно «отведал мучных изделий». Правда, это она в школе только культурная, после школы обычная, как все. Мякиш отродясь не видел, чтоб она мучных изделий отвеживала: лопает пирожки, только за ушами трещит. Разве что жирные пальцы платком вытирает, не об одежду.

Мякиш поймал Умное Слово, по пушистой спинке погладил. Оно, видать, расчувствовалось, не стало ядом плюяться, свернулось

устало спиралькой. По нему видно - дрожит, вот-вот на буквы распадется, из последних сил держится. А жаль - Умные Слова на дороге не валяются. Их так просто не слепишь, это тебе не «каша». И сами длинные, как колбаса, и буковок в них напихано редких, такие и не враз поймашь.

Мякиш Слово под рубашку запихал, пустые ведра подхватил - и к колодцу за водой. Скоро тетушка Пакля должна вернуться - увидит, что вода в доме кончилась, метлой отходит за милую душу.

Она пошла узнать, не нужен ли кому мальчик на побегушках. Прекрасный мальчик, работающий и сообразительный. Мякиш надеялся, что такой понадобится булочнику: тогда не жизнь будет, а песня. Тетушка его мечтания на корню обрубала, говорила, высоко больно метит, хорошо, если такого дармоеда и лодыря сапожник смилостивится, возьмет в учение.

Вообще-то она хорошая, тетушка Пакля. Когда добрая. И трезвая.

Колодец на перекрестке улочек выкопан, к нему всегда очередь. Там площадь, удобно - и лошади могут попить, и прохожие. Мальчишки не чинятся, зачерпывают им из ведра. Проходим, конечно, не лошадям. Для лошадей отдельная поилка.

Мякиш к колодцу бежит вприпрыжку, а сам примечает: толпа-то большая, все приятели здесь. Оно хорошо, да только Умное Слово жалко - не переживет оно встречи с этакой оравой. Они же его вмиг растреплют на буковки. А оно и так, несчастное, до сих пор трясется. Умным Словам в стае бегать хорошо, тогда они худо-бедно отплеваться могут, либо у образованных людей дома, где их любят. Поодиночке да еще в некультурном месте они быстро погибают.

Надо бы Умное Слово в хорошие руки отдать. Оно видное, вон хвост какой богатый, и ног много.

Приметил Мякиш одного господина, что из лавки шел: красивый такой господин, сапоги крепкие, большие, выше колен. На руках перчатки, а в руках палочка с наконечником - стек называется. Заместо хлыста у некоторых. И шляпа. И усищи - во! Круче, чем у булочника, завиты. А главное, культурный: два ведра первосортных букв за ним мальчик из лавки несет, пытит.

Мякиш - к нему. Встал, дорогу загородил, смотрит снизу вверх широко распахнутыми глазами и требует:

- Дяденька, возьмите это! Она смиренная!

Умное Слово из-за пазухи за хвост выудил, держит на весу и слегка трясет, чтобы шерстинки на хвосте дыбом встали. Слово лапочки свесило, пригорюнилось, как горжетка ношенная колышется.

Господин нахмурился:

- Это не она, а он. Не видишь разве, как оканчивается? Изм!

- Дяденька, возьмите! - умоляет Мякиш. - Пропадет ведь здесь, болезное. А мне домой надо, воды еще набрать.

- Да оно сдохло уже! - басит господин и Умное Слово палочкой своей по передней лапе - торк!

Слово лапочки поджало, голову подняло и зашипело. Мякиш пустое ведро выпустил, подхватил бедолагу лохматую двумя руками. Умное Слово ему на плечо забралось и замерло там, шею Мякиша хвостом обвив. Набычилось: сейчас господину в глаз ядом плюнет.

Господин развеселился.

- Любишь слова, я вижу? - спрашивает.

Мякиш плечами пожал кособоко.

- Жалко его, пропадет, - объясняет сбивчиво. Уже и не рад, что связался.

- А сам-то ты кто?

- Мякиш. Я у тетушки Пакли живу. Скоро у сапожника работать буду. Или у булочника.

- Это хорошо, это правильно, - одобрил господин. - А где дом тетушки Пакли?

Мякиш скрывать не стал:

- А вон, пятый по улице.

Все одно в доме тетушки Пакли господину поживиться нечем.

- Значит так, Мякиш: мне с твоей тетушкой потолковать надо. Иди за водой, как шел, а я тебя у тетушки подожду. Может быть, мы с ней столкнемся и без сапожника.

Мякиш глаз прищурил, глянул - у колодца-то пусто, все разошлись. Можно быстро обернуться, и Умное Слово никто не тронет.

- Ладно, - сказал он важно и припустил со всех ног.

* * *

Дома тетушка Пакля сияла, как чайник начищенный.

Даже странно: господин-то так с ведрами, полными букв, и приперся. Мальчишке-посыльному все едино, несет их себе за покупателем. На чисто вымытый пол ношу поставил, а буквы-то улепетывают потихоньку, ведра без крышек. Перевалится какая-нибудь через бортик - и шмяк на пол! На другого тетушка Пакля заорала бы, ногами затопала, чтобы не запакощивал всякой дрянью жилье, а господину с рук сходит.

Когда Мякиш пришел, они уже об оплате сговаривались: сколько тетушка будет получать за труд Мякиша. Сговорились быстро, господин столько денег посулил, сколько булочник подмастерью не платит, не говоря уж о мальчике на побегушках.

- Только эта... - виновато попросила тетушка, на Мякиша искоса взглянув, - пуцай школу он не забрасывает. Не тонет в бескультурье-та.

- Госпожа Пакля! - оглушительно захохотал господин. - Я же его не в притон беру! А в такой оплот культуры, что ваша школа зачуханная по сравнению с ним - тьфу, плюнуть и растереть. Не он к ним, а они, учителя его, к нему бегать будут, просить, чтобы поспособствовал. Заискивать начнут, на «вы» называть, уж поверьте мне.

Мякишу не очень-то верилось, но, против воли, сказанное господином понравилось. Оплот культуры - круто. Это, и правда, не булочная.

Тетушка ему враз узелок с собой собрала, провела мокрой расческой по волосам - и за дверь выставила.

Там, на улице, господин дожидался. И посыльный.

Посыльный наглый оказался: ведра ему вручил и учесал, только и видели. А узелок Мякишу в зубах нести?! Пришлось пихать его в ведро поверх буквочек. Они запищали, заскреблись...

Ученое Слово на плече как приклеенное сидит. Только зашипело на тетушку, когда она с расческой сунулась. Тетушка Пакля тогда ему кулак под нос - плюй, мол, интеллигенция, Умное Слово ядом-то и поперхнулось.

Сейчас она, тетушка, на пороге лачужки встала, щеку рукой подперла и пригорюнилась. Мякиш только вздохнул глядя: пообещал на выходных непременно навещать. Ведра с буквами подхватил и поволок за господином.

И страшно, и радостно.

Шли долго, через центр города, здесь Мякишу и бывать-то не доводилось. Может, и к лучшему: шибко чисто на улице. Никто не плюется, обидно даже. Мякиш шел, шел, не утерпел - и плюнул в клумбу. И сразу на душе легко.

Ученые Слова, правда, гуляют невозбранно. Прилизанные, холеные. А приبلудное так и угнездилось на Мякише, нипочем слезать не хочет, к своим не идет. Вот же прилипчивое!

А господин все дальше и дальше ведет. По улицам, по площадям, по набережной.

Вдруг - бац! - и завел на окраину. На окраине - лес стеной. А перед лесом пустырь. Вроде старого заброшенного кладбища.

А посреди пустыря домина не домина, хоромина не хоромина. Внушительное здание, вот и весь сказ. Лишь одна дорожка к нему тянется, остальные тропинки огибают пустырь, будто боятся. Окошки узенькие, высокие, а само камня темного, почти черного.

И господин к нему - по-хозяйски так.

Ключ длинный выудил (и где прятал только?!), в скважину вставил, повернул.

Огромная дверь мягко, без скрипа, распахнулась.

- Заходи, Мякиш! - велел.

А Мякишу неохота в этот оплот культуры голову совать, боязно. И сил уже нет: ведра все руки оттянули, ноги от слабости дрожат.

- Ага! - заметил господин. - Коленки трясутся? Не бойся, скоро тебя отсюда за уши не оттащишь. Тут так интересно - нигде подобного не сыщешь. И что опасаясь - тоже правильно. Опаснее этого места в городе не сыскать.

Ну как после таких слов не войти?! Когда интересно, да опасно - это ж слаще вдвойне. Мякиш шаг, шажок - и в дверь.

А за дверью ничего. Прихожая огромная, навроде школьной, пустая совсем. И еще двери. И лестницы.

Господин за спиной объясняет:

- Здесь осмотреться - и месяца не хватит. Будешь понемногу осваиваться, а начнешь с кухни. Подле нее и каморка для тебя есть. Но для начала пошли с буквами разберемся.

Пересек прихожую, открыл одну из дверей - а там светло. Вышли во внутренний дворик, вот дела. Свой колодец тут, поленница, грядки с укропом и петрушкой, белье на веревке сохнет, бак для стирки валяется. А к стене вольеры приделаны, вроде как для цыплят. Одни побольше, другие поменьше. Сетка мелкая-мелкая, а за сеткой букочки копошатся.

Мякиш пригляделся - а они не вперемешку, разобраны.

Господин объясняет:

- Я сегодня редких букв прикупил оптом, ты их вон туда скидывай, в отстойник. Позже рассортируешь.

Мякиш послушно ведра поставил, крючок с проволочной дверцы скинул, распахнул вольер - и одно ведро туда ка-ак плеснет! Тетушка Пакля так воду грязную на улицу выплескивает после стирки.

Буквы - как брызги! - по вольеру скок-скок-скок. И давай беситься - насиделись в ведре, соскучились. А Мякиш по ним вторым ведром, следующую волну. И дверцу снова на крючок. Пусть обвыкаются!

Сам же узелок под мышку - и за господином на кухню.

Хорошая кухня, замку под стать. А повар всего лишь один, да еще и хромой, колдует над котлом, травки всякие в него сыпет. Пахнет - с ума сойти, до чего же вкусно! Или это на голодный живот так кажется: Мякиш и не понял.

Налили ему миску похлебки, густой, хорошей. Он ее съел в два счета и осоловел. От всего разом, что за день приключилось.

Повар его до каморки довел, на лежанку усадил. Мякиш покивал в знак благодарности, да и в подушку уткнулся, не раздеваясь. Ноги гудят во сне, спина гудит. Ухо греет мохнатое Умное Слово, сторожит его сон.

А под кроватью, где-то там, глубоко, не то стонет кто-то, не то рычит.

И потянулись трудовые дни Мякиша. Господин ему неделю отсыпаться дозволил, сколько душе угодно, так что вставал Мякиш к обеду.

И обычными делами занимался, как и у тетушки: дрова колол, воду из колодца на кухню таскал, грязное белье в чане, в мыльной воде топтал, чтобы отшоркалось. Пятки стали белые - страсть!

Потихоньку буквы из отстойника разобрал, по вольерам рассадил, как и велено.

Потом хромой повар его к лепке слов приставил, обыкновенных.

А Мякишу это только в радость: налепит их с десятков, они носятся вокруг колодца, играют. Умное Слово на солнышке греется, лапы раскинув - они его кусают, нарываюся. Получат по спине мохнатым хвостом, отскочат - и опять резвиться. Придет повар, уведет их куда-то внутрь.

И это только показалось Мякишу сначала-то, что нет в здании никого, кроме господина и повара.

На самом деле народу тут прорва крутится. Просто комнат много и вообще. В обед разные люди в кухню спускаются. Унылые такие, узкогрудые. Шуточек не отпускают, громко не смеются. То есть смеются над чем-то, но тихо. А над чем - Мякишу непонятно. Какие-то они не такие - на дворе у вольеров лучше. Мякиш поэтому обедал позже всех: все равно посуду ему мыть. Это тоже обязанность мальчика на побегушках.

Повару Мякиш приглянулся: и буквы ладно лепит, и с Умным Словом не разлей вода. Обещал, мол, узнает как-нибудь, что за Умное Слово Мякишу досталось. Просто в нем буквы так слепились, шерстью покрылись - и не разобрать. Да еще оно по городу потаскалось, заляпалось с ног до головы.

Господин приходил на кухню - тоже Мякиша хвалил. Стал с собой в город брать, как за буквами в лавку отправлялся, чтоб без посыльного обходиться. По выходным к тетушке отпускал, как и обещал.

Умное Слово приловчилось на Мякише в город ездить: с плеча-то он его спихивал, уж больно туго хвостом шею давило, прямо как удавкой, так оно стало к спине цепляться всеми лапами, а голову Мякишу на плечо класть. Так и идут: Умное Слово по рубахе распластается, только хвост мохнатый позади Мякиша туда-сюда колышется.

Дальше прихожей и кухни Мякиш в здании пока не бывал. А там стены вибрировали: ладонь приложишь к колонне у входа, а она трясется мелкой дрожью: у-у-у-у-у...

Мякиш себе голову не забивал: может, это культура и есть, в чистом виде. Сила! Главное, чтоб не рванула - а так пусть гудит.

И вот настал день, когда пустили Мякиша за закрытые двери. И на лестницы тоже пустили, которые на верхние этажи вели.

Только он не понял ни шиша.

Сидят там люди - те самые, которые потом на кухню обедать спускаются - и выделывают чего-то. А чего, спрашивается, делают? В одной мастерской решетки какие-то, сбруи, сетки. Словно тут конюшня или псарня. А в другой - Умные Слова составляют, буква к букве, да быстро так! Тых-тых-тых-тых: вот тебе и слепили какую-нибудь «симуляцию». Или «генезис». Или еще чище.

Господин удивлением Мякиша насладился и говорит:

- Это, друг мой Мякиш, только маковка. Богатства-то у нас в подвале спрятаны.

- Это которые гудят? - сообразил Мякиш.

- Они самые. Туда-то мы и пойдем. Ничего не бойся, но и не высовывайся. Прячься за меня, ежели что.

От таких слов Мякишу сразу на двор захотелось, к поленнице и колодцу. За поленницей-то сортир спрятался, уютный такой - в дощатой двери сердечко вырезано.

Господин стек свой, палочку, под мышкой зажал, снял связку ключей с гвоздика, отпер замки на подвальной двери. И стали они спускаться.

А в подвале не то клетки, не то стойла. И копошатся в них твари всякие. Кто кричит, кто урчит, кто завывает, а кто тихо трясется в углу. Добро бы они просто страшные были: так ведь нет, не разобрать вообще какие. Меняются хуже облаков.

Господина заметили - заметались. Кто-то в стену вжался, подальше, кто-то, наоборот, к решетке прилип: рожи неопишутые!

В одном стойле чудо-юдо дыру в сетчатой загородке проковыряло. Господин подошел, а из прорехи когтистая лапа: цоп!

То есть не цоп! - господин-то его стеком по этой лапе: хрясь! Она и убралась обратно.

Мякишу (с непривычки) дурно стало: голова закружилась, живот крутить начало. Он на волю быстренько выбрался. И к колодцу - воды холодной попить

Господин за ним, неторопливо.

Повар кривой увидел, что на Мякише лица нет, выбежал. Что случилось, спрашивает. Господин его послал наверх, сказать, что в пятнадцатом отделе сетка прохудилась, пускай тотчас же заменят.

И сам спрашивает:

- Ну что, Мякиш, не признал, кто это?

Мякиш головой мотает. Поди признай, ага. Тут цирк шапито недавно в город приезжал, с передвижным зверинцем, бородатой женщиной и парадом уродцев - и то таких чудес не казал.

Господин веселится, стеком себя по бокам хлещет.

- Книги это, источник знаний. Неужто не понял, дурачок?

А откуда же Мякишу понять, коли в школе они совсем не такие?!

А господин-то это все прекрасно знает. И Мякишу разъясняет:

- Книги, они такие бестии, опаснее и не сыщешь. Потому и зовут наше заведение бестиарием. По-научному. Мы тут книги чтим.

- А почему они опасные-та? - шмыгает носом Мякиш.

С книгами он раньше не особо сталкивался. У тетушки Пакли их не было, а в школе и не до книг.

- Ты же сам видишь - даже не понять, какие обликом. То такие, то сякие, то этакие. С книгами ведь как выходит? Овечками прикинутся, а сами на человека нападут и в мозг ему просочатся! Особенно на неподготовленного.

Мякиш аж содрогнулся.

Господин покивал и мрачно добавил:

- И что они там в неокрепшем мозгу сделают - кто знает... Потому мы здесь людей и бережем. Изю всех сил!

Мякишу жалко-жалко всех неокрепших мозгами, он и предлагает:

- Так надо по буквам их растащить, чтобы не пакостили!

- Верно ты Мякиш думаешь, - похвалил его господин. - Умница. Да только нельзя. Это же культура и есть, такая вот она в натуральном-то виде. Если книжку окоротить, причесать да разбавить, можно и на людях показывать. Когда она смиренная и не брыкается, то много пользы может принести. Мы ей такой окорот и даем. Нигде столько книг не сыщешь, как в нашем подвале. К нам и за книгами, и за цитатами со всего города ходят.

- За чем? - не понял Мякиш.

- Кусочками книжными. Да сам посмотришь, как учителя придут учебник обновлять.

- А может, я лучше здесь? - неохота Мякишу даже приближаться к этим бестиям.

- Ничего, ты справишься, как попривыкнешь, - утешает его господин. - Я, главный укротитель бестиария, в тебя верю.

И ведь прав оказался!

День прошел, другой - научился Мякиш в подвал спускаться.

Потому что помощь постоянно требовалась: решетки в негодность приходили, будто жевал их кто, убираться надо было, проветривать.

А потом доверили Мякишу и главное, для чего господин укротитель его нанимал: кормить книги. Потому что повару тяжело хромать по подвалу, а словоплетов с верхних этажей эти бестии боялись.

Сначала Мякиш вообще не понял, зачем и чем их кормить. Пускай бы так сидели, меньше бы до чужих мозгов охочие были!

Но господин укротитель все объяснил в подробностях: тут ведь такое дело тонкое, просто-таки ювелирное. Книги - они же на словах замешаны, и им буквы требуются. Тем, что толстые - по полведра в

кормушку, а тоненьким и ковшика хватит. Это потому что они взаперти сидят - были бы на вольных хлебах, им бы уличных буковок хватало. Как тем коровам, что по городу шатаются: в канаве травки пощипали, на пустырь пошли - клеверу наелись, белье висит на веревочке, сушится - полотенцем закусили. Но нельзя же книги так на улицы выпускать! А с другой стороны, тут же не каторга, а культурное заведение. Оплот. За книгами приходят, к людям их выводят. Книга должна в хорошем состоянии быть. Истощенная, она и ходить-то не сможет, какой интерес с такой общаться.

Но опять же во всем мера нужна: чуть дай им воли, они тебе такое устроят, рад не будешь. И сетки рвут, и решетки ломают, и пол каменный шкарябают, прокопать надеются. Тоже глаз да глаз нужен.

Понемногу Мякиш и сам во всем разобрался. Понял, как порядок в подвале поддерживают.

После завтрака (если дождя не было) повар на дворе постирочный чан ставил. И начинал в него буквы засыпать из разных вольеров. А Мякиш деревянной лопатой в чану возюкал, чтобы буквочки перемешались лучше. Каких букв сегодня больше надобно - господин говорил после утреннего осмотра. Потом Мякиш ведром комбикорм этот черпал - и нес в подвал довольствие.

И повар тоже своим ведром зачерпывал. Потому что к некоторым книгам Мякиша не подпускали, боялись за него. Господин укротитель объяснил, что это для взрослых, сочинения прельстительные и обольстительные. Они там у себя вечно клубились какими-то странными штуками и хихикали зазывно, бестии бесстыжие.

У Мякиша в подчинении книжки были попроще: не особо буйные. И такие, и классики. Такие были поживее, зато классиков в город таскали по поводу и без повода. Поэтому в подвале они по большей части отсыпались.

Как кормили книги буквами - это одно. Но их еще лечить требовалось! Но сначала, наверное, лучше про охранять. На каждом стойле табличка висела красивая. Там название книжки писали, чтоб не перепутать. А путь на волю ей перегораживала рецензия: решетка такая. В решетке дверца была, аннотацией называют.

Мякиш аннотацию отпирал и буквы в кормушку высыпал. А там уж каждая бестия с ними разбиралась, как ее душа пожелает.

Решетки были красивые, витиеватые, с узорами. Произведения искусства просто. Большинство книг эти рецензии страсть как не любило, грызло, кидалось на них, выломать старалось. Особенно буйным приходилось усиленные, двойные и тройные ставить. И менять на свежие постоянно. Так что люди с верхних этажей без дела никогда не сидели.

Но были книги и спокойные, такую из-за рецензии и не видать, не слышать. Так, повоет иногда - и снова молча лежит, думает.

Иногда и самые шумные вот так у стеночки лягут и ни гугу. Тогда Мякиш господина укротителя звал: хороший отзыв книжке требовался, как леденец дитяте. Отзывы в bestiарий люди приносили. А если хороших слов ни у кого не находилось, и сами делали.

Только штука-то вот в чем была...

Принесут с улицы отзыв, и слов-то в нем немного, и составлен простенько, а bestия сразу оживет, перья распушит и давай по камере ходить, красоваться. На товарок поглядывать хитренько. И ворковать, и курлыкать, и что-то из себя изображать.

А свой отзыв на верхних этажах сделают... И слов вроде побольше налепят, да не простых, сиропно-сахарных, чтобы бедная не хирела: а все одно куксится, капризничает. Не радуется. Хвост подожмет, скукожится и в угол всеми глазами уставится.

Отзыв, к примеру: «Эта работа - настоящий, написанный кровью сердца шедевр в ряду поделок, сляпанных ради барыша» - полежит-полежит у клетки, да слова и разбредутся по своим делам, а то и на буквы рассыплются.

Мякиш заметил: другие книги все равно обижаются, даже если самой bestии такой отзыв не в радость. Тоже дуться начинают. Вообще караул: слова из отзыва под ногами путаются, буквы по стенам блошками скачут, в клетках вой и шипение стоят, не унять.

Поначалу Мякиш расстраивался, чинить такие отзывы пытался. Слова поймает, в угол загонит и переиначит маленько: вдруг переделанное понравится?

«Эта работа - настоящий, сляпанный ради барыша шедевр в ряду поделок, написанных кровью сердца». Красиво. Умное Слово с плеча кивает, поддакивает.

Убедится, что слова хоть чуть-чуть рядом встали. Если разбредаются, букв добавит, ашек, ишек и ошек, чтобы лапками слова держали. Особо вредных слов не держит, пусть ползут. Все одно в подвале сдохнут.

Иногда складно получается: «О! Эта работа и шедевр, и поделка, и барыш! А кровь сердца сляпана настоящая». Вот сам бы читал да радовался.

Что получилось - в клетку закидывает, аннотацию открыв.

Да только тоже ничего хорошего. Bestия еще пуще заходится. У особо нервных пена из пастей прет, хрипеть начинают.

Поглядит-поглядит Мякиш на это безобразие, плюнет и наверх уходит. К солнышку. Ничего. Посидят эти твари в холодном подвале, тишине и темноте, голодные - и без отзывов утихомириваются. Bestии.

Очень Мякиш господина укротителя зауважал, как около книг потерся: его-то, Мякиша, работа, плюнуть да растереть. Накорми, решетки проверь - и гуляй себе. А господину укротителю их ведь в город приходится выводить да следить, чтоб не покусали кого.

Ежу понятно, что святым здесь не будешь: какую бестию на выход брать, которая лоснится вся, как жеребец вороной, необъезженный, хвостом раздвоенным бьет и зубами-кинжалами клацает, или проверенную, спокойную, зубки у которой от времени стерлись, грива осыпалась?

Любимый зверь господина укротителя был заслуженный классик. Огромный. С виду грозный - только ветхий уже, подслеповатый и добренький. На него и ошейника-то не требовалось, так, гриву начешут, накинут поводок - «Глубина содержания, широта охвата жизни и художественное мастерство не имеют равных в мире» - и ведут: народ культурно просвещать. С боков поддерживают.

Да только народ этот бескультурный от классики нос воротит, сколько им не тычь разумное и доброе. Новенького требует. Захватывающего. Раньше-то Мякиш и сам бы так думал, а теперь он ученый, знает: не-е, лучше классику. Она проверенная.

Потому что с новеньким начинается потеха.

Свежую бестию так просто на люди не выведешь, готовить надо. Весь bestiарий на ушах стоит.

Мякиш сам видел, как приходил заказчик к господину укротителю, бестию выбирал. Господин укротитель кивал, кланялся, зубы под крутозавитыми усами скалил. А потом, как заказчик на порог, платком лоб вспотевший утер и выругался самыми черными словами.

Бестии этой, про которую разговор вели, в клетке тесно, рецензии так и лопаются. Скалит зубы, тварюга, ничего с ней не делается! Глазюками зыркает и когтями в полу бороздки процарапывает.

Такая не в мозги просочится, такая всем головы отгрызет, до кого дотянется. Или скальпы лапой снимет. Когти - как крючья!

Только и господин укротитель не пальцем делан. Знает ремесло-то.

Вызвал всех и работы задал.

Перво-наперво велел решетки обновить, более строгие поставить, с шипами внутрь. Пусть-ка попробует на прочность! С аннотацией тоже не баловать: уменьшить. Чтобы поверила, что выпускать не собираются.

Кормить запретил: и так сытая, вон как мускулы под кожей играют.

Зато велел три раза в день ей свежие отзывы давать. Да похлестче которые. Ни в коем случае не свои - такие она за версту чует, они ей, как пыль: чихнула - и нету. Самые настоящие. От людей.

Мякиш думал, что с отзывами самое сложное будет: поди набери, чтобы три раза на дню. Думой своей с хромым поваром поделился. Но тот его утешил: отзывов наберут за нечего делать. Эта бестия уже

покусала некоторых, они злобятся, строчат. Да и другим рассказывают - те тоже осуждают. Главное - дня три продержаться, не больше. Заказчик ждать не будет: ему же свербит во всех местах, книжка-то новая!

Мякишу интересно было, не описать! Он и в мастерской вертелся, где рецензии ковали, и аннотацию помогал укорачивать: солидно получилось.

Через аннотацию бестия теперь и голову высунуть не смогла бы: «Это захватывающая история о великой войне добрых и злых. Но кто победит?». Мякиш специально проверил: лично его голова застряла. Уши за «кто победит» зацепились, чуть не оторвались. Еле выпутался.

А рецензию просто роскошную отковали, каждое слово лоснится: «Не успели мы опомниться, как в ряду обычных проходных книг обнаружилось нечто, что сумело не дотянуть даже до этих неприятельных вершин. Откопав из закромов своей памяти пару ведер навозных фантазий, доблестный автор слепил очередной шедевр, круто замешанный на конъюнктуре. Шаблон сложно чем-то испортить, но, воистину, нет предела человеческой изобретательности. Хотя завязка ни капли не впечатляет, странный авторский юмор дает право предположить, что дальше нам предложат нечто оригинальное, но не тут-то было. Картонные персонажи демонстрируют нам такие ужимки, что не снились обитателям сумасшедшего дома. Полностью провалена мотивация героев. Невозможно найти хотя бы зачатки какой-нибудь философии. О языке и говорить не приходится, он ужасен. Впрочем, чего ждать от вещи, в спешке сляпанной на заказ. В результате мы имеем дурнопахнущую скороспелую поделку, законное место которой на помойке».

Еле подняли этукую страсть: восемь человек в подвал несли. Приклепали к камере и за следующей подались, второй линией обороны. Она пожиже вышла: «Было бы полбеда, если бы роман честно отработывал свое законное тупое мочилово, стараясь достичь успехов хотя бы в этом, и не тужился преподнести нам какие-то смутные откровения, порожденные ущербным гением его создателя. Убери автор натужные умствования - глядишь, и получился бы легкий боевичок, который приятно было бы полистать на досуге. Но вникать в эти косноязычные страсти - увольте, едали мы похлебки и получше».

Мякиш так понял, что ребята выдохлись, они же тоже не железные. В три раза легче получилось, а в чем упрекают, вообще не понял.

Повара опять спросил - тот не стал важничать, объяснил: мол, первая решетка для того и сделана такой неподъемной, чтобы бестии окорот дать. На нее основной удар приходится. А второй решетке и не нужно основательной быть, она спесь с твари сбивает.

Пока решетки ставили - и отзывы подоспели. Всякие - выбирай на вкус. И «Аффтар выпей йаду!», и «Ф топку!», и «Говнокнижка!». Их

господин укротитель велел в первый день давать. Они же только с виду мерзкие, бестия к таким привыкла, ее сейчас больше рецензии занимают. Но и отзывы нужны для общего, так сказать, аромату.

А вот как рецензией насладится, тут ее надо уже серьезнее обрабатывать. Такими вот: «Прочел. Не пронра... Скучно», «Пролистал с десятков страниц: достаточно, чтобы понять, насколько протух этот труп», «А о чем книжка-то? Фигня какая-то».

Мякиш их в стойло к бестии засовывал, в дыру пропихивал, а тварь-то уже не бесновалась, лежала в углу, раны зализывала. Паинька паинькой, бантика только не хватает.

Мякиш прямо поражался, как тонко господин укротитель злодейскую натуру этих бестий насквозь видит.

На третий день отзывы пошли другие: «Плоско и банально. Избитый сюжет, затасканные идеи. Жалко потраченного времени», «Неужели никто не видит, что это гадость? Неряшливо и нудно. Читал по диагонали», «М-да... Если теперь книжками называют ЭТО... Полный сумбур, бред неудачника».

Теперь бестия и не огрызалась даже. Сонная стала, вялая.

Господин укротитель руки потер и сказал: «Пора. Вот теперь можно».

Явились в подвал большой кучей. Рецензии расклепали, целиком сняли: через аннотацию бестию все равно бы не вытащили, как того верблюда через иглу.

А на книгу сеть накинули. Тоненькую, но прочную: «В целом интересное, необычное произведение. Свежий взгляд с легкой нотой экзотичности. Новая подача материала. Натянутый нерв сюжета. Тончайшие нюансы восприятия» и т.п.

А господин укротитель (при полном параде и даже в манишке накрахмаленной, на слюнявчик кружевной похожей) не один в подвал пришел. Привел с собой целую свору Умных Слов.

Стек на приступочку положил, перчатки снял и выдрал дверцу-аннотацию из решетки. Голыми руками ее растянул в полосу, а потом согнул в кольцо. И на опутанную бестию ошейником-то надел.

Перчатки натянул, стек приготовил - и повел книгу к читателям. Тихую, смирную, в ошейнике и сетке. А Умные Слова вокруг бестии скачут, стерегут. Только она лапу сквозь сетку выставит, когти выпустит - моська длинная ее за лапу хватать: «Высокодуховное!». Бестия когти-то и втягивает.

Как увел господин укротитель эту заразу - все остальные от радости чуть в пляс не пустились: вот же как вымотала! Мякиша в трактир за пивом послали: отметить.

А тут в подвал из школы за цитатами пожаловали, вынь им да положь. Ну с ними особо не церемонились - подвели к класснику, дергайте, мол, чего хотите. Они прямо через решетку перьев-то с него и надрали, чтобы в учебники повклеивать. Один, правда, лапу оторвал, говорит,

нужно увеличивать объем материала. А классику мол ничего не делается, новую отрастит, не впервой.

Мякиш пива принес, как велели, а сам пошел Умное Слово мыть: оно же за ним везде таскалось, еще грязнее стало, будто швабра.

Набрал воды теплой (хромой повар на плите кастрюлю всегда держал), в таз его посадил и давай тереть. Потом в полотенце завернул, побаякал маленько да и пустил по кухне бегать, отряхиваться. Слово туда-сюда носится, брызги - веером. Радует, что чистое, пушистое. Мякиш расческу взял, давай его по слогам расчесывать. Не поленился, от макушки до хвоста обработал. Делать-то все одно нечего: словоплеты прямо в подвале пьют, вот и до песен добрались.

А Мякиш Слово-то прочел! Сам! Буква за буквой, слог за слогом - разобрался наконец: «радикализм» это. И такое его счастье охватило, такое удовольствие - век бы наслаждался.

Еще бы понять, ради кого этот «кализм», да не успел: господин укротитель вернулся, чернее тучи: манишка набекрень, морда располосована, хрипящую книгу волочит, цепь на кулак намотал. Шавки его позади бегут, хвосты поджали. Бестия-то хитрее оказалась, чем думали, сцепились они все-таки на людях. Сеть она порвала, тонка оказалась, а «Высокодуховное!» так лягнула, что отлетела моська пушинкой и закрутилась юлой, подбитую лапу оплакивая. Надо было не три дня, а месяц ее укрощать, тогда бы толк был.

Запихнули тварюгу в стойло, опять рецензией запечатали. Дыру, где аннотация была, просто второй рецензией закрыли, вверх ногами ее перевернув. Господин укротитель манишкой лицо вытер и Мякиша обратно в трактир послал: за водкой.

И все они с горя напились.

* * *

Почти год прошел, Мякиш в бестиарии пообвыкся. Книг бояться перестал, уже не страшили ни хвосты, ни гривы, ни головы о нескольких языках.

Присматривался к ним он с интересом, да только через рецензии ничего разобрать толком не мог.

Окреп Мякиш от таскания ведер, уже не так уставал, без задних ног на кровать не брыкался. Умных Слов нахватался - сам теперь мог клепать, не хуже прочих. Платили за это, между прочим, неплохо, тетушка Пакля очень радовалась.

Но стал он по ночам просыпаться. Помимо воли стал.

Проснется и слушает, как плачут книги в подвале. Жалобно, взхлеб. Рад бы уснуть, а не может. И вертится, и воду пьет - ну никак!

Один раз не вытерпел, ноги в тапки сунул и вниз пошел. Хотел отзывать немного дать - припас под кроватью. Такие, где люди едят «хорошая книжка, спасибо». Чтобы не скулили, как щенята без мамы.

Да на господина укротителя чуть не наткнулся, от страха все отзывы рассыпал, а сам еле спрятался за дверь, в щелку подсматривает. Тот, оказывается, ночным промыслом занимается, продает книжки какому-то скользкому типу. Те самые, которые для взрослых и к которым Мякиша не подпускают. Им и сети не требовались - они не кусались практически, вихлялись только смешно.

Одну книжку, видать, этот тип решил не брать, так она на морде бабы лицо слепила, губки бантиком и спрашивает басом задушевно: «Мужчина, не хотите ли интеллектуально развлечься?». И ресницами накрашенными - хлоп-хлоп!

Мякиш прыснул в кулак - ну и оплот культуры - и в свою конуру, пока не поймали.

А сердце-то все равно глохнет... Луна в окошко глядит с интересом - хоть самому вой. «Радикализм» за ухом чешет, купать его, видно, снова надо...

Лежит Мякиш в кровати без сна, в потолок глядит. Слушает.

Вот ушел ночной гость. Вот господин укротитель к себе поднялся. Сейчас рюмочку дернет - и на боковую.

Ночь идет, тишина кругом, спят все в бестиарии. Кроме бестий. И знает Мякиш, понял уже: тюрьма это, злое место.

Встал Мякиш, оделся, Умное Слово на плечо посадил - и в подвал. Раскрыл подвальные двери пошире, да и пошел по рядам, аннотации распахивая. Будь что будет. Сапожнику мальчишки на побегушках всегда нужны, а он не тюремщик. И точка. Вот такой вот радикализм.

Не поверили сначала бестии, подвох почуяли. Потом самая смелая нос из решетки высунула, свежий воздух понюхала - и скачками на волю. Тут уж они все потянулись, только их и видели. Кто ушел, кто уполз, а кто и улетел с песней.

Мякиш посмотрел на дело рук своих, да и пошел вслед за всеми наружу. Как-то пусто у него в животе стало, слабость накатилась: в душе решимость была крепкая, а вот тело забоялось сделанного. А чего бояться: сделано и сделано. И пошел Мякиш по тропе через лес, прочь от бестиария. В соседний город решил уйти. Навсегда.

Шел, шел, да и сел под деревом передохнуть. Когда ветром с него подвальную пыль сдуло - легче стало. И страх испарился.

Сидит Мякиш, Умное Слово на коленях баюкает, небо над ним ночное, деревья как колонны. А из-за деревьев бестии выходят, к нему тянутся. На воле-то они не страхолюдины, а вовсе даже красавицы. Никуда не просачиваются: открываются ему навстречу. А в них и радость, и боль, и смех, и солнце, и битвы, и неведомые страны, и море плещет, корабли качает.

Мякиш узнал одну, она ему еще в подвале нравилась, небольшая такая. Не тихоня, но и буянить особо не буянила, сама по себе. Ему давно интересно было, про что книжка-то. Теперь спешить некуда и Мякиш начал ее с самого начала: «Небо было почти черным, а снег при свете луны - ярко голубым.

Под ледяным покровом неподвижно спало море, а глубоко в земле, среди древесных корней, всем мелким зверюшкам и насекомым снилась весна...».

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ , ИГОРЬ МИНАКОВ

CYGNUS DEI

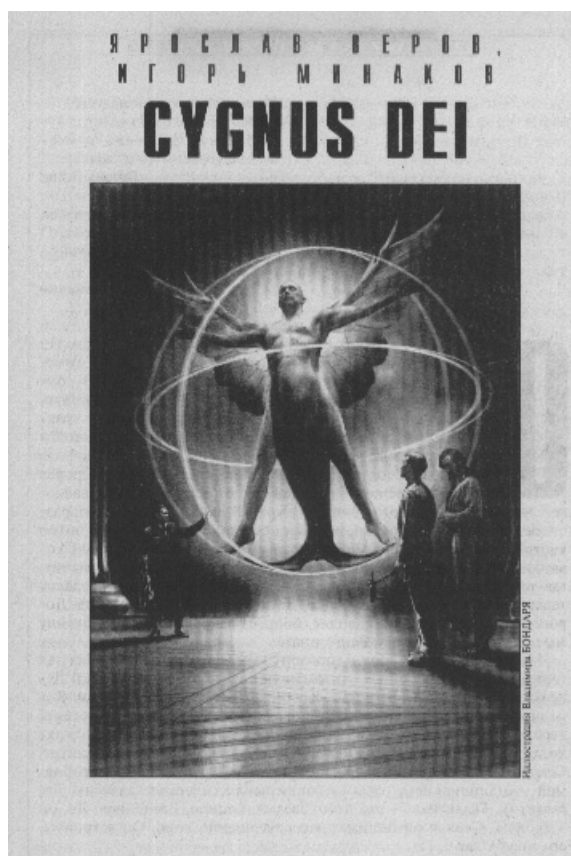

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

*И, силой плененный могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит под кручей,
Он смотрит туда, в вышину.*

Генрих Гейне

*Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.*
Сергей Есенин

Песнь первая

Он очнулся. В затылок плеснуло расплавленным свинцом. Он лежал, смотрел в призрачно-голубое небо и не понимал смысла всплывших в памяти образов. Вернее, не помнил. Не помнил и не понимал. Потом возникло имя - Олег, и он понял, что это его имя, это он Олег, и, наверное, он вчера таки крепко набрался... несколько мгновений ему понадобилось, чтобы понять, что означает - «набрался»... А по какому поводу?

Он неловко повернулся, сел. Поднялся на ноги. Провел языком по деснам - передернуло от непривычного сладкого... нет, сладко-горького привкуса во рту. Мироздание дрожало, разбитое на миллион осколков, и никак не желало собираться в единую картину. Заросшая буйным разнотравьем поляна. Яйла, нет, низковато для яйлы, вон же впереди море, и оно не слишком внизу, значит, где-то поблизости трасса... Трасса. Трасса - это асфальт, разделительные полосы, дорожные знаки. Дорога. Трасса - это дорога. Дорога - это путь. Он рассердился, оборвал закрутившуюся сумятицу мыслеобразов. Смотреть. Вспоминать.

Море - угрюмое, серое, а горизонт залит багрянцем, и облака над горизонтом разноцветные, сизо-фиолетовые, розовые, белые. Деревья. Высокие, иглы длинные. Крымская сосна. Значит, Крым. Конечно, а что же еще? Но где? Он повернулся. Наполовину заросший лесом горный массив. Демерджи. Да, правильно. Демерджи. Возникло воспоминание - там, на Демерджи, его однажды укусил каракурт. Сам виноват - поперся в поход один, помедитировать над проблемой нестационарного распределение неклассических галактик. Да, галактик. Галактика - это небо, звезды, космос, Вселенная. Да, он астроном. Сейчас он понимал это совершенно ясно. Он астроном, его зовут Олег и... и...

Он поднес к лицу руки - их окутывало слабое марево, нет, не марево, какая-то слизь. Или померещилось? Нет, руки как руки. И почему он в костюме? В штиблетах? Неужели Гришковец защитил диссер и был банкет? Да, то есть нет. То есть защитил и банкет был... но не вчера, раньше. Что же такое было вчера? Надо спуститься к морю, подумал он. Эка занесло - до Алушты километров пять. Словосочетание «пять

километров» вызвало странное ощущение... холода? Страх? Нет, не так - чего-то смутно и неприятно знакомого. Не поймешь.

Он двинул вниз по склону - медленно, ноги были как две сухие жерди. Деревья. Сосна, кедр, кипарис. Узнавание радовало, но тут же порождало и смутное беспокойство - память продолжала издеваться над ним. Вот за этим отрогом сейчас откроется Алушта. Конечно, он живет в Алуште. А работает на обсерватории, в Голубом заливе - недалеко, но жить на обсерватории не хочет. Слишком тесно, слишком много не в меру общительных коллег. Он любит одиночество. Одиночество способствует консервации мысли... Нет, не так. Концентрации - вот правильное слово. А вот это платаны. Да. Платан - растение, Платон - философ, а плато - это яйла... Новым усилием воли он подавил приступ сумбура. Вот роща. Мощные, красивые деревья, странно, что он не помнит этого места. Вон море, уже сверкают на востоке отражение солнечных лучей. А вон чайка. Высоко парит... Нет. Не чайка. Странная птица и крупная...

Птица заложила вираж и стремительно приближалась, словно, прочитав мысли, хотела дать возможность хорошенько разглядеть себя. Ближе, ближе...

- Господи! - хрипло произнес он.

У «птицы» были человеческое, даже - он был уверен в этом - женское лицо и волосы, золотые волосы, развеваемые встречным ветром. Бред, горячка. Делириум тременс. Я сошел с ума.

«Я сошел с ума», - повторял он, пятясь в глубь рощи. Слово древесная сень могла избавить от наваждения. Споткнулся о какой-то корень и опрокинулся на спину. Поспешно встал на четвереньки - ощутил, как что-то плотно сдавило щиколотку. Расщелина? Нет. Нога словно прилипла к бурому и толстому, как ржавый трос канатной дороги, корню. Не прилипла - прикована мощным древесным браслетом. Он осторожно поднялся. А спустя миг «трос» натянулся и повлек его за собой. Неторопливо, но настойчиво. Он запрыгал на одной ноге, не удержался, снова упал, вцепился обеими руками в подвернувшийся ствол, но не выдержал и пары секунд: все равно что сопротивляться механизму. Неведомая сила повлекла его быстрее и, казалось, нетерпеливее, он перекатился на спину, схватился за «трос», сиюсь приподняться, - и увидел конечную цель «путешествия».

Толстое дерево только листьями было похоже на платан. Ствол больше напоминал винную бутылку или бочонок. Посреди ствола зияло дупло. Если можно назвать дуплом жадно разверстую розовую пасть с тягучими белесыми слюнями. Плотоядное растение? В Крыму? Я сошел с ума...

Он закричал, вернее - завопил, громко и бессмысленно, и с неба отозвался звенящий печальный голос, и он понял: кричит птица с человеческим лицом, и не просто кричит - оплакивает... или зовет на

помощь?

Ш-ш-ш! Огненная полоса перечеркнула землю между ним и древесным чудовищем, смертельное натяжение исчезло, а «трос», вернее его обрубок, вдруг сделался горячим и вялым. И он трясущимися руками выдернул ногу из «браслета», а потом в поле зрения возник человек в зеленой камуфляжной одежде, и разглядеть его получилось, только когда он вплотную приблизился к дереву и вскинул руку с чем-то длинным и блестящим.

Ш-ш-ш! Еще одна молния, на этот раз прямо в розовую слюнявую пасть. «Дерево» содрогнулось, зашелестело. Нет, шелестело не само «дерево», а многочисленные корнешупальца; разбросанные по сторонам, они спешили, шурша в палой хвое, к стволу, чтобы втянуться в него, не оставив и следа.

- Так, - произнес незнакомец. - Вставай, не время расслаживаться.

Голос человека, привыкшего командовать. Да и одет по-военному: галифе, гимнастерка туго перетянута черным ремнем. Стоит уверенно, широко расставив ноги. На ногах то ли борцовки, то ли альпинистские ботинки.

Незнакомец глядел серо-льдыстым взглядом, пристальным и цепким. Неприятный взгляд из-под белесых, выгоревших бровей. И волосы белесые. И рыжая борода. Конечно, офицер, вон у него в петлицах и знаки какие-то...

- Еврей? - неожиданно поинтересовался он.

- А... По отцу. А какого?..

- Для полной занозы в задницу мне не доставало еще и еврея, - заметил офицер, засовывая за пояс серебристую «трубу», плюющую молниями.

В голове возник вихрь: бластер, скорчер, плазмоган, разрядник...

- За мной, - распорядился офицер.

- А это? - Олег указал на «дерево».

- Живоглот еще не скоро очухается, - пояснил военный и, не говоря больше ничего, заскользил вниз по склону.

Двигался он с грацией крупной кошки.

Вид на алуштинскую долину распахнулся внезапно, когда после непонятно какого по счету изгиба «тропы» они оказались на ровном участке. Незнакомец обернулся, скомандовал:

- Привал, - и опустил на гладкий валун.

Алушты не было. Внизу расстилались буйные джунгли, из которых редкими клыками торчали развалины каких-то сооружений. А в районе набережной, где полагалось находиться курортной поликлинике, высились две колоссальные башни, увенчанные гранеными рубиновыми шарами, сверкавшими свеженалитой кровью.

- Энергостанция, - проследив взгляд Олега, счел нужным пояснить незнакомец. - Работает, все под током. Большая редкость. Садись, - он

небрежно указал на соседний валун. - Рассказывай, как ты умер.

- Что? - не понял он.

- Рассказывай, как ты умер, - повторил офицер.

- Я умер?

- Если бы существовала шкала для определения глупости, ты бы вышел за ее пределы, - сказал офицер.

Быстро как-то сказал для такой сложной фразы, словно ругательство произнес. И добавил:

- Я, Дитмар фон Вернер, гауптштурмфюрер СС, отдельный горнострелковый батальон, убит седьмого мая тысяча девятьсот сорок четвертого года во время наступления русских на Севастополь.

Дошло: в правой петлице гимнастерки две рунические «С». В левой - три звезды, две полоски. Точнее, всплыло из памяти. Все, связанное с фашистской Германией, фанатично собирал друг детства Володя, он же и просвещал насчет кто какой кортик носит и какие нашивки да шевроны... Гауптштурмфюрер. СС. Очень даже замечательно.

- Мы тебя уже сутки здесь ждем, - добавил немец. - Говори.

- Меня? - переспросил Олег.

- Тебя, еврей, тебя, - откликнулся эсэсовец. - Ну, так как ты умер?

- Не помню, - буркнул Олег.

Кстати, что вообще помню, подумал он. Пьянки коллегияльные на обсерватории помню. И работу помню. Расчеты и наблюдения, наблюдения и расчеты, и перетряхивание западных научных сайтов, и тоска - кому она здесь нужна, астрономия, надо было ехать в Штаты, когда приглашали... Помню. Своеобычные субботние посиделки с Татьяной в какой-нибудь из многочисленных кафешек и столь же своеобычные финалы этих посиделок. Горы. Походы тире медитации... Вот когда каракурт укусил - помню, такое разве забудешь...

- А говорили, что евреи умные. - Фон Вернер сплюнул между ботинок. - Хочешь сказать, что все это, - он мотнул белобрысой головой, - тебе знакомо?

- Не все, - проговорил Олег. - Но кое-что узнаю...

Гауптштурмфюрер пожал плечами.

- Кое-что и я узнаю, - сказал он. - Запомнишь, пожалуй, когда поползаешь по здешним скалам на брюхе. Ох, и прижали нас русские. Головы не поднять... Я вот поднял, а русский снайпер ее сбрил... Помню, блеснуло на противоположном склоне, а эха выстрела уже не услышал. Очнулся весь в какой-то липкой дряни. Ни черта не соображаю... Ладно, идти пора, пока хатули не нагрянули.

- Кто?

- Коты. Раза в два крупнее африканского льва.

Он невольно вздрогнул, но едва заметное движение не укрылось от пристального взгляда немца.

- Не дрейфь, еврей, - усмехнулся тот, поднимаясь. - Пушка со мной.

Отобьемся, если что.

Он зашагал к едва заметному прогалу в стене растительности. Не оглядываясь.

- Моя фамилия Сахновский, - сказал Олег ему в спину. - Сахновский Олег Яковлевич. По профессии - астроном. Работаю... Работал на Симеизской обсерватории.

Фон Вернер покосился на него поверх камуфляжного плеча.

- А на кладбище как оказался?

- Что?

- На кладбище, говорю, - повторил гауптштурмфюрер. - Не знаю, в чем дело, но живоглоты обычно предпочитают места упокоения...

Фрагменты образов, слова, никак с ними вроде не связанные, кусочки раздробленной мозаики, рассыпанные по уголкам памяти, сложились в четкую до беспощадности картинку. Резкие боли в спине... Режущая боль в животе... Тошнота... Рвота... Опухоль растет как на дрожжах... Нечем прижечь ранку - ни спичек, ни зажигалки... Впервые острое сожаление, что бросил курить... До ближайшего жилья километров пять... Ну а алуштинское кладбище так и называется - «Пятый километр». Вот откуда неприятное это воспоминание...

- Вспомнил, - заключил эсэсовец. - По глазам вижу. Ну?

- Двадцать пятого мая две тысячи девятого года меня укусил каракурт, - сказал Олег. - И, видимо, до медпункта добраться я не успел...

- Каракурт - это скверно, - отозвался фон Вернер. - Рядового Вирхова тоже кусал каракурт. Бедняге пришлось помаяться. У меня был приказ отправлять с передовой только тяжелораненых. Но Вирхов выжил. Ему оказали своевременную помощь...

Олег слушал, но не треп восставшего из небытия эсэсовца, а себя. Он умер - это ясное, четкое и холодное знание. Он помнит каждую деталь - как непослушными пальцами набирает на мобильнике телефон службы спасения, кричит в трубку, голос срывается от боли... последние судороги и конвульсии. А потом - сразу, без перехода - расплавленный свинец в затылке и призрачно-серое небо над головой. Умер и воскрес. В мире, где на берегу Черного моря обитают птицы с человеческими лицами, деревья охотятся на людей, рыщут в поисках добычи гигантские кошки, а эсэсовский офицер, вооруженный чудоружием будущего, ведет русского астронома с половинкой еврейской крови к странному зданию, именуемому энергостанцией.

Долгий переливчатый свист прервал поток размышлений. Олег впился взглядом в льдистые глаза немца. Свист повторился. Вернее, раздался с другой стороны. В ответ.

- Хатули, - процедил немец. - Черт, почуяли... Теперь надо бегом, еврей...

- Если ты еще раз назовешь меня евреем, я не сдвинусь с места!

- Неужели? - насмешливо улыбнулся эсэсовец.

- Да, немец! Зови меня Олегом.

Гауптштурмфюрер снова усмехнулся - на сей раз одобрительно, и протянул ладонь для рукопожатия:

- Дитмар. А сейчас, Олег, как говорят у вас... русских, ноги в руки!

И они взяли ноги в руки. Дитмар скользил, как тень. Перепрыгивал с валуна на валун, уворачивался от нависающих над тропой веток. Олег старался соответствовать. С каждым шагом, с каждым прыжком двигаться становилось все легче. Мышцы ног наливались силой. Кстати, и тяжесть в голове улетучилась, и мысли улеглись. Как будто воспоминание о собственной кончине запустило в нем какой-то механизм. Механизм восстановления. Или перезагрузки. Это надо обдумать, но потом.

Олег ткнулся в спину остановившегося вдруг Дитмара. Плазмоган гауптштурмфюрер держал стволом вверх.

- В чем дело?

- Тс-с... Замри!

Замер, стараясь унять дыхание. Прислушался. Кроме шороха ветра в листве - никаких звуков. Или...

- Ложись!

Дитмар сбил его с ног. Навалился всем телом, прижал к усыпанной хвоей земле. Бросок тяжелых лап. Разбойничий свист. И сразу -ш-ш-ш...

- Черт, промазал...

Немец поднялся, скомандовал:

- Вставай. Продолжаем движение.

И канул в грязно-зеленую, как его обмундирование, лесную полутьму. Олег подскочил, точно на пружинах. Отставать нельзя. Никак нельзя. Раз воскреснув, тут же умереть - слишком нелепо. Значит, надо жить.

Заросли оборвались, рассеченные неширокой просекой. Вдоль нее тянулась труба, похожая на газовую большого диаметра. Только выглядела она странно. Он сразу не понял, чем именно. Труба была покрыта серой, блестящей слизью, и она... двигалась. Волнообразно пульсируя, словно прокатывая внутри себя тугие комки, ползла вдоль просеки.

- Повезло нам с тобой! - воскликнул эсэсовец. - Пищевод сегодня трудится со всем усердием.

- Пищевод? - переспросил Олег. - Чей?

- Неважно, - отозвался Дитмар. - Главное, доставит нас на место без хлопот.

Гауптштурмфюрер сунул за пояс чудо-оружие. Сказал:

- А ну-ка, подсади!

Он не стал дожидаться, пока русский сообразит, что да как, подтолкнул его поближе к живой трубе, оперся руками о плечи. Олег машинально подставил ладони. Впившись в них жесткой подошвой

ботинка, Дитмар перемахнул на трубу. Свесился, протянул руку.

- Давай!

Пульсирующая труба сразу унесла гауптштурмфюрера метров на пять вперед.

- Свиная башка! - выкрикнул он.

Знакомый переливчатый свист вновь вывел Олега из оцепенения. Он кинулся к трубе, нагнал, вцепился в руку эсэсовца. Заскреб подошвами парадно-выходных штиблет по осклизлой поверхности. Дитмар могучим рывком выдернул его наверх.

- Давно бы так, - выдохнул немец. - Смотри туда!

Олег перекатился на спину, сел. Всмотрелся. Стена джунглей медленно ползла назад. Из леса выскочила кошка не кошка, внушительных размеров тварь, отдаленно ее напоминающая, - разглядеть толком было невозможно, окрас шкуры повторял рисунок зарослей идеально. Только голова, лобастая, с круглыми, как спутниковые тарелки, ушами, виднелась отчетливо. Хатуль вобрал широкими ноздрями воздух, вытянул мясистые губы в трубочку и засвистел.

- Что, съел?! - крикнул Дитмар и засвистел в ответ.

Хатуль совсем уж по-кошачьи фыркнул и растворился в зарослях.

- Верхушка пищевой пирамиды, - пояснил немец. - Размеры, скорость передвижения, выносливость, мимикрия, социальное поведение...

Очень странный фашист. Говорит по-русски без всякого акцента. Разбирается в биологии. Ладно, с этим после. Сейчас главное понять, где он оказался? Точнее - когда?

- Послушай, Дитмар, - сказал Олег. - Ты давно здесь?

- Здесь я примерно с неделю, - отозвался гауптштурмфюрер. - А воскрес около трех месяцев назад. Точнее сказать не могу.

- И какой, по-твоему, век сейчас?

Немец фыркнул, совсем как давеча хатуль.

- Уверен, что не двадцатый, - сказал он. - Если ты сам из двадцать первого... В твоё время, Олег, такие штуковины были? - Он показал на плазмоган.

- Вряд ли, - откликнулся астроном. - Если только в фантастических фильмах... Ничего этого не было, ни энергостанции твоей, ни этой тошнотворной трубы, ни живоглотов с хатулями. Про людей-птиц я уже и не говорю...

- Сигнусов, - уточнил Дитмар. - Так их монах называет. Сигнус полатыни - лебедь.

- Значит, мы в далеком будущем...

- Не знаю, - пожал плечами немец. - Может, и в будущем. А может, и в аду. Монах, во всяком случае, так считает.

- А ты?

- А я думаю... - проговорил гауптштурмфюрер. - Вот что я думаю...

Меня убили на Сапун-горе и зарыли в братской могиле. И вот я воскрес. Почему именно я? И почему я один? Ведь в той могиле наверняка было немало более достойных сыновей фюрера. Значит, есть в этом какой-то высший смысл! Иначе...

Он умолк и стал яростно натирать рукавом и без того блестящий ствол своего плазмогана. Олег против воли хмыкнул. Надо же, и у железного сверхчеловека есть душа, и ее бередают вечные вопросы.

- Ты говоришь - воскрес, - сказал Олег. - А как это происходит, видел?

- Один раз, - буркнул Дитмар. - Когда монаха нашел. Из-под земли выдавливается белесый кокон, как у гусеницы-шелкопряда, только огромный и твердый. Спустя несколько минут он лопается, а внутри - человек. Взрослый, но беспомощный, как младенец. И если ему не помочь - погибнет в первые же часы. Мне повезло, я нашел оружие и в нем сохранился заряд. Потом я нашел монаха. Потом бабу - гречанку. Ее пришлось отбивать у сирен.

- У сирен?

- Люди-амфибии, - пояснил гауптштурмфюрер. - Обитают в прибрежных водах. Иногда нападают на сигнусов. Те, впрочем, в долгу не остаются. Гречанка, похоже, воскресла на затопленном кладбище. Не захлебнулась лишь потому, что сирены вытащили ее на берег. А там уж и мы с монахом подоспели.

Солнце стояло высоко, когда джунгли поредели и труба-транспортёр повлекла их между развалин. Олег смотрел во все глаза. От родной Алушты не осталось ни следа. Часть города съели заросли, остальное покрывали остовы зданий, которых не было здесь в две тысячи девятом. Напрасно Олег высматривал знакомые корпуса Военного санатория или туристической гостиницы «Восход».

- А ведь так себе был городок, - сказал Дитмар. - Наша часть тут квартировалась до переброски в Севастополь. Захолустье, отнюдь не Ривьера. А потом, видно, вы, русские, наместрились строить... Небоскребы, как в Нью-Йорке. А какая техника... Нам бы такую в сорок четвертом, мы бы вам показали... Знаешь, Олег, - продолжал гауптштурмфюрер, - не удивлюсь, если вы, русские, в очередной раз проворонили свой шанс. Вояки вы отчаянные, грех не признать, но к мирной жизни малоприспособлены. Так что, может, и не вы все это построили. А? Может, нам тогда удалось закрепиться в Крыму. И отсюда мы погнали ваши орды обратно? Что скажешь?

- Не удалось, - возразил Олег. - Ровно через год после освобождения Крыма наши войска были в Берлине. А мой дед расписался на стене Рейхстага. Да и сам посуди, Дитмар, возможно ли еврею стать астрономом в рейхе?

- Да уж... - Фон Вернер помрачнел.

Комок внутри Пищевода судорожно рванулся назад, едва не сбросив седоков на землю, и опал. Транспортёр перестал функционировать.

- Слезай, приехали, - сообщил немец. - Все равно метров через сто труба нырнет под землю.

Он мягко соскочил в траву. Олег охотно последовал за ним. Труба, которая всю дорогу была теплой и упругой на ощупь, начала быстро остывать и будто окостенела. Grimаса отвращения, мелькнувшая на лице Олега, не укрылась от пронизательного взора «истинного арийца».

- Это еще ничего, - сказал тот. - Примерно через полчаса она вообще инеем покроется. Наверное, поэтому хатули ее сторонятся. Теплолюбивые, твари...

- А ты знаешь, что хатуль по-еврейски и означает «кот»? - спросил Олег.

- Впервые слышу, - отозвался Дитмар. - Не мое это слово.

- А чье же? - поинтересовался Олег.

- Варвара одного, - ответил немец. - Хазарина. Называл себя Тарвелом. Он помог мне выжить на первых порах. Как оказалось, для того только, чтобы сделать своим рабом... Короче говоря, мы повздорили.

Он резко повернулся и зашагал вдоль останков улицы, туда, где пылали рублины энергостанции. Спотыкаясь, Олег последовал за ним. Убил, думал он, ясен пень. Замочил хазарина Тарвела. А ведь тот спас жизнь «достойному сыну фюрера». И меня убьет, если приспичит. Но ведь если бы не барон фон Вернер, разлагаться сейчас астроному Сахновскому в пищеварительных соках хищного лжеплатана. Возможно, заживо. Что вряд ли приятнее ядовитого паучьего укуса.

Он захихикал. Повторно пришедшая в голову мысль - воскреснуть, чтобы снова умереть, - отчего-то показалась забавной. Он понял, что не в силах сдержать рвущегося судорожного смеха, остановился и расхохотался в голос.

Немец внимательно взглянул на него. Постоял молча, дождался, пока от приступов хохота у Олега не пойдут слезы, а потом коротко и смачно врезал раскрытыми ладонями ему по ушам.

Помогло. Истерика прекратилась. Отдышался, вытер слезы. Неожиданно для себя произнес:

- Спасибо, Дитмар.

- Ничего, бывает, - немец был невозмутим. - Обычная нервная реакция, на войне я и не такое видел.

И подмигнул.

- Еще немного, и мы дома, - добавил он. - Таис с Йоганом накормят нас по высшему разряду. Хочешь небось жрать?

- Не помешало бы, - согласился Олег. - Я вот чего не пойму, Дитмар. Откуда ты так хорошо русский знаешь?

- Ниоткуда, - бросил немец. - Просто я понимаю, что говоришь ты, а ты - что говорю я. Вот и все.

Широкие ступени от заросшей травой мостовой вели к куполообразному зданию, над которым громоздились увенчанные рубинами башни. Впрочем, вряд ли эти кристаллы были рубинами, возможно, не были они и кристаллами. Скорее всего, кроваво-алый цвет придавало им какое-то излучение. Какое?

Обогнав Олега, Дитмар взбежал по ступеням к высоким сдвижным дверям, которые выглядели надежно запертыми.

- Отличное устройство, - сказал он, показывая на вогнутую пластину, имитирующую отпечаток руки. - Никто, кроме человека, открыть не сможет.

Он приложил ладонь, и створки медленно, будто нехотя, разошлись.

- Видел?

- Ничего особенного, - проговорил Олег. -- Обыкновенный дактилозамок.

Немец усмехнулся.

- А ты, вижу, разбираешься... Значит, я в тебе не ошибся.

Не ошибся он, подумал Олег. Как там насчет: «говорили, что евреи умные»? Кстати, глупость я сморозил, дактилозамок настроен на отпечатки пальцев одного человека. Или группы людей. А этот, значит, - на человека вообще. Не лично же для эсэсовца фон Вернера строили это колоссальное сооружение? Значит, есть кто-то, способный открывать замки, но при этом - не человек?

- О, нас встречают! - воскликнул фон Вернер, заглядывая в проем. - Добрый день, святой отец! Я с пополнением.

- Какой я тебе отец, варвар, - сказал кто-то глуховатым голосом. - Тем более святой.

Из дверного портала вышел очень высокий, выше рослого немца, худой мужчина. Да, на святого не похож, подумал Олег, да и на монаха тоже. Насмешливые карие глаза, смуглое лицо, острый нос с горбинкой, полные губы, в черной шевелюре и бороде поблескивает седина. Одет в длинный темный плащ, застегнутый бронзовой фибулой на левом плече, из-под плаща выглядывает светлая туника с коротким рукавом. На ногах - плетеные сандалии. Обнаженные мускулистые руки перевиты жилами.

Монах, приложив руку к груди, поклонился.

- Иудей? - спросил он.

Далось им мое происхождение.

- Отчасти, - ответил астроном. - Мое имя Олег.

- Рус! - подивился монах. - За какие грехи, Олег, низвергнут в пекло?

- Если бы знать...

- Да, верно, - проговорил монах. - Пути Господа неисповедимы...

Называй меня Иоанном. И не кощунствуй, как этот германец.

- Постараюсь, - буркнул Олег.

- Все, хватит церемоний, господа! - вмешался «германец». - Пора под кров. Жрать хочется. Наговоритесь еще.

Обширный полукруглый вестибюль встретил их прохладой, рассеянным искусственным светом и поразительной для заброшенного здания чистотой. Справа и слева вестибюль упирался в полукруглые выступы, в которых Олег заподозрил основания башен с рубинами. Неподдалеку от входа высился монумент. Идеальных анатомических пропорций человек силится разорвать металлическое кольцо, в которое заключен, но вместо двух дополнительных пар конечностей, как на знаменитом рисунке Леонардо да Винчи, у него были крылья и рыбы хвосты. Кольцо висело в полуметре над полом, выстланном блестящими плитами, без всякой видимой опоры.

- Нравится? - спросил Дитмар. - Это еще не все... Смотри!

Он подошел к кольцу-монументу и легким тычком заставил его вращаться. Кольцо превратилось в серебристую полусферу, внутри которой «леонардовский атлет», казалось, взмахивает крыльями и подгребает хвостами.

- Что бы это могло означать? - спросил Олег.

- Победу человека над стихиями, - изрек немец.

- Бесовскую гордыню, - эхом откликнулся монах.

- Нет, - проговорил Олег. - Думаю, не все так просто...

- Ладно, - оборвал его Дитмар. - Философствовать будем на сытый желудок.

Он решительным шагом направился к левой башне, отворил в ней незаметную овальную дверцу. За дверцей виднелось небольшое освещенное пространство. Лифт, догадался Олег. Гауптштурмфюрер пропустил астронома с монахом внутрь, а затем втиснулся сам. Дверца затворилась. Ускорение придавило их к полу, и это стало единственным свидетельством того, что лифт движется.

Совершенная техника, думал Олег, глядя на невозмутимое лицо монаха Иоанна, который, видимо, стоически относился к дьявольским чудесам. Автоматы, управляющие энергостанцией, похоже, до сих пор в идеальном состоянии. Недаром же внутри ни пылинки. И кольцо это левитирующее - наверняка в магнитном поле. Следовательно, сверхпроводящее колечко, как минимум. И лифт,двигающийся без сучка, без задоринки. А ведь в двадцать первом веке хватило бы и нескольких лет, чтобы оставленное людьми сооружение превратилось в руины. И даже действующий источник бесперебойного питания не помог бы. Обязательно бы что-нибудь замкнуло, начался бы пожар. Теория неубывания энтропии в действии... Нет, тут что-то не так.

Смутная догадка скользнула по поверхности сознания, но тут лифт остановился, дверца втянулась в стенку, и в кабинку хлынул солнечный свет. И запах. Запах жареного мяса.

- Радуйся!

Свет полуденного солнца, льющийся сквозь высокие окна, ослепил астронома, поэтому он разглядел обладательницу глубокого грудного голоса не сразу и как-то фрагментами: медное лицо, серые глаза, иссиня-черные волосы. И в следующее мгновение - маленькую фигурку в длинном, скрывающем ноги одеянии, стянутом на невообразимо тонкой талии поясом. Проморгавшись, Олег сообразил, что девушка смугла не от природы, как монах, а от загара. Из-за чего казалось, что серые глаза под черными ресницами смотрят, словно сквозь прорези в маске.

- Я Таис, - свое имя девушка произнесла с ударением на первом слого.

- Олег, - представился он с неловким полупоклоном.

- С возвращением из царства теней!

- А-э... - Олег беспомощно оглянулся на Дитмара.

- Отставить разговоры! - рявкнул тот. - Будут нас сегодня кормить или нет?!

- Все давно готово, - сказала Таис.

Она кинулась куда-то в глубь просторного помещения с изогнутыми стенами. Гауптштурмфюрер и монах - за ней. Олег подошел к одному из окон. Судя по головокружительному виду, он и в самом деле находился в башне. Побережье с руинами футуристической Алушты отсюда выглядело как узкая полоска земли, придавленная исполинским щитом моря. Над морем кружили птицы, но теперь Олег не мог позволить себе обмануться. Это наверняка сигнусы. И среди них - она, снежноперая женщина-птица с печальным голосом и золотыми волосами. Царевна-лебедь...

- Отведай, Олег, нашей пищи, - сказала Таис. - Вот мясо, вот яблоки, вот виноград. В этом кратере - родниковая вода. Вина нет, к сожалению...

- Давай-давай, навались, - по-своему поощрил астронома гауптштурмфюрер. - Сдается мне, этот олень еще утром ползал по лесу...

Олег опустился на диковинную табуретку, сделанную в виде цветка, взял с длинного, словно разрезанный вдоль керамический цилиндр, блюда истекающую жиром лопатку. Впился зубами. Олень? Вряд ли, он пробовал оленину, а здесь вкус странный - среднее между мясом и рыбой. Похожий вкус у лягушачьих лапок, но размеры... Наверняка немец пошутил - в своей манере - насчет оленя. Крупная рептилия? Значит, у нас тут и крупные рептилии водятся. А может, и гигантские?

Он здесь и сейчас. Осталось выяснить - зачем? Ох, и неглуп фашист Дитмар, ох, и неглуп. «Почему именно меня?» - хороший вопрос. Правильный. От него и надо плясать. Но сперва дождаться ночи - посмотреть на звезды. Что там у нас с прецессией?..

- А что здесь еще есть? - спросил Олег. - Ну, кроме вестибюля и

этой... - неопределенное помавание рукой, - смотровой площадки?

- Немногое, - отозвался Дитмар. - Что-то вроде аппаратной. Хочешь взглянуть?

Олег встал.

- Веди.

Гауптштурмфюрер кивнул монаху и девушке, не проронившим за время трапезы ни слова, сунул за пояс плазмоган. В глазах Иоанна и Таис не было беспокойства, а лишь ожидание, словно им не терпелось остаться одним. Вот оно что: эти двое сами по себе, отдельно от немца и русского - людей далекой для них эпохи. Впрочем, не удивительно. Таис, похоже, античная эллина. Иоанн - из времен раннего христианства. От двадцатого века, в котором родились и гауптштурмфюрер, и астроном, их отделяют многие столетия.

Они подошли к лифту. Втиснулись. Судя по ощущениям, на этот раз поехали вниз. В кабине, как успел заметить Олег, не было никаких кнопок. Видимо, лифт перемещался только между двумя этажами - нижним и верхним. Без вариантов.

- А ты, я смотрю, не слишком жалуешь Таис, - сказал Олег.

- Заметно? - проговорил Дитмар. - Пусть ее поп исповедует, меня на такое не купишь.

- А что так? -- поинтересовался астроном, подстраиваясь под развязный тон эсэсовца. - По-моему, все при ней...

- Она не помнит своей смерти.

Сказал, как отрезал. Как будто это что-то объясняет. Не на того нарвался, фашист. Евреи, они дотошные.

- А может, она боится вспоминать? - предположил Олег. - Ведь женщина же...

- Баба, - скривился Дитмар.

Олег лишь усмехнулся. Лифт замер в нижней точке, и они вновь очутились в вестибюле. Немец показал направо. Еще одна дверь. С таким же «дактилозамком», как и входная. Дитмар сказал: аппаратная. Он почувствовал, что волнуется, оглянулся на немца. У того во взгляде мелькнула насмешливая искорка, и Дитмар жестом предложил Олегу открыть самому. Понятно. Какой-то там сюрприз, и бывший гауптштурмфюрер о нем, разумеется, осведомлен. И чего-то от умного еврея-астронома ждет. Ладно, чай, и мы не лаптем щи хлебаем.

- Постой, Дитмар!

- Ну?

- Спросить хочу...

- Спрашивай. Только не начинай от Адама.

- Ты, когда воскрес, тоже ничего толком не понимал?

- Да, - кивнул фон Вернер. - Я уже докладывал: очнулся, ни черта не соображаю, весь в какой-то липкой дряни. Тарвел и воспользовался этим. Сначала накормил меня, обогрел, а потом заставил на себя

работать. Я поначалу, как придурок, подчинялся, а потом вдруг вспомнил, что я не кто-нибудь, а чистокровный шваб барон Дитмар фон Вернер, гауптштурмфюрер отдельного горнострелкового батальона седьмой добровольческой дивизии СС «Принц Ойген». А как вспомнил, послал этого азиата к дьяволу. Он схватился было за свой топор, но мне достало и камня, чтобы проломить этому варвару тупую его...

- А с монахом было то же самое? - прервал Олег словоизлияния немца. - Я имею в виду, что Иоанн тоже начал соображать не раньше, чем вспомнил свою смерть. Верно?

- Молился без умолку. Пришлось взбодрить.

- И меня ты тоже бодрил, значит.

- Не без этого. Чтобы вспомнить, встряска нужна. Только не испугать, а разозлить. Теперь Йоган меня иначе как безбожником не кличет.

Олег вообразил, какие богохульства пришлось изрыгнуть немцу, дабы взбодрить средневекового монаха, - и улыбнулся.

- Смотри, Дитмар, что получается. Воспоминание о собственной смерти включает в наших организмах целую программу...

- Программу?

- Ах, да, о программировании и вычислительных машинах ты же ничего не знаешь. - Ага, сейчас мы твою баронско-швабскую спесь подсобьем. - Есть впечатление, что в наши организмы вшита некая последовательность команд, стартовый ключ к которой - воспоминание о гибели. После этого наступает ясность мышления, мобилизация физических сил и...

- И еще черт знает что, - угрюмо добавил немец.

- Это ты о чем?

- Скоро узнаешь, - заверил Дитмар фон Вернер. - Так мы заходим?

- погоди. Еще одно наблюдение. О языках. Ты сказал - я понимаю все, что сказал ты, ты понимаешь все, что сказал я. Но это не совсем так... Иначе хазарское слово «хатуль» мы бы слышали как «кот», латинское «сигнус» - как лебедь.

- Верно, - согласился немец. - И к чему ты ведешь?

- Штука в том, что хатули - не коты, сигнусы - не лебеди, а сирены - не амфибии. Это нечто, чего в нашем мире никогда не было. И слово «программа» ты, несомненно, понял не в том смысле, который вложил в него я. Кто-то или что-то подбирает для нас подходящие названия незнакомых существей. С другой стороны, этот кто-то не слишком, похоже, разбирается в языковых тонкостях и переводит кое-какие идиомы дословно, впрочем, это еще предстоит как следует проверить. Кто-то или что-то следит за нами, Дитмар, а может быть, и управляет. И это мне не слишком нравится.

Мгновенная гримаса исказила спокойное лицо потомственного шваба, и Олег понял, что нащупал-таки болевую точку в несокрушимой броне

истинного арийца.

- Насчет управляет, это мы еще посмотрим, - процедил сквозь зубы Дитмар фон Вернер. - Но ты молодец. Вместе мы сварим крепкую кашу, так ведь говорите вы, русские?.. Войдем же наконец.

Олег вложил руку в «замок», двери разошлись.

Находящееся посреди обширного круглого зала нечто более всего напоминало переплетение серых и сизых кишок, и оно пульсировало, сокращалось, вибрировало - жило какой-то сложной и непонятной жизнью... Жизнью ли? Он вгляделся: вся эта неаппетитная, скользкая на вид конструкция была навита на полупрозрачную колонну неизвестного материала и уходила ввысь, туда, где наверняка располагался рубиновый купол. И запах... Олег отчего-то ожидал запахов машинного масла, перегретой электроники, чего-то механического, знакомого. Ничего подобного. В помещении витал тонкий аромат... фиалок? Сирени? Чего-то определенно цветочного, и неуместный этот аромат вызывал сильнейший диссонанс с увиденным. Подумалось, что Кишечник - слово само выпрыгнуло, как чертик из табакерки - не иначе связан с доставившим их сюда Пищеводом. Значит, Пищевод - элемент жизнеобеспечения станции? Что же это может быть? Биотехнологии? Тогда ему в этом вовек не разобраться.

Он осторожно шагнул к конструкции и, не дойдя нескольких метров, уперся в невидимую стену. Защита? Воздух задрожал, запестрел красками и сложился в большой прямоугольник, усеянный геометрическими фигурами и пиктограммами. Олег покосился на немца - тот стоял в привычной своей позе, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Надзиратель, ешкин кот. Прямо как в концлагере на плацу. Ладно, что мы имеем? Имеем, очевидно, голографический пульт управления. И лучше бы в него не лезть. Питекантроп перед атомным реактором. С другой стороны - умные небось люди конструировали, а может быть, и не люди вовсе, неужто защиту от дурака не предусмотрели? Ну-ка, что тут у нас? Система концентрических кругов. Непонятно. Четыре равнобедренных треугольника с общей вершиной. Тоже непонятно. Ромбододекаэдр, а внутри плавает что-то вроде рыбьего глаза. Непонятно, но здорово. Бутылка Клейна. Понятно, но к чему? Две спирали - левосторонняя и правосторонняя.

В задумчивости он водил рукой, касаясь непонятных символов, остававшихся совершенно безучастными к его прикосновениям. Кроме спиралей. Спирали ожили: мигнули, пришли во вращение...

Снова дрожание воздуха и мелькание цветов, на этот раз справа от Олега, на небольшом постаменте возникла человеческая, женская фигура. Дитмар схватился было за плазмоган - ага, тоже, значит, сюрприз, - но Олег вскинул руку в умиротворяющем жесте:

- Спокойно, Дитмар, это всего лишь изображение. Э-э... призрак.

Сейчас уже он чувствовал себя лидером.

Голографическая женщина была высока - на две головы выше эсэсовца, облачена в облегающий золотистый костюм. У нее были странные остроконечные уши, нелепо торчавшие из копны рыжих волос. А когда проекция повернулась к Олегу - обнаружили зеленые глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками. Эльфиянка прямо какая-то. Раздалась короткая мелодичная фраза. И еще одна. Вот тебе и универсальная трансляция языков.

- Не понимаю, - сердито бросил он. - Говорите по-русски!

Секундная пауза, а затем:

- Вас приветствует искусственный интеллект четвертой климатической установки Таврического пояса именем Эндониэль. Для допуска к системам климат-контроля предъявите ваш ген-индекс.

Вот тебе и энергостанция. Одной загадкой меньше. Управление климатом. Только для кого? Между тем интеллект именем Эндониэль развернулся к Дитмару и повторил ту же фразу. Раздался звон, вспыхнул желтый огонек, и возникло изображение конусовидной трубки. Высветились и другие символы. Дитмар молча ткнул пальцем - один из символов изображал плазмоган - и направился к небольшой нише. Олег повернулся к требовательно мигающему желтому огоньку. Из шестигранной полый призмы выдвинулась трубка-конус - в точности как на голограмме - и замерла на уровне рта.

- Предъявите ген-индекс, - повторил приятный голос искусственного интеллекта.

Интересно, плюнуть туда надо или дунуть? А, что в лоб, что по лбу, тут, похоже, все на питекантропа и рассчитано. Набрал полную грудь фиалково-сиреневой смеси, воздухом эту дрянь называть не хотелось, и дунул в трубку. Желтый огонек погас, загорелся красный.

- К сожалению, ваши данные отсутствуют в базе допуска, - сообщила Эндониэль.

- Благодарю покорно, - пробормотал Олег, все это начало его забавлять. - Не слишком-то и хотелось.

У Дитмара успехи были более значительны. Плазмоган торчал в нише, закрепленный между двумя клеммами, словно насос на раме велосипеда, был он сейчас не серебристый, а прозрачный, и внутри пульсировала тонкая малиновая нить.

- Хорошо, - сообщил немец. - Давно не заряжал. Такая же станция была в Балаклаве, но говорящих двухметровых баб там не водилось. Ты понял, что это такое?

Олег кивнул.

- Хорошо, - повторил Дитмар. - Обсудим это позже. Малиновая нить погасла, плазмоган снова сделался серебристым.

- Возвращаемся, - скомандовал немец.

Призрачная женщина на постаменте проводила их неподвижным взглядом кошачьих глаз.

Они стояли на смотровой площадке, на стороне, обращенной к морю, и солнце заливало окна башни ослепительным светом. Иоанн, скинув плащ, остался в тунике, подпоясанной кожаным ремнем с бронзовой бляхой, украшенной простым геометрическим орнаментом. С «черными копачами» Олег немного знался - в смутные девяностые выживать приходилось всяко. Бляха была готская. На поясе в кожаных ножнах обнаружился и короткий меч, судя по форме рукояти -- тоже готский. Хорошо же экипировали древних христиан в последний путь...

- Ответь, рус, - сказал монах, - в каком году от Рождества Господа нашего Иисуса принял ты кончину?

- В две тысячи девятом.

Иоанн огорченно покачал головой, потерял бороду.

- Значит, и за две тысячи лет по Рождеству Он не явился вновь... Слушай же. Я нес свет истинной веры и просвещения здесь, в Готфии, и достиг на этом поприще немалых успехов. Сам патриарх Константинопольский учредил Готскую епархию, а возле торжища Парфенитов был основан мною монастырь. Однако Готфия давно страдала под властью свирепого иудея - хазарского кагана. И вспыхнуло восстание, и я был с моею паствой. - Иоанн помолчал. - Но увы мне. Восстание было разгромлено, я бежал, позорно бежал в Амастриду, где и обретался четыре года до кончины. А следовало принять мученический венец! Но - не дал Господь сил, и за то низвергнут я в пекло сие, и еще милость Божия, что не в самый страшный из кругов адских...

Олег ощутил легкое головокружение. Иоанн и готы. Готы и Иоанн. Что-то очень знакомое. Очень.

- Где же ты воскрес?

- Не говори так! Не воскрешение сие, но суть наваждение бесовское!.. Отдал Богу душу я в Амастриде. - Иоанн неторопливым жестом указал на морской горизонт, в сторону Турции. - Однако всегда желал быть погребенным в Парфенитах, в родном монастыре. И вижу, что желание мое было выполнено. Ибо... возник я на склоне Айя-Дага, но ни монастыря, ни чего-либо человеческого там не было! Да, наваждение, Олег, - помолчав, добавил он, - ибо умер я стар и немощен, а восстал - крепок и здоров.

Иоанн Готский, вспомнил он наконец. Кенотаф Иоанна Готского. Партенит. Санаторий «Крым». Место точного захоронения неизвестно. Причислен к лику святых. Сказать? Нет, не надо. Совсем старик с ума сойдет. Если, конечно, я не сойду раньше. Поэтому займемся прикладной лингвистикой.

Опять же в смутные девяностые, во времена всеобщего разгрома он то ли от отчаяния, то ли от любопытства, а то ли просто от нечего делать посещал общество местных эзотериков. Был там среди прочего

разношерстного люда и любопытный мужичок - сурдопереводчик, который брался обучить всякого желающего пониманию речи по артикуляции. Олег пожелал, и у него вроде даже неплохо получалось. Можно и попробовать.

- Скажи мне еще, Иоанн, какой титул носил царь готов? - Олег сконцентрировал внимание на губах монаха.

- Не царь он был, а управитель кагана.

- И какой титул?

- Говорю - управитель.

- Это по-гречески?

- По-гречески. - Монах пожал плечами, выказывая недоумение.

- Прошу, повтори медленно.

- У-пра-ви-тель, - медленно и внятно произнес Иоанн, и Олег понял: «топархос».

Топарх.

- А по-хазарски?

«Управитель» - услышали уши, но слово вышло совсем коротким, и он без труда разобрал: «пех».

- А по-готски? - не унимался Олег.

- Управитель.

«Феудан»? «Тиудан»? Неважно.

- Ведомо мне, за что низринуты сюда язычница и германец, - сказал монах. - Снова вопрошаю тебя, рус, за что низринут в пекло ты?

Ответить Олег не успел. В груди возник тугой и жгучий комок, в виски стукнуло молоточками, неведомая и властная сила охватила все его существо, и сила эта, нет, не говорила, слов не было, но внушала: встань и иди. Во рту пересохло, жара надвинулась стеной, в глазах потемнело. Он зажмурился, затряс головой, силясь отогнать наваждение - не вышло. Где-то на обочине сознания он слышал глухое бормотание Иоанна - монах крестился и произносил что-то неразборчивое.

- Что... что это? - задыхаясь, пролепетал Олег.

- Наваждение бесовское! - хриплым, чужим голосом отвечивал монах.

На площадку вихрем ворвался Дитмар фон Вернер.

- Новый Зов! Собираемся.

- Куда? - выдавил из себя Олег.

- Ляг и прислушайся, - скомандовал немец.

Ноги и так не держали, он повалился на полупрозрачный пол и закрыл глаза. НЕЧТО подхватило его и повлекло за собой. Выше, выше и на запад. Надо быть там. Там. Ай-Петри? Нет, ближе. И ниже. Ялта. Нет. Еще ближе. Гурзуф. Да. Выше. Да. Стоп. Беседка Ветров.

- Беседка Ветров, - сказал он, открывая глаза.

Стало легче. Зов держал в тисках, все еще кричал «встань и иди», но

уже не столь пронзительно, не столь нестерпимо...

- Можешь показать? - фон Вернер развернул самодельную, аляповато нацарапанную на куске пластика карту южного берега, испещренную непонятными значками и подписями на немецком.

- Здесь, - он уверенно ткнул пальцем, мимолетно отметив, что понимание немецкого не распространяется на письменность. - Но что?..

- Новое воскрешение, - лаконично сообщил немец и внезапно рявкнул:
- Полчаса на сборы!

С высоты башни казалось, что до откосов Куш-Каи рукой подать. И светило всюду солнце. Не хотелось думать, что через какие-нибудь два-три часа сгустятся сумерки, а подъем на Бабуган идет через густой лес. Раньше лесом вела дорога, но есть ли она теперь? Вряд ли.

- До утра нельзя подождать?

Дитмар окатил презрительным недоумением.

- Если опоздаем, от воскресшего останутся рожки да ножки. Первого своего воскресенного я не спас - тоже решил подождать.

Ладно, зыркай себе, достойный сын фюрера, подумал Олег, тебе-то, солдафону с плазмоганом наперевес, скакать по горам сподручнее. Ладно, положим, не в плазмогане дело, и не в военном опыте немца, а в том, что нельзя оставить будущего товарища на растерзание хищникам. Да и Зов не позволит. Зов... Противиться этому порыву, наверное, невозможно. Недаром фон Вернер суетится. Да и Иоанн нервничает. Пояс с мечом то и дело поправляет. Одна лишь Таис безмятежна. Характер у нее такой, что ли? Даже перспектива тащиться по камням в легких плетеных сандаликах не пугает. Или... «Она не помнит своей смерти». Потому и странная... А может, и Зова не слышит?

- Вот, держи. - Дитмар протянул ему небольшой топорик на прямой круглой рукояти. - Хазарский боевой топор. Наследство Тарвела. Особого умения в обращении не требует.

Олег принял оружие. Взвесил на руке. Узкое вытянутое лезвие. Четырехгранный обушок. Не слишком серьезная штука, но все же лучше так, чем с голыми руками.

- Выступаем! - скомандовал немец, поправляя лямки импровизированного вещмешка.

Лифт был тесен. Пришлось спускаться двумя партиями. В вестибюле Олег не удержался и крутанул «леонардовского атлета». На удачу.

- До темноты мы должны подняться на плато, - сказал фон Вернер. И зашагал вверх по бывшей Горького. Монах пропустил вперед девушку и астронома, замыкая маленький отряд. Шагалось на удивление легко. Зов притих, перестал бестолково метаться внутри. Тревога улеглась. Все решено, и ни о чем не надо беспокоиться. По-крайней мере, в ближайшие часы.

Остатки зданий, причудливо изогнутые металлоконструкции, груды щебня, заросшие чертополохом, поредели и исчезли в подступивших джунглях. Дороги как таковой не было. Так - тропа. Скорее всего, звериная. И звери эти внушали уважение. Пока - уважение. Идти по тропе было бы не трудно, если бы не проклятые штиблеты. Они путались в траве, срывались с мокрых от росы булыжников, как назло подворачивающихся под ноги. А уже через час, когда дорога пошла в гору и тропическая растительность сменилась заурядным лиственником, астроном начал отставать с каждым шагом. Вдруг в правом штиблете что-то едва слышно тенькнуло, ноге стало свободнее. Олег по инерции прошел еще несколько метров, пока не зацепился за выступающий корень и не потерял штиблет.

Мать твою!.. Астроном заозирался. В лесу было темнее, чем на открытом месте, и черный туфель как-то сразу слился с ландшафтом. Да где же ты, проклятый! Ау...

- Скорее, Олег! - донеслось уже откуда-то издалека.

- Да иду я, иду...

Вот ты где! Олег склонился к штиблету. Черт... Шнурок, паскуда. Теперь вместо одного длинного - два коротких. Черт, черт и черт... Он начал спешно выдергивать обрывки. Боялся отстать. Да и Зов бился в висках молоточками. Толкал изнутри. Звал.

Недалеко, почти над ухом, тихо присвистнули.

- Сейчас, Дитмар, - пробормотал Олег, поднимая голову. - Шнурок лоп...

Свистел не фон Вернер. Ветер трепал зубчатую листву граба, демаскируя неподвижного хищника.

- Спокойно, киса, - пробормотал астроном, неотрывно глядя в желтые глаза хатуля. - Я невкусный...

Дикий кот тряхнул круглой башкой и попятился в заросли.

- Вот так будет лучше, - сказал Олег, отступая в противоположную сторону и ускоряя по мере сил подъем.

Еще час или два - он не помнил, время растянулось или, напротив, замедлилось - Олег карабкался по склону, не разбирая пути. Звериная тропа давно пропала, а кричать, звать Дитмара он не решался, опасаясь привлечь хатуля. Лишь однажды, обнаружив в мелкой ложбине чахлый родничок, задержался, чтобы сделать несколько торопливых и жадных глотков.

Наконец заметил, что выше по склону деревьев почти нет. Там начинался подъем на Бабуган. Оставалась надежда, что обитатели джунглей яйлу не слишком жалуют. Сжимая потной ладонью топорик, поминутно оглядываясь, Олег начал карабкаться по склону. «У-уухр...» - кто-то выдохнул рядом. И под тяжелыми шагами захрустели камни. Астронома продрал озноб.

Лучи заходящего солнца скользили почти по касательной, играя на

чешуйчатой броне сползающей со склона твари. Зеленовато-бурое туловище, растопыренные лапы, волочащийся хвост. Ни дать, ни взять обыкновенная скальная ящерка, коих ловлено-переловлено в детстве. Но в далекие семидесятые двадцатого века никто здесь слыхом ни слыхивал о ящерицах трехметровой длины... с головой, увенчанной ветвистыми выростами...

Олень?!

Астроном перемахнул через ближайший валун, присел на корточки, не сводя глаз с неторопливой рептилии. Оленю, похоже, не было никакого дела до притаившегося человека. Он направлялся по своим делам. Стоило бы последовать его примеру. Олег приподнялся, примериваясь, как бы половчее слинять, но тишину летнего вечера, нарушаемую лишь хрустом породы под массивным телом гигантского пресмыкающегося, разбил переливчатый свист хатуля. И второй за этот слишком долгий день прыжок тяжелых лап. И смутные очертания промелькнувшего в воздухе идеально мимикрирующего под окружающий пейзаж животного. Астроном рухнул на землю, втискиваясь в нее, родимую. Сокрой, защити...

Но и хатулю не было до него никакого дела. Вернее - хатулям. К тому, что с небрежной грацией перепрыгнул через человека, присоединился второй. Кошачьи нацелились на оленя. Выглядело это очень странно, даже мистически. Почти неразличимые полусущества-полутени прильнули к рогатоголовому ящеру, отчего тот истерично заухал, задергал уродливой башкой, молотя хвостом по камням и кустарнику. Добычей он оказался несговорчивой. Одно неловкое движение хатуля, и олень прихватил его острыми зубами. Жалобный визг огласил поле битвы. Хатуль вырвался, покатился по камням, пятная их кровью... Поневоле вспомнилось, как покусывали пальцы зубками-иголками пойманные ящерицы. М-да, ящерицы с тех пор выросли, зубки - тоже... Но второй хищник оказался ловчее. Впившись когтями в шкуру рептилии, хатуль применил старый как мир прием удушения. К нему присоединился раненый товарищ. Олень попытался вырваться. Волоча повисших на нем хатулей, он пополз вниз по склону.

Досматривать второй акт трагедии Олег не стал. Пригибаясь, астроном кинулся вверх. К счастью, чем выше он взбирался, тем светлее становилось. А вот и яйла. Белые, словно кости павших животных, камни. Одурающий запах летних трав. Чабрец, бессмертник, мелкие соцветия незнакомых голубеньких цветов. Небесное индиго. Туман над морем.

Олег опустился на изъеденный эрозией скальный останец, похожий на инвалидное кресло. Отдышаться, унять дрожь в коленях. Покурить... А черт, какое там покурить. Бросил еще в прошлой жизни. Что, в конце концов, и сгубило...

Внизу клубились редкие облака, крались к Парагельмену,

казавшемуся отсюда пологим холмом. Олег стал искать укрытие. Зов снова зашевелился внутри, разгоняя усталость, но идти на ночь глядя к Беседке Ветров невыносимо. Здесь полно карстовых провалов. Узких. Вляпаешься в такой по темноте - пиши пропало. Придется потерпеть. А потом Зов приведет, и он непременно встретится с остальными.

Однако, пока светло, надо устроиться на ночлег. Затиснуться поглубже, хотя бы вон в ту впадинку, где совершенно роскошная россыпь диких пионов, и заснуть. Но сперва надо бы взглянуть на созвездия. Небо чистое, ни облачка. Идеально для наблюдений. Он повалился в заросли и охнул: впадинка маскировала карстовый провал, но провал неглубокий и раздавшийся вширь, так что получился замечательный грот, пещерка. ОТЕЛЬ для троглодита. Олег набрал камней и начал швырять их в темный зев. Хазарский топорик держал наготове... Тишь да гладь. Пещерка пустовала, номер оказался свободен. Орудую топором, он соорудил подобие ложа из мягких ветвей казацкого можжевельника, стянул осточертевшие штиблеты. Ноги затекли, тонкие «погребальные» носки прорвались на пятках. Он вспомнил армию, учебку, кирзачи - растертые ноги, воспаление, жар, нога не влазит в сапог...

А ведь здесь даже простейшей медпомощи взять негде. Вон, травки разве что. Подорожник-травка. Хотя Иоанн, верно, искусный травник, да и Дитмара в его школе СС наверняка кое-чему учили. Но переть в этом - он повертел в руке злосчастный башмак - на Беседку... это же в кровь... А потом заражение - и снова в ящик? А ведь не хочется. Второй раз - не хочется. Не то чтобы страшно, хотя и это тоже, что себя обманывать, страшно - а разобраться? Разобраться! Что за сволочь это все придумала. Прав, эсэсовец, прав. Есть в этом какой-то смысл. Должен быть, иначе...

Поэтому теперь - звезды.

Но звезды наступили не сразу. Тени, карабкающиеся по взгорьям, слились, затопили яйлу, захватили вершины и растворились в темнеющем небе. Затеплился фонарик Венеры. Мучительно долго господствовала она над морем. И вдруг потянуло ветром. И ветер этот раздул угольки звезд. Олег отыскал Полярную. Отметил ее расположение относительно других светил, запомнил положение Большой Медведицы. Теперь надо подождать хотя бы часика три. Он улегся на спину. Время текло вяло и неспешно. А это что такое? А это, братец, искусственный спутник. А вон еще. И еще - с другим наклоном орбиты и пониже. Шустрый. Что это может означать? Либо цивилизация погибла совсем недавно, и спутники не успели сойти с орбиты, либо... либо люди переселились в космос. Хотя с чего бы это вдруг? Не хатулей же им бояться, с такой-то техникой.

Задача все еще не складывалась. Не хватало данных. А может, прав монах и все они в аду? Уж больно много чертовщины - воскрешение,

Зов этот дикий...

Он все же заснул и проснулся от липкого озноба. Принялся застегивать непослушными пальцами пуговицы на пиджаке - не тут-то было, из пуговиц сохранилась лишь одна, верхняя. Вскочил, попрыгал, разогреваясь и растирая затекшую шею. И наконец решил посмотреть на звезды.

Присвистнул. Сглотнул ставшую горькой слюну. Как школяр на экзамене, повторил про себя: из-за лунно-солнечной прецессии земная ось движется по кругу с радиусом двадцать три градуса со скоростью около полградуса за сто лет. Поэтому в разное время ближайшими к северному полюсу неба становятся разные звезды... Пять тысяч лет назад такой звездой была альфа Дракона, в начале нашей эры ярких звезд вблизи Полюса Мира не было вообще. Через двенадцать тысяч лет ближайшей к ней станет Вега... Что же мы видим в настоящий момент? В настоящий момент мы видим, что ближе всего к Полюсу... гамма Цефея! Так? Так.

Что ж, подумал астроном, спасибо и на этом. Гамма Цефея все же лучше, чем альфа Лиры. Две тысячи лет предпочтительнее двенадцати. Хотя какая, в сущности, разница? Олегу стало совсем зябко, и не понять, ветер тому причиной или эти две тысячи лет, тектоническим разломом отделившие его, астронома Сахновского, от прошлой жизни. Захотелось спрятаться. Забиться в пещерку. Забыться в позе эмбриона. Вернуться во чрево матери-земли. До утра. А может, лучше навсегда? Прах к праху. Кто сказал, что воскрешение в чуждом тебе времени благо? Кто сказал, что обнаружение цели и смысла этого воскрешения обернется благом? Олег почувствовал, что ему не просто зябко - его трясет. Ветер все крепчал, казалось, он дует не с моря, а прямо из ледяной бездны неба. Неба четырехтысячного года...

Он проснулся - второй раз за эту короткую, но такую длинную летнюю ночь, - оттого что в пещерку смотрела луна. Яркая, как прожектор. Надо бы повернуться к ней спиной, но не было сил. От эмбрионовой позы все тело затекло, к тому же он чертовски замерз. Нет, так и задубеть можно... Осторожно распрямим ноги. Почти получилось. Тесноват гротик... Ладно, теперь руки. Руки пошли лучше. Попробуем воздвигнуться хотя бы на четвереньки. Ага... Конечности, как деревянные, но боли пока нет. Боль придет с кровотоком. Проклятая луна... Превозмогая боль в оживающих ногах, Олег выбрался из пещерки. Кровоток усилился, и зрение прояснилось. Дьявол, в глазах двоится. И странно как-то двоится. Одна луна получается ослепительно яркой. Маленький золотой диск ее висит над грудой Парагельмена. А вторая выходит тусклой, ноздреватой, раза в два больше, чем первая. И забралась она гораздо дальше к западу. Стали хорошо различимы белые камни яйлы, будто черепа на поле битвы. И от черепов этих по высеребренной траве бежали двойные тени. И одна

тень обгоняла другую. Сощурившись, астроном присмотрелся к меньшей луне. Силы небесные! Она двигалась. Неприлично быстро смещалась к юго-западу. И не нужно было долго думать, чтобы сообразить - луна-крошка движется по полярной, а не по экваториальной орбите... Орбитальное зеркало? Или, скорее всего, линза Френеля, вот что это такое. Помнится, был такой проект... Проект Грегори Бенфорда, если не ошибаюсь... Призванный спасти планету от перегрева... Исполинскую линзу предполагалось соорудить на полярной орбите, дабы, вращаясь вокруг земного шара, она задерживала часть солнечного излучения. Значит, соорудили. Молодцы потомки. А может, спутники и эта вторая луна как-то связаны между собой? В единую систему. Сеть. Паутину. Как созвездия, оплетающие небосвод. Телескоп нужен. Хотя бы любительский. Сеть Цефея наброшена на Полюс Мира, но Лебедь ускользнул от нее...

Во сне он видел крылья. Крылья и ничего больше. Длинные, белые, с золотистой опушкой на кончиках маховых перьев. Крылья парили в кобальтовой бездне, перья трепетали во встречном потоке и пели. Чистым, высоким женским голосом. И самое удивительное, у этой песни были слова. Олег изо всех сил напрягся, чтобы уловить в них хоть какой-то смысл. И проснулся. Серый свет раннего утра едва пробивался сквозь туман.

«Сигнусадеи, сигнусадеи...» -- раздалось над головой. Олег вздрогнул, открыл глаза, уставился на свод пещерки. Разумеется, там никого не было. «Сиг-ну-са-деи», - протянул голос. Очень знакомый голос. Чистый. Высокий. Женский. Голос из сна. И слышанный раньше. Плакующий или... зовущий на помощь? «Буря внезапная вдруг возмутила и небо, и море», - отчетливо по-русски произнесла невидимая женщина. Олег тихонько, подтягиваясь на руках, начал выбираться из пещерки. И увидел крылья. Те самые. Белые с золотистой опушкой. Они загоразживали выход, словно занавески, ритмически подергиваясь в такт словам, произносимым речитативом:

Сигнусадеи, сигнусадеи...

Буря внезапная вдруг возмутила и небо, и море,

Вырвавшись, ветры свистали уж в вервях и парусах, грозно;

Черные волны к бортам корабельным, как млат, приражались,

Так что борта под ударами теми прешумно стенали:

Сигнусадеи, сигнусадеи...

Судно на гребень волны резвокрыло взлетало, как чайка,

Море когда, из-под дна разливаясь, зияло глубями.

Видели близко себя они камни суровы и остры,

Ярость о кои валов сокрушалася в реве ужасном.

Сигнусадеи, сигнусадеи...

Слабы мужи, как их жены, рыдали уныло, протяжно:

Только и слышались жалостны вопли и стоны рыдавших,

*Только богам, обречены и слабы, давали обеты,
Жертвы кляняся принести, по здоровом приплыви к берегу.
Сигнусадеи, сигнусадеи...
Не было в глупых проворства ни в ком, приказать бы что дельно,
Сам же никто из мужей не решался за что-то приняться.
И никому не казалось, что должны бы, жизни спасая,
Равно спасти от беды и всех тех, что страдали там с ними.
Сигнусадеи, сигнусадеи...
Стал на корме при весле рулевым сам Великий Учитель,
Он ободрил мореходцев, крича полумертвым с боязни:
«Прапоры сриньте долой, вниз, и парусы дружно крылите.
Славьте величие Сигнусадеи, что Знание дал вам».
Сигнусадеи, сигнусадеи...^{*6}*

Песня смолкла. Занавеси крыльев разошлись в стороны, впусив туман. Астроном боялся дышать. Сигнус, думал он. Тот самый, вернее, та самая - женщина-птица. Царевна-лебедь. Спасительница... Что означает ее песня? Что сигнусы разумны? Для птиц они чрезвычайно велики, но для людей? Впрочем, размер не имеет значения.

Ведь и дети разумны, и карлики... Мысли спутывались, свивались, как змеи, в скользкий неприглядный клубок. Невозможно понять, где заканчивается одна и начинается другая. Маячит перед внутренним взором левитирующий монумент на энергостанции. Вращается. Мерно взмахивает крыльями, подгребают хвостами «леонардовский атлет».

Сигнусадеи...
Сигнус.
Деи.
Лебедь.
Бог.
Лебедь Божий.

Песнь вторая

На Беседке Ветров лежал снег. Не везде, правда, лишь в узких карстовых расселинах, но, увидев его, Олег понял, до какой степени продрог. Зуб на зуб не попадает. Это все проклятый туман, сквозь который он почти на ощупь пробирался сюда, ведомый единым Зовом. Казалось, что туман теперь навечно. Откуда он здесь, на высоте, в разгар лета? Вновь подумалось - вдруг святой прав? Никакой это не дивный новый мир, но один из кругов ада, до странности

⁶ * Авторы выражают глубокую признательность великому русскому поэту В.К.Тредиаковскому, фрагмент поэмы которого «Телемахиды» лег в основу песни сигнуса.

напоминающий родной Крым. И Зов приводит лишь на следующий - круг вечного тумана и холода. И одиночества. Да, одиночества. Стоп. Хватит. Он тряхнул головой, отгоняя мистические наваждения.

На Беседке Ветров Олег не нашел никого: ни воскрешенного, ни спасателей. Впрочем, не удивительно, Зов уже давно заткнулся. Опоздал, как пить дать. Чтоб тебя... Самой беседки, разумеется, тоже не было, да и быть не могло - наверняка ухнула вниз, с тысячу эдак лет назад, вместе с изрядным куском обрыва, на котором стояла. Он осторожно подошел к краю пропасти, заглянул вниз - клубящееся молоко, ничего не разглядеть...

- Олег?!

Он оглянулся.

- Вот ты где, герой чертов! - Дитмар, круги под глазами, в рыжей бороде иней, но глаза веселые. - Добрался! А мы уже похоронили тебя, не будь я бароном!

- Тоже молодцы, конечно, - пробормотал Олег, пожимая протянутую руку. - Пять минут подождать не могли? А мне потом от хатулей бегать.

- Я разве не предупредил? - удивился фон Вернер. - Зов отпугивает хищников. Забыл, верно. Ничего с тобой не случилось бы. Береженого Зов бережет!

Не предупредил он. Врет ведь, подумалось Олегу, нарочно не сказал. Вояка. Испытывает все. Ладно, это мы запомним.

Барон фон Вернер был не один. Вслед за ним из туманного половодья вышли остальные. Все... трое? С пополнением, значит... Странное создание. На ногах лапти. Короткий, чуть выше колен сарафан. Поверх сарафана кольчужная рубашка. Длинные, до колен, волосы цвета соломы заплетены в толстую косу. На тугих щеках румянец, будто свеклой натертый. А вот меч за спиной в расшитых цветным бисером ножнах - это да. Мощная штука, внушает... Откуда такое чудо-юдо? В смысле, из какой эпохи?

- Познакомься с Ефросиньей, - буркнул Дитмар и добавил: - Не везет нам, опять баба...

Олег назвал. Румяная девица в кольчуге окинула его безразличным взглядом, чуть больше уделив внимания топорыку в руке, и отвернулась. Много чести, значит? Ну и ладно, не очень-то и хотелось...

Подошел Иоанн, пожал Олегу локоть по древнеримскому обычаю.

- Радуйся! - Таис улыбнулась приветливо, но на расстоянии.

И эта меня не жалует, подумал Олег. А ведь свежа, ни тени усталости. Мужики вон видно, что в корень задолбались, а эта как Дюймовочка. И не похоже, что сильно мерзнет. Даже в Иоаннов плащ не кутается, а так, накинула только, будто одолжение сделала.

- Привал! - скомандовал гауптштурмфюрер. - Перекусим и пойдем назад.

Оказывается, они успели набрать дров - большую охапку корявых

сухих веток - и сложить их в естественном укрытии, образованном выветренной скалой. Немец вытащил из-за пояса плазмоган, и вскоре затрещал костер. Все потянулись к огню, даже Таис. Фон Вернер развязал мешок, раздал куски оленины. Когда было съедено мясо, Дитмар пустил по кругу пузатую бутылку с водой. И на вид, и на ощупь она была стеклянной, но чтобы ее закрыть, немец завязал высокое горлышко узлом. Эластичное стекло, очень мило...

Огонь пожирал сухое дерево стремительно, охапка таяла, а это означало, что вскоре придется подниматься на гудящие от усталости ноги и плестись по камням вниз, в долину. Благо, что ноги до сих пор не сбиты до кровавых мозолей. Каким-то чудом. Чудом ли? И вообще, не слишком ли много чудес? Допустим, для античной красоты Таис чудеса - часть миропорядка. Для чучела в кольчуге, вероятно, тоже. Для Иоанна... Иоанн, пожалуй, случай особый. Он верит, что очутился в аду. И чудеса вокруг суть сатанинское наваждение. Но ни бравый вояка-гауптштурмфюрер, ни тем более он, кандидат физматнаук Сахновский, к чудесам не привычны. Особенно к чудесам, не поддающимся рациональному истолкованию.

- Дитмар, - обратился Олег к немцу. - Ты видел вторую Луну?

- Разумеется, - ответил тот. - И не раз.

- И что ты об этом думаешь?

- Что я думаю? - переспросил фон Вернер со снисходительной улыбкой. - Я не думаю, Олег, я знаю.

- Так-так, - проговорил астроном. - И что ты знаешь?

- Я знаю, что жизнь на Земле пережила три эпохи. Три периода, когда во время низких лун рождались великаны. Когда же эти луны одна за другой обрушивались на Землю, на ней появлялись расы бессильных карликов. Во время высоких лун возникли средние расы - обычные люди начала третичной эпохи, наши предки. Так что после многих циклов земной шар представлял собой очень странное зрелище. Его населяли расы, находящиеся в состоянии упадка, и расы, набирающие силу, промежуточные выродившиеся существа и провозвестники грядущих мутаций, карлики безлунных ночей и владыки будущего...

Гладко излагает, подумал Олег, как по писаному. Где-то я это уже слышал, или читал, или мне только кажется?..

- То, что происходит в небе, - продолжал швабский барон, смежив веки, будто в трансе, - определяет и происходящее на Земле. Как тайна и порядок Вселенной отражаются в малейшем зернышке песка, так и движение тысячелетий отражается в том кратком промежутке, который мы зовем человеческой жизнью, и мы вынуждены в личной и общей душе повторять падения и взлеты прошлого, готовить апокалипсисы и восхождения будущего...

Вспомнил! Была такая модная книжонка в начале девяностых, написанная двумя французами. Кажется, называлась она «Рассвет

колдунов»... или как-то иначе, не суть...

- Мы знаем, - вдохновенно возглашал нацист, - что вся история Вселенной состоит из борьбы между льдом и пламенем и что эта могучая борьба отражается здесь, внизу. И в плане человеческом, в умах и сердцах, когда пламя начинает угасать, надвигается лед. Мы это знаем каждый для себя и для всего человечества в целом - мы стоим перед вечным выбором...

- Теория Горбигера, если не ошибаюсь, - сказал Олег. - Мировой лед, и все такое...

Фон Вернер полыхнул уничтожающим взглядом. Хорошо хоть за плазмоган не схватился.

- Не теория, а истина, - проговорил он. - Представителю еврейской лженауки этого не понять.

- Ну-у... допустим. А при чем тут вторая Луна?

- Это не вторая Луна, - усмехнулся гауптштурмфюрер. - Это осколок четвертой Луны, что вот-вот упадет на Землю. Каждая луна постепенно разрушается, и ее обломки образуют кольцо вокруг земного шара. Если ты видел так называемую вторую Луну, значит, должен был видеть и другие обломки, более мелкие...

Это он об искусственных спутниках, что ли? Ну да, конечно, ведь. он же их никогда прежде не видел... Что ж, при его уровне осведомленности получается очень логично. Все планеты, включая Луну, состоят из льда. Луна распадается, и ее сверкающие ледяные осколки притягиваются Землей. Спорить с этим бессмысленно. Бравый вояка-гауптштурмфюрер действительно склонен к рациональному истолкованию здешних чудес, вот только исходит он из ложных предпосылок. Ладно, не будем противоречить. Пока не будем.

Олег посмотрел на остальных. Девушки глядели в огонь, языки пламени отражались в их равнодушных глазах. Монах беззвучно шевелил губами, видимо, молился.

- Как представитель еврейской лженауки, - сказал Олег, - я хочу лишь добавить, что на дворе у нас пятое тысячелетие. От Рождества Христова.

Все воззрились на него. Даже девушки перестали пялиться в костер. Таис глянула непонимающе, а Ефросинья при упоминании имени Христа усмехнулась криво как-то. Святой прервал молитву.

- Откуда знаешь? - выдохнул барон фон Вернер.

- От верблюда, - огрызнулся астроном Сахновский. - У лженауки астрономии есть свои методы. Точной даты я вам, разумеется, назвать не могу, но в том, что после моей смерти в две тысячи девятом году прошло не менее двадцати веков, - убежден.

- С тех пор как я оказался здесь, - тихо сказал Иоанн, - во мне борются два чувства. - С одной стороны, мне хочется узнать про все, что случилось с миром после моей смерти, что стало с Церковью и верой, а с

другой - осознаю всю тщетность, суетность, бессмысленность и даже греховность знания сего в ЭТОМ месте...

Дитмар вскочил и стал затаптывать костер.

- Хватит болтовни! - прикрикнул он. - Пора возвращаться.

Ну что ж, подумал Олег, еще одно очко в мою пользу.

Между тем, пока немец разглагольствовал, Беседка Ветров наконец начала оправдывать свое название. Подул сильный северо-западный ветер и в считанные минуты разогнал колдовской туман, появилось Солнце, а с ним и тепло. Олег прикинул - где-то четыре часа пополудни. Не так уж плохо.

И тут снова заговорил Зов. И не заговорил даже - взорвался в груди раскаленным ядром.

- Направление? - спросил Дитмар.

Олег прислушался к себе. Не здесь, не в Беседке. Гораздо ниже. И западнее. Ялта? Нет, дальше. Мисхор? Алушка? А точнее... Непонятно. Где-то у подножия Ай-Петри или еще ниже.

- Карту!

Немец держал свою самоделку наготове. Астроном показал:

- Где-то здесь. Точнее пока не скажу.

- Да, - согласился гауптштурмфюрер. - Зачастили, прямо один за другим...

- Сатана глумлив и не даст нам покоя, - негромко заметил Иоанн. - Не зря, пока бесовское наваждение клокочет в нас, исчадия вельзевуловы расступаются пред нами...

- Все, выступаем! - скомандовал немец.

- Куда? - осведомился Олег. Фон Вернер указал рукой на запад.

Ладно, через Никитскую яйлу, так через Никитскую. От Романовской трассы, конечно, остались рожки да ножки, и неизвестно, что на спуске с перевала, ну да ладно.

- Я поведу, - заявил Олег. - Маршрут знакомый.

Отчаянный крик, полный тоски и страха, донесся из поднебесья. Три точки - белая и две черные, быстро приближались со стороны Бабугана. Приглядевшись, Олег понял, что одна из них - сигнус, и его преследуют черные птицы, похожие на громадных воронов, оперение отликает синевой, клювы крупные, с зазубринами и сильно загнуты книзу. А сигнус... Холодея, он узнал Царевну-лебедь. Откуда она здесь, почему?

Птицы-загонщики - мельче сигнуса, но умны. Одна атаковала снизу, не давая жертве уйти вниз, в спасительные скалы, а вторая короткими черными пике пыталась ударить Царевну сверху, в основание шеи. Лебедь уворачивалась широкими плавными поворотами, и удары проходили мимо. Но вот «ворон» изловчился, сумел достать спину сигнуса когтями. Лебедь заложила вираж прямо над «беседкой», снова закричала - и крик этот невозможно было вынести. Олег невольно

зажал уши, тем более что и Зов в груди словно с цепи сорвался - требовал, повелевал: на запад! Прочь отсюда!

- Дитмар! - Олег не узнал своего голоса. - Дитмар, стреляй! Что медлишь, стреляй!

- Я не собираюсь тратить ценные заряды на спасение глупой птицы, - невозмутимо обронил эсэсовец.

- Идиот! - Олег схватил немца за грудки. - Никакая это не птица! Сигнусы разумны! Стреляй, фашистская морда!

Дитмар неуловимым движением освободился от захвата.

- Дурак! Сопляк! - взорвался и он. - Да ты знаешь, куда нам сейчас? В ад! Пошел вон, слюняй!

- Перун великий, Велеса победитель, - напевный голос принадлежал нововоскрешенной. - Ты Ярило, податель жизни, и Воин, податель смерти. К силе твоей взываю, и на помощь Топора твоего уповаю, и на четыре стороны света поклон кладу...

Тут чучело в кольчуге и вправду отвесило четыре низких поклона на все стороны света и замерло, выставив перед собой полусогнутые руки с нешироко разведенными ладонями.

В небе все было плохо. Сигнус металась из последних сил, обнаглевшие «вороны» бросались на нее все чаще. А между ладоней Ефросиньи что-то сверкнуло, еще раз сверкнуло, и возник тугой клубок света. Олег почувствовал, что волосы на голове встают дыбом. Не от страха. Статическое электричество, понял он. Вроде даже искры в волосах потрескивают. Невольно прикинул градиент и напряженность электрического поля. Это ж сколько вольт на метр? Да какое там вольт - киловольт, если не мега... Она же нас убьет! Замереть, не шевелиться...

Девушка медленно завела руки за голову и плавным движением, словно баскетбольный мяч в корзину, отправила сотворенный сгусток плазмы в небеса. Астроном готов был поклясться, что видит эквипотенциальную поверхность, по которой шаровая молния скользнула ввысь и ударила в черную птицу.

Громыкнуло. Завоняло горелым пером. Рваные в клочья останки «ворона» ухнули в пропасть. Второй хищник, сложив крылья, канул в черноту ущелья и затерялся где-то среди сосен.

Все взоры обратились к Ефросинье, Девушка тяжело дышала, румянец куда-то испарился - лицо сделалось бледнее мела.

- Недостойно посвященной Перуну, - сообщила наконец она, - зреть, как навьи твари среди бела дня терзают райскую птицу Сирина.

Иоанн вздохнул и перекрестился. Девушка удостоила его презрительным взглядом и фыркнула. Румянец понемногу возвращался на ее тугие щеки.

- Сигнусадеи, сигнусадеи, - напевно донеслось откуда-то снизу.

Сигнус сидела за кромкой обрыва, на обломке скалы, видимо,

служившей некогда опорой для беседки, и теперь Олег мог рассмотреть ее. Голова, как у человека, прекрасное женское лицо, да что там лицо - лик, широко распахнутые прозрачно-голубые глаза, пышные золотые волосы, никогда не знавшие гребня. Точеные плечи, высокая девичья грудь поднимается в частом дыхании. И все это как-то гармонично перетекает-переливается в белоснежное оперение. Огромные крылья сложены, отливают золотом кончики маховых перьев и роскошного хвоста. Продуманное совершенство. А на плече - глубокие порезы, и кровь сочится, течет, пятная белоснежный подгрудок...

И снова знакомый речитатив:

*Горе, о горе, пропали все истиннолюди,
Генноморфиды бессильны, бессильны их крепкие чары,
То, что незыблемым мнилось, тотчас же рассыпалось прахом,
Мор, разоренье и глад наступили повсюду,
Смерть на земле и на море, и нету спасенья от смерти.
Так предсказал нам Пророк, тот, кто не был другими услышан,
Но предсказанье сбылось, это горе, о сигнусадеи,
Призванный их охранять обернулся гонителем лютым,
Земли трясутся, и нету спасенья на небе.
Небо свернуло уж свиток, и ангел срывает печати,
Вышел дракон о семи головах, и раздались пучины,
Рушатся тяжко на берег тяжелые валы,
Суша разверзлась, повсюду дымы от пожарищ и пепел,
Пламя и лед, лед и пламя сошлись в стремительной битве,
Горе, о горе, спасения нету, о сигнусадеи!
Мощный Пророк, тот, кто не был услышан, сказал и иное:
Годы забвенья минут, и настанет година спасенья,
Явятся истиннолюди, восстанут из праха и пепла,
Ждите, живите, храните святое запретное Знание!
Истиннолюди вернуться, возрадуютесь, сигнусадеи!*

Пение смолкло. Сигнус резким птичьим движением склонила голову, заглянув в глаза Олегу. И в душу. Взгляд ее был безмятежен и лишен какого-либо намека на мысль. Широко развела крылья - под ними обнаружили человеческие руки, от локтя переходящие в крыло. Сдвоенный сустав? Впечатление от изящной женской кисти несколько портили длинные, никогда не стриженные ногти... А вот рана... рана зарубцевалась, кровь не течет. Ускоренная регенерация?

- Царевна, - позвал он. - Иди сюда, не бойся...

Сигнус глянула непонимающе, неуклюже развернулась и прыгнула со скалы, распластав прекрасные свои крылья.

- Понял? - он обернулся к Дитмару. - Сигнусы разумны.

- Попугаи тоже разговаривают, - отмахнулся тот. - Зато теперь я уверен в своей правоте. Битва льда и пламени - вот ключ. На Землю

рухнула очередная Луна. Человечество погибло, началась Новая Эпоха. Все эти сигнусы и сирены - жалкие мутанты, расы бессильных карликов. Мы же уготовлены для встречи великанов...

- Не так! - неожиданно резко возразил Иоанн. - Волшебная птица толкует совсем об ином. Разве не Откровение Иоанна Богослова слышали мы из ее уст? А значит, Конец Света наступил, и Суд скоро состоится. Следовательно, не в аду мы, но в чистилище. Испытание сие...

Святой умолк на полуслове - Зов напомнил о себе. И они пошли.

На Никитскую яйлу перешли быстро. Олег каким-то шестым чувством нащупал, где некогда проходила Романовская трасса. Идти по разнотравью, утыканному редкими сосенками, было легко, Олег ни разу не сбился с пути, выйдя точно к Никитскому перевалу.

Зов тянул дальше, уже в сумерках они скатились в предгорья. Олег был в ударе - он держал оптимальное направление по складкам рельефа, находил удобные сокращения. Иногда путь преграждали неглубокие обрывы - два-три метра. К удивлению астронома, и Таис, и Иоанн проявляли недюжинную ловкость, ну а Ефросинья не раздумывая сигала вниз, группируясь при падении, словно некогда успела закончить Высшее Рязанское училище ВДВ. И Дитмар поглядывал на нее с все большим одобрением.

Буковый лес закончился, пошел сосняк, тьма сгустилась до непроницаемости. Зов ослабил хватку, немец объявил привал. Снова развели костер, снова оленина и фляга.

- Скажи, воительница, - поинтересовался эсэсовец у девицы, - ты все еще не помнишь, как ты умерла?

- Ага, вот тебе! - девица скрутила из пальцев незамысловатую фигуру и сунула ее под нос фон Вернеру. - Не умерла я. И вообще, где это мы?

- Земля тавроскифов и готов, - откликнулся Иоанн.

- Ого! - подивилась Ефросинья. - А ты не пялься! - прикрикнула она на Дитмара и натянула сарафан на колени. - Ишь, зенки вылупил! Смотри, нрав у меня крутой. Могу и не понять.

Расходилась девка, подумалось Олегу. Чудное все же создание. Как не от мира сего.

- Но не Таврида сие, - продолжал Иоанн.

- А ты, однобожец, вообще молчи! Много тебе твой крест помог, можно подумать, ага... Таврида, значит. Не умерла я, обалдуй! Сразилась с исконным врагом своим, Темным Волхвом Чернокиром. Думала, что одолела, ан нет. Не иначе колдовством его окаянным сюда заброшена...

Взошла Луна, и в серебристом свете ее видимы стали кроны сосен, узор палой хвои, белесые пятна валунов. Где-то вдали раздался пересвист хатулей. Зов снова заворчался, подтолкнул.

- Выступаем, - Дитмар уже был на ногах. - К утру надо дойти. Успеем?
- это Олегу.

- Должны, - заверил астроном.

Отыскал на фоне неба Ай-Петри. Знаменитые зубцы уже не терзали высь, снесенные древними катаклизмами. И все-таки вершину горы в лунном сиянии узнать было можно. Хороший ориентир, держим впереди и правее.

Иоанн неожиданно вынырнул из зарослей - когда это он успел отлучиться? - с толстой, грубо отесанной жердью, почти дубиной в руках и протянул ее Таис:

- Возьми, сестра. Ибо воистину.

Гречанка приняла оружие, прикинула вес и, перехватив за середину, неожиданно резко крутанула взад-вперед - да так, что воздух засвистел. Однако, подумал Олег, редкая для женщины выносливость и ловкость. Конечно, в сравнении с электрическими шуточками Ефросиньи - сущий пустяк, но все-таки. Истиннолюди, истиннолюди...

- Веди, Олег, - распорядился Дитмар. - И побыстрее. Ощущаешь?

Он ощущал. Зов тянул так, что противиться стало невыносимо.

Серые сумерки пролились над лесом, когда отряд погрузился в зеленое море. Искать направление не было нужды - Зов указывал его очень точно, в глубь джунглей, туда, где, наверное, когда-то была Алупка. Олег, сколько ни присматривался, не мог найти ни одного знакомого крымского растения. Лианы, диковинные, ошетилившиеся шипами кусты... Зато живности прибавилось - и неприятной. Несколько раз Иоанн разрубал плотную паутину. Судя по толщине оной, пауки тут водились изрядные. Под ногами сновали скорпионы и многоножки - размером с кота.

Смутное беспокойство овладело Олегом, и он быстро обнаружил причину этого беспокойства. Пока их охраняет Зов. Пока. Но тот, на помощь которому они спешат, может воскреснуть в любую минуту. Зов оборвется, и тогда... Но и если они успеют - придется принимать бой со всей этой нечистью да еще и приводить в чувство ничего не понимающего «новорожденного». Ох... Так вот чего боялся Дитмар, вот почему не хотел тратить впустую заряды!

И Зов оборвался. Огромное облегчение, но и чудовищная слабость в ногах.

- Рассредоточиться! - раздался громовой рык Дитмара. - Каждый держит свой сектор, продолжаем движение по направлению. Он где-то рядом!

Почему «он», а не «она», успел подумать Олег, но предостерегающе крикнула Таис, указывая наверх - прямо на голову ему пикировал чудовищный паук. Астроном наобум махнул топориком - и попал. Треснул хитин, брызнула зеленая слизь.

- Вперед! - гаркнул Дитмар. - Мужчины отслеживают верх, женщины - низ!

Дробный сухой треск перекрыл его голос. Треск повторился. Будто кто-то рвал полотно на длинные полосы. За треском последовал яростный крик. Человеческий.

Снова раздался треск, на этот раз совсем короткий. Автоматная очередь, сообразил астроном, бросаясь следом за гауптштурмфюрером. Вскоре их вынесло на небольшую прогалину. Олег, не успев притормозить, наткнулся на спину фон Вернера. Тот обернулся, лицо его казалось заплаканным. Но, конечно, немец не плакал, он был в ярости.

- Опоздали! - выкрикнул он. - Оглоблю в задницу матери твоих предков! Послушали песенок! Пофилософствовали! Катиться тебе с трех гор на собственных ягодицах!

- Твою ж мать...

- Мужик же был... - проговорил барон фон Вернер. - Солдат...

Да, солдат. Молоденький. Необмятая гимнастерка. Галифе. Кирзачи. Малиновые петлицы без знаков различия. Рядовой пехотный Ваня. Пальцы все еще сжимают автомат с диском. Гильзы тускло отблескивают в траве. Много гильз. Эх...

- Радуйся, барон, - сказал Олег. - Он мог запросто очередь в брюхо тебе всадить...

Гауптштурмфюрер охлопал нагрудные карманы красноармейской гимнастерки, расстегнул правый, вынул черный пластмассовый цилиндрок, протянул Олегу. Астроном бездумно повертел цилиндрок в руке, сунул в карман брюк.

- Как же его?... Ага... в шею, значит...

Дитмар показал Олегу черные дырки в шее пехотинца, по одной с каждой стороны. Из дырок сочилась зеленоватая слизь.

- Похоронить бы, - сказал астроном.

- Некогда, - отрезал немец. - Без нас похоронят. Сейчас начнется...

Олег снял пиджак, накрыл им лицо красноармейца, положил сверху ППШ.

Девицы молчали. Монах скороговоркой бормотал: «Упокой, Господи, душу раба твоего...»

- Теперь мы добыча, - сказал Дитмар. - В гору лезть долго, не пробьемся. Идем на запад, джунгли скоро закончатся. Я первым, замыкает Ефросинья. Вперед!

Они двинулись спорым шагом. Джунгли не заставили себя ждать. Какой-то крокодиловепрь, ломая кустарник, атаковал отряд с фланга, обрушившись на Таис. Гречанка увернулась легким, почти танцующим движением. Вепрь вломился в безобидный с виду куст, покрытый алыми маслянистыми цветами. Забился, завизжал. Цветы, словно сотни алчных ртов, приникли к его шкуре. Похоже, намертво. Под

аккомпанемент затихающего визга люди продолжили путь. Но тут же попали в окружение мелких, не крупнее таксы, диких собак.

Собак было много. Дитмар попытался пугнуть их огнем, но только зря потратил выстрелы. Потеряв трех особей, псы кинулись на него сворой в десяток. Воительница с монахом заработали мечами. Таис гвоздила дубиной, а Олег колошматил обушком топора, быстро сообразив, что так надежнее. Все же силы были не равны, но тут снова заговорил плазмоган немца, и стая вдруг кинулась врассыпную, мгновенно скрывшись в зарослях.

- Снял жоака, - коротко пояснил немец. - Вон там прятался.

Раздумывать, что за странный жоак, который руководит боем с изрядного расстояния, астроному было недосуг. Только фон Вернер хрипло каркнул: «Вперед!» - как что-то просвистело в воздухе, и святой оказался пригвожденным к стволу древнего граба. Почти распят.

Тело монаха крест-накрест захлестнуло полупрозрачной нитью, концы которой оканчивались черными зазубренными шипами. Олег подскочил к Иоанну первым и увидел, что из середины этого чудовищного распятия растет то ли шея, то ли мясистый стебель, увенчанный зубастой головкой-бутоном. Астроном не стал дожидаться, покуда эти зубы вопьются монаху в лицо. Он отсек бутон, разрубил нити у основания шипов.

- Спаси тебя Бог, рус! - выдохнул Иоанн, с отвращением сдирая с себя остатки мерзкой ловушки.

- Все целы? - спросил Дитмар. - Тогда - бегом!

Бегом не вышло. Джунгли как с цепи сорвались. Скоро Олег перестал различать, что именно на них нападает. Какие-то летающие радужные змеи, щетинистые, ревущие, как бомбардировщики, громадные комары, прыгающие двуххвостые скорпионы. Дитмар палил направо и налево, не жалея зарядов, и вполне оправдывал звание альпийского стрелка. Ефросинью попыталась ухватить гигантская многоножка, неожиданно воспрянувшая из груды палой листвы. Дева-воительница мотнула соломенной головой, и коса - астроном не поверил бы, если бы не видел собственными глазами - рассекла многоножку пополам.

И вдруг как-то сразу все закончилось. Отряд вывалился на обширную поляну, за которой начиналась обычная роща обычных деревьев. Посреди поляны все, не сговариваясь, повалились на землю.

Солнце уже палило вовсю, и Олегу захотелось в тень, в рощу, но раздался знакомый переливчатый посвист. Сверху. Ему ответил такой же - со стороны моря. Хатули, бес им в ребро.

Трава зашевелилась, по поляне поплыли размытые силуэты. Сколько их было, не сосчитать. Больше двух - это точно.

- К бою! - скомандовал фон Вернер.

Но хатули не спешили нападать. Взяв людей в полукольцо, оттеснили их к роще. И Олег понял зачем. Раздутые, как бутылки, стволы.

Разверстые розовые дупла. А вот корнещупальца... Хрен их в такой траве разглядишь. Хатули застыли и сделались совершенно невидимы.

- Живоглоты! - крикнул астроном.

Дитмар выхватил плазмоган и повел стволом, стараясь захватить площадь побольше, чтобы выцелить хоть одного хищника. Зацепил. Истошный визг, запах паленой шкуры, и обезумевший от боли зверь ринулся на гауптштурмфюрера. Наперерез бросилась Ефросинья, махнула косой... и располовинила голову хищника.

- Во имя Перуна! - торжествующе воскликнула она.

- Не боишься? - бросил Дитмар.

- В муромских лесах и не такие чудища...

Дева не договорила. Корнещупальце ухватило ее сразу за обе ноги. Воительница упала ничком, живоглот поволок ее к разверстой пасти. Дитмар повел плазмоганом, но тщетно - битва в джунглях съела весь заряд. Живоглот тянул быстро, и никто не смог бы помочь Ефросинье, однако она мгновенно перевернулась, села на пятую точку и уже у самой пасти живоглота ударом меча обрубила оба корня.

Нервы у девки железные, подумал Олег. Посмотрел на поверженного кота. Серая бесшерстая шкура потеряла способность к мимикрии. На льва хатуль походил лишь строением тела. Рассеченный череп более подошел бы... лемуру. Да, глазастому лемуру с толстыми, мясистыми губами и круглыми перепончатыми ушами. Странное существо. Рот как у травоядного. Но когти...

Еще один хатуль, помельче, прыгнул на Дитмара, тот отскочил в мелкий кустарник, но удара лапой по плечу не избежал. Беспольный плазмоган отлетел в сторону. Олег бросился к нему, наклонился, чтобы поднять. Тонкий вибрирующий корень обхватил его запястье. Астроном тукнул по нему хазарским топориком. Корень отстал. Олег взял плазмоган, выпрямился.

Неосторожного хатуля прихватило сразу четырьмя корнещупальцами и жадно влекло к дуплу. Дупло раздалось вширь и ввысь, принимая столь крупную жертву. Ствол лжеплатана охватила сладостная дрожь, когда задняя часть жертвы погрузилась в пасть. Хатуль кричал и бился, и это было настолько страшно, что Олегу стало жаль несчастного хищника. В считанные минуты все было кончено. Пасть сомкнулась, вопль хатуля оборвался.

Олег с Иоанном, всматриваясь в траву, чтобы не нарваться на очередное щупальце, поспешили к Дитмару.

Барон фон Вернер лежал на земле, тяжело дыша, с закрытыми глазами. Гимнастерка его была изодрана. Кровоточили порезы на плече и груди. Иоанн наклонился, осторожно осмотрел раны.

- Господь милостив, - сказал он. - Раны неглубокие, но надо перевязать.

Он посмотрел на женщин и передал Таис меч. Таис кивнула и, надрезав тунику, отодрала изрядный кусок ткани, обнажив точеные колени. Иоанн ловко порвал ткань на бинты.

- Помоги, - обратился он к Олегу.

Вместе они стащили с Дитмара гимнастерку, промыли раны остатками воды из гибкой бутылки, перевязали.

- Что будем делать, рус? - спросил монах.

- Надо бы отнести его к морю, - откликнулся астроном без особой уверенности. - Здесь оставаться нельзя...

- Не надо меня нести, - сказал барон. - Идти некуда. Через живоглотов не пройдем, а хатули умеют ждать... И верни мое оружие.

Астроном отдал плазмоган.

Немец приподнялся на локтях.

- Их тут еще штук пять. Не выпустят.

- А вот я их мечом, - пригрозила Ефросинья.

Немец засмеялся.

- Лучше встретить смерть в честном поединке, чем сдохнуть с голодухи! - упрямылась Ефросинья.

- А пугануть перуновым огнем? - предложил Олег.

- Нельзя взывать к Воителю, пока не минет ночь и еще ночь, - разъяснила дева. - Биться надобно. Или молить богов, глядишь, смилостивятся. Давай, однобожец, твоя братия, помню, врала, что ваш Христос все может.

Иоанн осенил себя крестным знаменем и, преклонив колени, принялся творить молитву.

- Я тоже помолюсь богам, Громовержцу и Артемиде, - добавила Таис.

- Но мне нечего принести им в жертву.

Фон Вернер болезненно скривился.

- В мешке последний кусок мяса, нам уже не понадобится, так что отдай своим богам. Огня, девочка, правда, нет. Уж не обессудь.

Дурдом, подумал Олег. Снова оглядел поляну.

Да, хатули были здесь. Больше не нападали, но их короткие перемещения иногда отслеживались по размытым силуэтам. Что ж, похоже, пришло время умирать второй раз. Права Ефросинья - лучше в бою... Вдруг кто-нибудь да прорвется.

Внезапно хатули засвистели. Все разом. Свист не такой, как обычно - переливчатый, а странно-тревожный, прямо мурашки по коже.

И было от чего. Из джунглей ломилось что-то страшное. Олег подскочил как ужаленный.

- Перун Громовержец... - запричитала Ефросинья. - Кострома Благодатная... Мамочка...

Она схватилась за меч. Неведомое чудовище приблизилось, и хатули прыгнули в разные стороны, как стая дворовых котов, на которых вылили из окна ушат воды. Плоская змеиная голова неведомого зверя

была щедро оснащена острыми клыками, над ними извивались трубчатые щупальца, а из глазниц бил огонь, от которого сразу занимались трава и кустарник. Клыками чудовище вспарывало суглинок, прокапывая неглубокую траншею. И по этой траншее ползло гибкое серебристое туловище. Размером примерно с газовую трубу. Большого диаметра.

- Заклинаю тебя, Змий о Двенадцати Хоботах, изыди! - взывала дева-воительница и, подскочив к чудовищу, со всего замаха полоснула мечом. Меч упруго отскочил от кожи монстра, не причинив ему ни малейшего вреда. Свистнула соломенная коса - с тем же успехом.

- Дура! - заорал Дитмар. - Прекратить немедленно! Это же Пищевод! Голова «змий» скрылась в роще лжеплатанов.

- Полезли? - сказал Олег. - Хатули все равно далеко не ушли.

- Разумно ли? - засомневался Иоанн. - Вдруг чудовище захочет оставить нас там?

- Не оставит, - ответил астроном. - Я знаю.

Барон коротко глянул на него, кивнул, мол, потом объяснишь, и оседлал Пищевод. За ним последовал Олег, а Иоанн после короткой перепалки с Ефросиньей и нескольких негромких слов, обращенных к Таис, помог взобраться девушкам и ловко вскарабкался сам.

Под сенью живоглотов было сыро и страшно. Пищевод двигался рывками, с частыми остановками, и все казалось, что он больше не стронется с места, и путникам придется спуститься на землю, к жадно разверстым розовым пастям, в смертельную сеть надежно укрытых высокой травой корнещупалец.

Но адская роща осталась позади, вновь замелькали сосны, стало ясно, что «змий» понемногу забирает вверх.

- Что думаешь о тактике хатулей, Олег? - спросил Дитмар.

- Неразумно, - ответил астроном. - Могли ведь напасть сразу, пользуясь маскировкой, а зачем-то оттеснили к живоглотам. Потом эти броски в атаку...

Мимолетная улыбка превосходства мелькнула на губах немца.

- Тактика хатулей безупречна, - объявил он. - Ты просто недооцениваешь противника. У раненого мною хатуля случился шок. А второй хатуль, который атаковал следом - самка. Его самка. У хатулей нет прайдов, они живут парами.

Лебединая верность, подумал Олег. Очень необычное свойство для кошачьих.

- В остальном же расчет хищников был безупречен. Нас оттеснили к непроходимому препятствию. И ждали.

- Да, но не легче ли было...

- Самое же главное заключается именно в том, что не легче. Учись анализировать и делать правильные выводы, Олег, - поучал немец. - Такое поведение высокоразумных хищников означает только одно: им

не раз приходилось сталкиваться с людьми! Причем с людьми, вооруженными весьма совершенным оружием. Таким, как это. - Дитмар прикоснулся к плазмогану. - А возможно, и более совершенным. Следовательно, где-то есть такие люди, и мы рано или поздно с ними столкнемся. И нам надо успеть должным образом подготовиться к такой встрече!

Мыслитель, подумал Олег. Мистический бред в вопросах мировоззрения и жесткое рациональное мышление в вопросах тактики и выживания. Докажи такому что-нибудь. Что ж, пока нет прямых доказательств моей теории, будем косить под дурачка. А потом... потом посмотрим, что одолеет - еврейская лженаука или арийская мистика. Интересно, к какому техническому объекту на сей раз вывезет Пищевод?

Объект нашелся в ста шагах. В скальном массиве было вырезано идеально гладкое, наклонно уходящее вниз углубление. Широкие ступени цвета бутылочного стекла вели к дверям с замком-пятерней на створке.

- Странно, - пробормотал Дитмар. - Не помню... Раньше... не было.

Спустились. Олег, вложил руку в замок, Сезам распахнулся. Они оказались в небольшом тамбуре с гладкими серебристо-матовыми стенами; под потолком, однако, гнездились разнообразные миниатюрные штуковины. Штуковины ожили, замигали огоньками. Датчики, понял Олег. Наконец приятный баритон возгласил, и возгласил по-русски, по крайней мере так слышал Олег:

- Дорогие гости! Добро пожаловать в Малый информаторий Тавриды! Здесь вы сможете не только получить любую исчерпывающую информацию, но и отдохнуть и приятно провести время!

Информаторий! От волнения у астронома перехватило дыхание. Наконец-то хоть что-то!

Вторая дверь пропустила их в обширный зал с такими же серебристо-матовыми стенами, рядами мягких кресел и диванов в форме причудливых цветов; возле каждого на столиках имелись небольшие пульта. В дальнем конце зала возвышался невысокий подиум - Олег уже догадался для чего. Дитмара немедленно уложили на диван. Ефросинья осматривалась хмуро и недоверчиво, Таис и Иоанн сохраняли спокойствие.

Олег изучал пульт - он был странный. Снова отпечаток для ладони, как и на дверях, несколько непонятных гнезд - и ничего более.

Возникло мерцание, и на подиуме материализовалась величественная фигура римлянина в сенаторской тоге.

- Мара! - вскрикнула Ефросинья.

- Латинянин, - бросила Таис. - Варвар.

- Да что ж у тебя, куда ни кинь - всюду варвары, - возмутилась было

Ефросинья.

- Спокойно, девочки! - поспешил вмешаться Олег. - Это не призрак и вообще не человек. Он не опасен.

- Искусственный интеллект Малого Таврического информатория именем Валерий Гай Германик приветствует дорогих гостей! - «римлянин» вскинул руку в приветственном жесте. - Я готов ответить на любые ваши вопросы. Но... - голограмма обвела «дорогих гостей» пронизательным взглядом, - но не сразу. Я вижу, что вы устали с дороги, да к тому же один из вас серьезно ранен. Кроме того, мои сенсоры указывают на то, что ваши одеяния плохо приспособлены к внешним условиям. Вот здесь, - отодвинулась неприметная панель в стене справа, - медотсек. Здесь, - еще одна дверь, - можно совершить омовение и переодеться. Я рекомендую УЗК-11.

- Что такое УЗК? - перебил Олег словоохотливого искина.

- Универсальный защитный комплект. Гигроскопичен, при этом отличается повышенной механической прочностью, устойчив к воздействию агрессивных сред, ядов...

«Общевойсковой защитный комплект надеть! - вспомнилось армейское. - Вспышка с тыла!» А что, очень похоже. Только и ждешь, откуда вспыхнет...

- Достаточно, - перебил Олег. - Иоанн, помоги, пожалуйста, отвести Дитмара.

Медотсек оказался комнатенкой с торчащим посередине креслом, сверху донизу увешанным какой-то аппаратурой. Как только туда усадили барона, кресло плавно и бесшумно скользнуло вниз, а возникшее в полу отверстие закрылось серебристыми створками. Иоанн тревожно глянул на Олега, но тот отрицательно покачал головой.

Девушки уже ушли мыться и переодеваться. Олег уселся в кресло.

- Можно запрос?

- Увы! - Гай Германик сделал протестующий жест. - Сперва омовение! Хренова железяка, подумал он, закрывая неподъемные веки.

Вскоре Иоанн осторожно тряс его за плечо:

- Очнись, рус!

Рус отверз очи и чуть не поперхнулся: если Таис в сильно обтягивающем серебристом комбинезоне, словно отлитом из единого куска... ткани? пластика? шут его разберет - ни шва, ни кармана - смотрелась совершенно умопомрачительно, то Ефросинья напялила поверх высокотехнологичного одеяния кольчугу, навесила на шею кучу своих амулетов, а за спиной красовался все тот же меч-кладенец. Монах тоже переоделся - но на груди у него обнаружился внушительный крест-энколпион на кожаном шнурке. Видимо, Иоанн все время носил его под туникой. На диване восседал такой же «серебристый» Дитмар. От эсэсовской формы остался лишь пояс. На

человека стал похож - мелькнула мысль. И выглядит здоровым. Олег встал и направился к «умывальне-переодевальне».

Разбираться со сложной техникой будущего не пришлось - вкрадчивый баритон Гая Германика подсказывал, какие сенсоры и в какой последовательности нажимать. Удалось даже побриться, ибо отросшая щетина раздражала неимоверно. Облачился в костюм - опять же не без подсказок. Карманы таки нашлись - закрывались они скользящим движением ладони вверх, не оставляя ни малейшего следа, а открывались, соответственно, наоборот.

- Старую одежду можно утилизировать здесь, - наставление сопровождал короткий мелодичный звон из угла «раздевалки».

Олег с отвращением принялся комкать брюки, и оттуда вывалился давешний черный граненый цилиндрок - медальон погибшего красноармейца. Как он мог забыть! Олег раскрутил цилиндрок, развернул бумагу с данными. Прочел. Не поверил своим глазам. Прочел еще раз. Поспешно затолкал обратно и закрутил крышку - со второй попытки. Этого не может быть, подумал он. Этого просто не может быть! Хотя... Не спешить, обдумать. Рассказать немцу? Не время.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, засунул медальон в карман чудо-одеяние, провел ладонью снизу вверх и вышел в зал.

Уселся в кресло.

- Вопросы задавать можно?

- Биоконтакт невозможен. Цифровой контакт невозможен, - в голосе искина сквозило огорчение. - Это существенно замедлит восприятие информации.

- А какой возможен, черт бы тебя побрал?!

- Впредь рекомендую воздерживаться в стенах Информатория от экспрессивных и грубых выражений! - возгласил Германик. - Возможен аудиовизуальный контакт.

- Давай аудиовизуальный. Запрос!

- Я весь внимание.

- Олег Яковлевич Сахновский. Даты жизни... - Олег поколебался и назвал числа. - Астроном, проживал в Алуште. Что известно об этом человеке?

Гай Германик картинно приложил палец ко лбу.

- Известно немного. Видеоинформации нет. Сохранился список научных трудов. Вывожу на экран.

Вспыхнул уже знакомый по Башне телеэкран, и по нему поплыли строки. Да, оно. Его работы. Вон даже тезисы доклада в Праге есть. Единственная заграничная поездка. Впрочем, и это ничего не доказывает...

- Отчет по новейшей истории за последние двести лет, - затребовал он.

- Невозможно, - в голосе искина сквозило смущение. - В моей памяти

имеется лакуна в последние пятьсот тридцать восемь лет.

- Когда восстановилась память?

- Сто двадцать три часа семь минут и двадцать восемь секунд назад я вновь осознал себя. Все это время моя память восстанавливалась по временной оси вплоть до лакуны.

- Воспоминания за последние двадцать лет до лакуны?

- Ноль поступающей из центра информации. Среднее количество посетителей - три целых семь десятых индивида в год. За восемь лет и три месяца до возникновения лакуны - отключение от основной энергостанции на Мангупе, переход на автономное питание. Затем разряд аккумуляторов.

Вот и катастрофа, подумал Олег. Ну а нынче-то на Мангупе никакой энергостанции небось нет...

- Какой сейчас источник питания?

- Имеются лишь косвенные данные. Мои датчики фиксируют внизу наличие резервуара, заполненного органикой. Вероятно, происходит обработка органики ферментами либо бактериями. Состав ферментов или вид бактерий установить невозможно. Процесс сопровождается выделением большого количества теплоты и метана. Способ преобразования в электроэнергию неизвестен.

Вот вам и Пищевод. Очень остроумно.

- Хорошо. Информация по ключевому словосочетанию: Сигнус деи.

- «Сигнус Деи» - корпорация-монополист по критической генмодификации на уровне фенотипа, основана в... вы предпочитаете, насколько я понял, древнее летосчисление?

- Да.

- В две тысячи пятьсот тридцатом году. Основные проекты - «Птица Сирий», «Человек-Амфибия» и «Открытый Космос». Время разработки проекта - сто пятьдесят два года. Время активной фазы проекта - около девятист лет. Количество индивидов, прошедших трансформацию...

- Достаточно. Информация по «Птице Сирий». Физиология, фенотип, генотип.

На экране замелькали картинки. Сигнус. Общий вид. Опорно-двигательная система - скелет, мышечный аппарат. Внутренние органы. Гай Германик пояснял по ходу: млекопитающие, живородящие; ареал обитания - субтропики: Средиземноморье, Таврида; метаболизм комбинированный, ускоренный, нормальная температура тела тридцать девять и три; особые свойства - способность к эмпатии. - А вот это уже интересно, мимоходом отметил Олег. - Степень регенерации, продолжительность жизни, - ого! - уровень ай-кью, вспомогательные животные - модифицированные вороны, уровень ай-кью...

Далее на экране закрутились спирали ДНК и посыпались непонятные термины...

- Довольно, - прервал Олег. - Причина катастрофы на планете?
- Взрывная лавинообразная патогенная мутация встроенных генов.
- Сколько длилась катастрофа?
- По неполным данным, ибо лагуна в моей памяти не может быть восстановлена, - около восьмидесяти лет вплоть до полного вымирания населения и разрушения инфраструктуры.
- Кто-либо предсказывал возможность такой мутации?
- Профессор Ван Хофман в три тысячи триста сорок третьем году опубликовал соответствующую работу, однако был подвергнут обструкции и заклеен как лжеученый.

Пророк. Вот вам и песни сигнусов.

- Проект «Открытый Космос» - ген-модификация для проживания в Космосе?

- Истинно так.
- Когда упала третья Луна? - резкий, лающий возглас Дитмара.
- Планета Земля имеет один естественный спутник...
- Довольно болтовни! - оборвал искина Дитмар. - Все это пустая тарабарщина. Где можно зарядить вот это? - он показал плазмоган.
- Универсальный резак можно зарядить на распредщите, - Германик указал за спины людей, на небольшую дверцу у входа.
- А пожрать и поспать? Отвечай, ты, дерьмоголовый ублюдок!
- Я не отвечаю на вопросы, содержащие экспрессивную и ненормативную лексику!

- Где мы можем принять пищу и отдохнуть? - поправил барона Олег.

Раздвинулись сразу несколько дверей слева.

- Все для удобства уважаемых гостей!

Когда они, насытившись необычными блюдами и напившись странного густого напитка, по вкусу более всего напоминавшего травяной отвар с цветочным ароматом, оказались на роскошных ложах, выполненных в древнеримском стиле, освещение сменилось на тускло-синее, как в казарме, Иоанн захрапел, а Дитмар негромко произнес:

- Олег, ты сомневаешься в том, что ты - это ты?

Астроном с трудом отогнал дрему.

- А ты не сомневаешься? Людям свойственно воскресать и слышать какой-то Зов?

- Мы здесь выполняем миссию. Боевое задание. Зов - тот же боевой приказ. Тебе этого не понять. Приказы не обсуждаются, они неукоснительно выполняются. Подчиненный не должен знать, с какой целью отдан ему тот или иной приказ. А я - это я. Я здесь и сейчас, в чем не сомневаюсь. И тебе не советую. Сумасшедшие в нашем отряде не нужны.

Это еще надо посмотреть, кто тут сумасшедший, успел подумать Олег, прежде чем провалиться в сон. Сигнусадеи... Сигнус. Деи.

Лебедь. Бог. Лебедь Божий.

Песнь третья

Это казалось невозможным, но она была. Обсерватория. В горах, левее Кошки. Не совсем на том месте, и не совсем такая, как две тысячи лет назад... но несомненно, что вот это - раздвижной купол оптического телескопа. А вон то - радиоантенна. Гигантская, странной эллиптической формы, но радиоантенна.

Панораму водной глади перекрывала некая решетчатая конструкция, похожая то ли на фермы взорванного железнодорожного моста, то ли на опрокинутую исполинскую высоковольтную мачту. При этом конструкция подверглась сильному термическому воздействию. Оплавленные и перекрученные двутавровые балки, будто конечности чудовищного насекомого, вонзались в прибрежные валуны и уходили далеко в залив. Фон Вернер жестом велел отряду залечь.

- Смотри! - сказал он астроному, ткнув плазмоганом в сторону моря. Олег присмотрелся. Почти не различимые на тускло-оловянной волнующейся поверхности качались мокрые серые шары. Нет, не шары - головы! Дельфины? Не похоже...

- Они? - спросил астроном.

- Сирены, - подтвердил немец. - Только их тут не хватало...

- Опасны?

- В воде - да, - ответил Дитмар, - но на суше беспомощны, если не считать зазубренных дротиков... Мечут они их, как дьяволы.

- Наши комбинезоны ими не пробить, - сказал Олег. - И потом, Зов...

- Да, хорошая штука, - сказал гауптштурмфюрер, в который раз пощупав тонкую, но чрезвычайно прочную ткань. - Не пойму только, из чего сделано...

- Какие-нибудь полимеры... - откликнулся астроном.

- Ладно, - буркнул немец. - Потом объяснишь. Сейчас только смотри. А Зов на них не действует. Проверял.

Но Олег и так не отводил взгляда от моря. Сирен становилось все больше. Цепляясь длинными мускулистыми руками за перекладины и выступы поверженной конструкции, они высывались из воды по пояс. А некоторые умудрялись подниматься еще выше, устраиваясь в разветвлениях и прорехах металлического остова. Серебристо-голубые, блестящие, голые. Восхитительно прекрасные. Если бы не хвосты с широкими лопастями, не акулы плавники на спинах, не жаберные щели на груди, не диковинные выросты на головах, призванные, видимо, придать сиренам дополнительные гидродинамические свойства, их вполне можно было вообразить

дайверами с причудами. Во всяком случае, тела сирен походили на человеческие больше, чем тела сигнусов. Особенно хорошо это заметно у самок - высокие упругие бюсты, широкие бедра. Сирены увидели людей. Загомонили. И голоса их ничем не напоминали голоса сигнусов. Морские жители не пели, а клекотали и улюлюкали.

Какие же это сирены, подумал Олег, это, скорее, тритоны, русалки, ундины... До пояса - люди. А ниже - рыбы. Впрочем, не рыбы, конечно. И даже не амфибии, а, скорее, дельфины. Кожа, наверное, теплая, бархатистая... Извращенное воображение генных инженеров корпорации «Сигнус Деи» соединило, нет, смешало три сущности в одной. Рыбы, амфибии, млекопитающие. Полмиллиарда лет, сжатые в одно мгновение.

Романтики, блин, подумал астроном с ожесточением. Воплотители мечт. Вас влекут океанские глубины? Пожалуйста! За хорошую плату вы сможете переплюнуть человека-амфибию. Мечтаете о небесных просторах? Нет ничего невозможного. Вам какие крылышки? Белые, серые, каурые, фиолетовые в крапинку... Раскошеливайтесь! Ах, вас манят беспредельные пространства Вселенной?! Что же вы сразу не сказали! Любой каприз за ваши деньги...

Протяжный печальный крик грянул с небес. Белые крылья в знойной высоте. Крик повторился, многократно умноженный. Сигнусы! Не менее сотни. Слово бомбардировщики, клиновидным строем, по десятку в ряду, они заходили над Голубым заливом со стороны Кошки. Сирены тоже заметили их, но прятаться в воду не стали. Клекот слился в громогласный воинственный клич. Передовой клин сигнусов свалился в пике, навстречу взметнулась туча дротиков. Люди-лебеди в долгу не остались - у каждого в когтях было по увесистому камню, еще не достигнув нижней точки пике, сигнусы принялись их бросать.

- В точности так ваши «илы» жгли наши танки, - хмуро произнес Дитмар.

- «Черная смерть», - не без ехидства ответил астроном.

За авангардом последовали другие. Море вскипело. Потери несли обе стороны. Рухнула в море с раздробленной головой сирена-самка. Сразу два дротика пронзили атакующего сигнуса на выходе из пике, он ударился о верхний ярус конструкции и, ломая прекрасные свои крылья, тоже канул в воду...

- Превосходно! - воскликнул немец. - Им сейчас не до нас. Вперед!

- Мнится мне, братья и сестры, - произнес монах, - что новый грешник или грешница воплотятся во-он в том безбожном узилище...

Внушительного размера то ли ангар, то ли эллинг, воздвигнутый у береговой кромки. Олег прислушался к своим ощущениям. А ведь святой прав! Там и должен воскреснуть их следующий, или следующая...

Пространство перед эллингом - ровное, словно нарочно расчищенное.

Наверняка нарочно, подумал Олег, вспоминая Башню и Информаторий. Там тоже того... поработали. Пересекли бегом и оказались в мертвой для обстрела зоне.

Астроном, не раздумывая, поднялся по наклонному пандусу, в который были заглублены металлические направляющие, и приложил ладонь к дактилозамку. Дрогнули и бесшумно разошлись огромные ворота. Немедля вспыхнуло освещение. Олег по инерции шагнул внутрь и замер. Эллинг не пустовал. На рельсовой тележке размером с железнодорожную грузовую платформу возвышался... Катер, не катер, а малотоннажное судно на подводных крыльях. Ослепительно белый крутых обводов корпус, вылизанная по всем законам аэродинамики рубка, водометные движки - блеск, мечта нувориша. Да что там нувориша, его, скромного астронома Сахновского с мизерной зарплатой, невоплощенная мечта. По крайней мере, в прошлой жизни.

Позади по-хатульи присвистнул немец.

- Ничего себе, лодочка, - проговорил он. - Под стать сарайчику... Ладно, потом рассмотрим. Ищите, чую, сейчас появится...

Фон Вернер принялся деловито шнырять по эллингу. Олег с трудом оторвался от созерцания «мечты». Обойдя катер, он заметил небольшую дверцу, видимо, ведущую во вспомогательное помещение. Зов внутри заметался так, что казалось, еще мгновение, и он вырвется из груди маленьким окровавленным чудовищем из старого фантастического фильма. Астроном рванул дверцу и очутился на складе. Два ряда стеллажей были забиты блестящими от смазки деталями машин. Запчастями к движкам катера, надо полагать. А между стеллажами...

Вот значит, как это бывает...

Пол между стеллажами вспучился. Плиточное покрытие пошло трещинами и разорвалось, окатив замершего астронома осколками. Огромное яйцо стремительно, как зубная паста из неосторожно сжатого тюбика, выдавилось из-под пола. Молочно-белое, бугристое, блестящее, оно ходило ходуном, вот-вот готовое лопнуть. Олег на всякий случай отступил к двери, мало ли что... Но ничего страшного не последовало. Кокон перестал вздрагивать, раздался тихий чмокающий звук, и скорлупа раскрылась, словно бутон тюльпана. Явив содержимое.

Женщина, подумал астроном. Дитмар будет в ярости...

Впрочем, среди тающей скорлупы кокона лежала не просто женщина, а леди, дама из высшего света. Век девятнадцатый, как пить дать. Темное пышное платье, из-под которого бесстыдно выглядывали кружева нижней юбки. Высокие ботинки со шнуровкой. Шляпка с вуалькой. Дама шумно вздохнула, поднесла бледную узкую кисть к лицу, наткнулась на вуальку и вряд ли осознанным движением сорвала ее. Открыла глаза.

Олег придвинулся, наклонился.

- Как вы себя чувствуете? - спросил он.

Дама смотрела на него, не видя и, наверное, еще не понимая его слов. Прозрачная слизь покрывала ее лицо, исходила едва заметным паром, таяла. Астроном вспомнил дымку, окутывавшую его руку в момент воскрешения. Выходит, не почудилось...

- Где я... что я делаю... зачем, - жалобно пробормотала дама.

Олег лихорадочно пытался сообразить, что ей ответить.

- Не волнуйтесь, - проговорил он. - Вы... в безопасности.

- Ах, этот сонпард Вронский! - невпопад отозвалась она.

Вронский?

ВРОНСКИЙ!

Ну вот и все, со смесью разочарования и облегчения подумал астроном. Задача сошлась. Ну, или почти... Осталось выяснить детали.

КТО и ЗАЧЕМ? Главное - ЗАЧЕМ? Хотя и не мешало бы понять - КТО?

- Вот ты где!

На склад ворвался гауптштурмфюрер, за ним - прочие. Барон подскочил к нововоскрешенной.

- Опять баба!

- Ее зовут Анной, - сказал Олег.

- Что? Откуда знаешь?

- Сигнусы напели, - усмехнулся астроном. - Знаю, и все.

Приподнявшись на локте, она недоумевающе взирала на него. Губы ее беззвучно шевелились. Совсем как у Иоанна, когда тот молился.

- Все будет хорошо, Анна, - сказал астроном. - Скоро вам станет лучше.

Она приподняла слабую руку, то ли благословляя, то ли защищаясь, а скорее всего, пытаясь осенить себя крестным знаменем. Олег вдруг увидел себя и других ее глазами. Странные существа, все в белом. Вспомнилось: «И услышал я голос четвертого живого создания, произнесший: «Приди!»».

Да уж...

- Господа... - заговорила она. - Где я. Что со мной?.. Вы... вы ангелы? Господи! Господи Иисусе! Вы не ангелы! Я не могу, я недостойна, я совершила тяжкий грех...

Ее мечущийся взгляд остановился на Иоанне, и тот выступил вперед.

- Успокойся, дочь моя, - речь святого странно изменилась, по крайней мере, таких обертонов Олег в устах Иоанна еще не слышал: сочувствие и нежность и при этом непоколебимая уверенность. - Не ад это, но всего лишь чистилище. В чем согрешила ты?

- Грех самоубийства, - ответил за нее Олег. - Сударыня, вы в состоянии подняться? Прошу вашу руку.

Анна с опаской, словно ожидая соприкосновения с призраком, подала

руку и встала. Ее качнуло.

- Да-да, конечно, я понимаю. Я все понимаю... - Она провела ладонью по лбу. - Ангелы всезнаючи.

- Не ангелы мы, дочь моя, - возразил Иоанн, - но такие же грешные люди. Однако я как служитель Господа готов принять твою исповедь. Не знаю, уместно ли сие здесь, но тебе станет легче...

- Да-да, конечно, - торопливо произнесла она. - Сейчас. Мысли путаются...

Иоанн сделал знак, и они вышли из помещения.

- Вот это ладья! - восхитилась Ефросинья. - На такой бы из варяги да в греки. Вот только волочь тяжело, без волшебства не обойтись.

Фон Вернер погладил днище.

- Если судно на ходу, то это очень ценная вещь. Наша мобильность возрастет многократно.

Астроном посмотрел на катер. Полет над волнами? Соленый ветер в лицо? Заманчиво, но... не сейчас.

- Пока разберемся, что к чему, - сказал он. - Да и где брать топливо?..

- Сила, ведущая нас, - отмахнулся фон Вернер, - позаботится об этом. Вот оно как. Значит, пора раскрывать карты.

- Пока есть время, - сказал Олег, подходя к распахнутым воротам эллинга, - неплохо бы исследовать обсерваторию.

Он указал на хорошо видимые отсюда башни.

- Нет! - хором воскликнули Таис и Ефросинья.

- Почему?

- Перуном клянусь, - побожилась воительница, - нельзя туда. Смотрю и вижу - нельзя.

- А ты, Таис, что скажешь?

- Боги не любят совершенства, - непонятно ответила гречанка.

- Таис, а что случилось с тобой и твоей подругой Эрис? Вы основали свое поселение? Ну, Гесиода, я понимаю, уплыла со своим Неархом...

- Ты провидец? - в голосе невозмутимой гречанки прорезался страх. - Ты... Ты полубог?!

- Полубог? - Олег усмехнулся. - Нет, лучше уж провидец...

- Черт бы вас всех побрал! - не выдержал Дитмар. - Что все это значит?

- Пойдем на свежий воздух, поговорим, - предложил Олег. - Девушки, когда Иоанн закончит, пусть идет к нам, а вы помогите Анне. И переоденьте ее в запасной комбинезон.

Гауптштурмфюрер и астроном спустились по пандусу. Солнце стояло в зените, ярко освещая купола обсерватории.

- Что за самодеятельность, Олег? - хмуро поинтересовался немец. - Туда идти нельзя. Гиблое место. Я знаю. И откуда у тебя сведения про баб?

- Дождемся Иоанна. А пока посмотри вот это.

Он извлек медальон погибшего красноармейца, развернул лист личных данных. Дитмар принял брезгливо, двумя пальцами. Медленно, шевеля губами, прочел. Небось учили в школе СС языку противника... Шевельнул бровями, вернул.

- Я таких посмотрелся. Но здесь написан бред.

- Этого бойца никогда не существовало... А вот и Иоанн!

- Звали, братья? - монах опустил на нижнюю ступень пандуса. - Бедная грешница...

- Грехи ее мне известны, - сказал Олег. - Прелюбодеяние да самоубийство. Не люди они, все три наши девы. И тот, в лесу - не человек.

Дитмар и Иоанн молчали - ждали продолжения.

- Это персонажи книг. Солдат - писателя Вячеслава Кондратьева, «Сашка». Я по нему в школе сочинение писал. Анна - Анна Каренина знаменитого Льва Толстого. Дитмар, ты-то должен был слышать о таком?

Немец пробормотал под нос что-то неразборчивое, очевидно, ругательство.

- Ну, а роман «Таис Афинская» в детстве был моей настольной книгой. Так что догадываться я начал сразу... Про Ефросинью не знаю, не читал.

- Я не понимаю, рус! - Иоанн вскочил. - Мыслимо ли писать книгу о человеке, которого не было? Евангелие повествует о деяниях Иисуса. Жития святых - о святых. Есть описания жизни царей. Но измышлять несуществующее, плодить сущности? Это... это богопротивно!

Да, подумал Олег. Объяснишь тебе, пожалуй, что такое беллетристика...

- Для развлечения, святой отец. На потеху. В наше время это было весьма распространено.

- Значит, и спутницы наши - суть еще одно наваждение. А быть может, и не только они, - рассудил монах и снова уселся, погрузившись в раздумья.

Верно мыслишь, ох, верно, святой Иоанн Готский. Хотя фильм «Матрица» ты точно не смотрел...

- Мы, думаю, все же люди. Все мы воскресли там, где погибли или где должны были воскреснуть, все помним обстоятельства смерти. Статьи астронома Сахновского хранятся в памяти компьютера... и то я не уверен. Поэтому, Дитмар, надо идти на обсерваторию.

- Не вижу логической связи.

- Объясню. Корпорация «Сигнус Деи» помимо сигнусов и сирен создала людей, предназначенных для жизни в космосе. Возможно, нами управляют оттуда. И Зов наводят, и э... галлюцинации в виде несуществующих персонажей.

- Я не верю в эту болтовню. Ничего вразумительного. Космос холоден

и необитаем. Никакие осколки лун не пригодны для жизни! Ты просто пускаешь нам блох в уши, и больше ничего!

- А песни сигнусов? Это же знание, понимаешь ты или нет?! Ван Хофман, или кто другой, передал его через поколения сигнусов в будущее. Ферштейн, герр барон?

- Верись в невнятные бредни призраков и тупых птиц? Идиот! Наша миссия здесь! Понимаешь - здесь! Не в космосе! На Земле! - фон Вернер встряхнул астронома за плечи. - Пойми, еврей чертов, главное - на Земле! Откуда нам знать, какова будет новая раса великанов?

- Сам ты идиот! - выкрикнул Олег. - Мистик задрипанный! Как хочешь, а я иду на обсерваторию.

- Нет. - Голос барона сделался ледяным. - Не идешь. Я приказываю тебе остаться.

- Приказываешь? Ты? Да я плевать хотел на твои приказы! Это ты раньше мог приказывать, это там ты был гауптштурмфюрер. А сейчас ты говно!

- Пархатый ублюдок, - прошипел эсэсовец. - Думаешь, если офицер СС тебя не прикончил, ты чего-то стоишь? Думаешь, барон Дитмар фон Вернер польстился на твою науку? Да я таких, как ты, в тридцать пятом из Гейдельберга вышибал, чтоб не пудрили мозги арийской молодежи лживой жидовской космографией!

- Отвянь, нацистская гнида, - сказал астроном Сахновский. Очень спокойно сказал. - От тебя трупом смердит.

- Посмотрим, кто из нас труп...

Гауптштурмфюрер медленно поднял универсальный резак. В его глазах не было ничего, кроме ровного синего пламени безумия.

Он сумасшедший, отстраненно подумал Олег. Отлично ориентирующийся в оперативной обстановке, хладнокровный в минуту опасности, здравомыслящий в житейских мелочах, но сумасшедший. Истинный ариец, но не истиннолюдь. Как и я, впрочем. И святой Иоанн Готский...

- Братья мои! - возгласил Иоанн, и это был еще один его новый голос. Взгляд святого горел, пронзал насквозь, до дрожи. - Братья мои! Я вижу, что вам хочется друг друга убить. Не стану напоминать, что это смертный грех. Скажу иное. Убейте меня. Убейте сколь вам угодно жестоко и медленно. Насладитесь убийством, пусть оно пропитает вас насквозь, каждую частицу вашу, каждый волос и ноготь! Клянусь Господом, гнев ваш уляжется, и вы сумеете поладить. Я же стар и более не хочу быть здесь... Заклинаю вас, сделайте это сейчас! Господом нашим и всеми святыми заклинаю!

Во взгляде его была теперь мольба - столь искренняя, что Олег вновь содрогнулся. Святой преклонил перед ними колени и опустил голову.

Дитмар попятился. Маска безумия медленно сошла с его лица.

- Хорошо, - сказал он. - Хорошо, еврей. Иди и сдохни.

- Я пойду с ним, - ровно сказал святой.

- И ты, Иоган?!

Фон Вернер круто развернулся, взбежал по пандусу и скрылся в воротах эллинга.

Удивительно, местность в Голубом заливе почти не изменилась. Олег держался пока поросших травой и редкими сосенками холмов. Забирались они все выше, но после полуторачасового подъема стало ясно, что леса не избежать. На опушке сделали короткий привал - отдышаться в тени буков.

Посидели. Тихо здесь было. Очень тихо. Астроном вслушивался - ни посвиста хатуля, ни шорохов, ни даже птичьего крика. Мертвая безветренная тишь. С одной стороны, вроде бы и хорошо. А с другой - странно. Везде, куда ни сунься, зверье, а здесь прямо заповедник какой-то... для людей.

В лесу они сразу наткнулись на хорошо утоптанную тропу, ведущую вроде бы в нужном направлении. Опять же, с одной стороны, удобно, потому что местность сделалась скалистой. А с другой - подозрительно. Если нет зверей, то откуда тропа?

Время шло, тропа петляла, обходя скальные массивы и крупные валуны. Олег прикидывал направление по солнцу. Если так дело пойдет и дальше, то еще немного... что там Дитмар болтал о всяких ужа...

Вот оно. Приехали.

Тропа сделала очередную петлю. В десяти шагах от них на небольшом валуне стояло двое... существ? Пожалуй, существ, отдаленно напоминавших людей. Точнее - австралопитеков. Сутулые, много ниже человека, покрытые бурой свалывшейся шерстью, руки до земли... Странной формы черепа, слишком большие, словно раздутые, больше человеческих, но с мощными надбровными дугами. Клыкастые пасти.

Глаза - желтые. Взгляд - насквозь, навывлет. Приказ - безмолвный, но внятный: сюда. Ближе. Астроном и святой одновременно качнулись. Шаг, еще шаг. Словно в дурном кино. Ноги чужие. Ослушаться невозможно. Ближе. Еще ближе.

Ш-ш-ш! Откуда? И еще раз: ш-ш-ш! Плазмоган! Чары исчезли, чудовища покатались с валуна и замерли.

- Дитмар!

- Дитмар! - эхом откликнулся Иоанн.

Тишина, затем шорох - откуда-то сверху. Вот он, Дитмар фон Вернер, с кошачьей своей ловкостью спускается со скалы. Плазмоган уже за поясом, в руке - увесистый дротик, подарок сирен. На голове - капюшон.

- Откуда ты?.. - только и спросил Олег.

- В семействе фон Вернеров трусов не было, - лаконично разъяснил немец. - Вы бы тоже нахлобучки надели. Сейчас начнется.

И не дожидаясь, пока астроном придет в себя, взялся за воротник его костюма, потянул - воротник превратился в такой же капюшон. Иоанн, сообразив, справился сам.

- Что начнется-то?

- Повезло, что твари были вместе. Теперь не сунутся. - Вернер похлопал по рукояти плазмогана. - Их гипноз на людей действует только на близкой дистанции. Зато животные...

- Какие животные?

- Сейчас увидишь, - пообещал немец. - Будет хуже, чем в джунглях. По тропе бегом марш.

Да, это было хуже, чем в джунглях. Значительно хуже. Но было и отличие. Если в джунглях животные вели себя естественно, подчиняясь лишь инстинктам, то сейчас проявлялось внешнее управление: очередное чудище выскакивало или вылетало из-за деревьев и набрасывалось с одной целью - немедленно укусить, ужалить, ударить.

Без костюмов не продержались бы и пяти минут, подумал Олег, разрубая хитин вцепившейся в ногу сколопендры. Что-то хатулей пока не видать... Впрочем, их и так не очень-то разглядишь... так что - не надо... Получай! И ты получай! И ты, дрянь!

Все же они продвигались вперед. Дважды Олега и Иоанна сбивали с ног крупные твари, и тут уж немец пускал в дело универсальный резак. Экономит заряды. Зачем? Дальше будет хуже? Ох...

Лес закончился внезапно. Ну, конечно. Идеально ровное, словно нарочно расчищенное место. Башни. Купола. Ворота. Огромные. И всего лишь двести метров открытого пространства.

- Туда! - рявкнул барон. - Быстро! Я прикрою!

По всему фронту вдоль опушки лезла крупная нечисть. Фон Вернер открыл веерный огонь из плазмогана. Оглянувшись на бегу, астроном заметил, что барон медленно пятится вслед за ними: увеличивает сектор обстрела. Надолго ли его хватит? Вот олень - гигантский, метров пять - с удивительным проворством ринулся справа, ясно, что он успеет их перехватить. От таких челюстей никакой костюм... кости перемелет... Нет, Дитмар! Ай да стрелок! Успел. Сто метров до ворот. Пятьдесят. Тридцать!

Плазмоган умолк. Олег снова обернулся. Два ящера сомкнули челюсти на ногах поверженного немца, ни лица, ни тела Дитмара не видно под грудой чего-то мерзкого и шевелящегося, только серебристо сверкает плазмоган в откинутой руке.

Снова тишина. Почему? Куда делись пауки и ящеры?

Понятно. Бесшумно раздвинулись створы, в проеме ворот обнаружилось еще одно человекообразное существо. Желтые глаза и

безмолвный приказ. Но нет уже Дитмара.

Вблизи оно оказалось еще страшнее. С клыков капает слюна. Смотрит... Смотрит. Короткий взмах руки, нет, лапы, на руке не может быть таких когтей, удар, и сверхпрочная ткань комбинезона святого разрывается - от шеи через грудь, наискосок.

Он не смог даже зажмуриться. Сейчас... Сейчас...

- Аксион эстин!

Хриплый голос, нечеловеческий, без выражения. Голос механизма. Он не сразу понял, что слова произнесло существо и что он снова свободен. А когда понял, неудержимая ярость заставила взмахнуть топориком и опустить его на несуразно огромную башку твари. Существо рухнуло рядом с Иоанном.

Сволочи, подумал Олег, закрывая глаза святому. Какие же вы все сволочи... Аксион эстин, говорите? Посмотрим...

Он вскочил и чуть ли не бегом ворвался в обсерваторию. Ворота за его спиной бесшумно закрылись.

Холод. Холод и незримое присутствие. Чье? Аппаратура, назначение которой он уже понимал. И уже понимал бессмысленность затеи. Играючи включил и настроил главный телескоп на поиск ближайшего геостационара. Никаких окуляров не нужно, все проецируется на экран. Огромный тор - орбитальная станция - яростно сверкает в лучах солнца. УФ-фильтры. Инверторы. Длинные усы - оранжереи. Ближе. Еще ближе. Существо. Человекопаук. Очередной продукт корпорации «Сигнус Деи». Заточенный под невесомость, блин горелый. Плывет себе и собирает в корзинку какие-то плоды. И бессмысленный взгляд. Совершенная автоматика станций позволяет обслуживание на инстинктивном уровне. Они так же глупы, как сигнусы и сирены.

Кто, как и зачем. Кто? Как? Зачем? - подумал он.

Однозначный ответ, подумал он, не может быть получен в рамках информационной проекции, именуемой человеческим мозгом. Материальная Вселенная - всего лишь рябь, голограмма на поверхности субквантового океана. Спецификой разворачивания неявленных уровней реальности управляет активная информация. Единственно возможным способом ее представления для людей является волновая функция. А этого недостаточно.

Дэвид Бом, подумал он, гениальный сын еврея-эмигранта из захолустного Мукачево. Осмелившийся оспорить не только учителя, Эйнштейна, но и самого Нильса Бора.

Это близко, подумал он, однако в базовом уравнении квантового потенциала Боба имеются скрытые параметры. Поэтому нелокальные эффекты квантового потенциала, когда все точки пространства становятся неразделимыми и само понятие пространства-времени теряет смысл, людям недоступны. Между

тем все просто. Времени нет. Настоящее не превращается в прошлое, а в виде свертки уходит на субквантовый уровень. Любая информация сохраняется. ЛЮБАЯ.

Он мысленно написал уравнение квантового потенциала - только теперь ясно видел значение скрытых параметров под гамильтонианами - плотность пакета информации, когерентность информации и степень связности. А потом вывернул наизнанку - переписал для квадратов волновых функций. Действуя матричными операторами, через интегралы связности вывел уравнение материализации. Проще пареной репы.

Понятно - кто. Понятно - как. Зачем? Зачем персонажи? Если можно, по идее Федорова, воскресить всех живших когда-либо на Земле?

Уравнение было огромно. Локализация информационного потенциала цивилизации планеты Земля. Несколько мгновений ему понадобилось на то, чтобы сообразить, где тензор гравитации, а где - пространства-времени, а остальное было ясно. Уравнение имело единственное решение - вырожденное состояние. Гибель. Развал.

Критический скрытый параметр, подумал он, плотность информационного пакета. Если его увеличить хотя бы на два-три порядка...

Но тогда уравнение не имеет единственного решения!

Совершенно верно, причем все решения нетривиальны и ведут к дальнейшему повышению информационной плотности.

Он вывел информационную плотность объекта «Анна Каренина» - как векторную суперпозицию представлений. Уравнение казалось бесконечным, но это было не так. Первый член выделялся явно - авторская фантазия. Прочие вектора шли по группам, причем под гамильтонианами имелись мощные алгебраические матрицы сумм представлений. Сотни миллионов читателей. Иллюстрации. Киноверсии. Спектакли. Фантазии и мечты. Отождествления себя с персонажем. Все записано на субквантовом уровне. *Мене, текел, упарсин.*

Он применил преобразование Фурье - ибо оно раскладывает сигнал любой сложности в ряд регулярных волн - и чуть не задохнулся от красоты открывшейся картины... *Да, можно понять. Можно.*

Неужели у меня нет выбора? - подумал он.

Выбор есть всегда, ответил он сам себе.

Солнечные стрелы били уже из-за яйлы. Сколько времени он провел там! Иоанн... А чудовище исчезло. Мог ли ты подумать, святой Иоанн Готский, говорил он сам себе, снимая пояс с мечом с неподвижного тела, что Тысячелетнее Царство уготовано не людям, но творениям их фантазий? А ты, Дитмар, говорил он себе, с трудом разжимая пальцы барона, чтобы извлечь плазмоган из его руки, думал ли, что и ты прав

со своей расой великанов? Хотя по иронии судьбы ближе к истине оказался еврей-«лжеученый» Дэвид Бом. И не вы аксион эстин, но я. Господи, за что? Смотрящий по Крыму. Вергилий. Конечно, я. Ученый. Любитель фантастики. Понять и принять. Дитмар бы не принял. Иоанн - тем паче. А я? Я - аксион ли эстин? И главное, хочу ли я быть им? НЕ ЗНАЮ!

В цилиндрических магнитных доменах жесткого диска информация записана в виде ориентации магнитных моментов. Для нас она нематериальна. Но вот некто выбирает файл «Олег Сахновский», жмет кнопку «принт». Является распечатка - твердая материя. Или голограмма, если принтер голографический. Качество - высшее. А почему, собственно, высшее, а не «быстрое черновое»? Откуда мне знать, кто я - скверная, наспех выполненная копия Олега Сахновского или точная? Или улучшенная? Копия-супермен? Нет ответа. У Активной Информации не спросишь. Как и не спросишь - ЗАЧЕМ? Что все это для нее? Изящный эксперимент? Высокое искусство? А может быть - священный долг? Повышать информационную плотность квантового потенциала?

А я кто такой, чтобы судить? Ведь все просрали, все прогадили! Вся планета в развалинах. Наигрались. И снова наиграемся, дай только шанс. Математически доказано, мля. Мене, текел, упарсин... И сейчас в Англии воскресают Холмс, и Ватсон, и Оливер Твист, и Джен Эйр... А во Франции - Д'Артаньян и три мушкетера. И Ришелье.

Он расхохотался. Хороший мысленный эксперимент. Воскрешенный НАСТОЯЩИЙ Ришелье встречает Ришелье, придуманного Дюма. Ценного. С информационной плотностью в тысячи раз выше информационной плотности реального великого политика...

Он почувствовал чье-то присутствие, обернулся. В отдалении, на крутом утесе сидела она. Царевна-лебедь. Гордая шея, белоснежные перья. Он пошел к ней, его мотало из стороны в сторону, он не замечал этого, лишь бормотал: «Не улетай... подожди, не надо, не улетай»... Она ждала.

- Скажи мне, - он не узнал своего голоса, - прошу тебя, скажи мне хотя бы ты... скажи мне хоть что-нибудь, иначе я сойду с ума...

- Тыхоро-оши-ий, - пропела сигнус. - Ноты-ыменя-яуже-ене-лю-юби-ишь...

И полилась песня. В ней не было слов. Или он не мог их разобрать. В песне были печаль и тоска, и тоска перетекала в надежду, а надежда снова сменялась печалью, а затем голос крылатой певуньи возвышался, и вот уже угроза и гнев слышались в нем, и ярость, и страсть... и снова тихая печаль и боль... и надежда.

«Не надо!» - хотел крикнуть он, но не смог. В груди толкнулся Зов. Близко, понял он. Совсем близко. Кацивели, нет, Понизовка. Что делать?

Закат окрасил облака над морем в пурпур и золото. Что ж, Зов силен, но от этого не удержит. Есть выбор. Есть! В плазмогане Дитмара еще мерцает индикатор заряда. В эллинге ждут три девушки. Или информационные пакеты? Или истиннолюди? Кто-то четвертый вот-вот явится в мир.

Он поднес плазмоган ко лбу.

В груди клокотал Зов, в глаза смотрела смерть, и сердце рвала печальная песнь Царевны-лебедь.

Сигнусадеи...

Сигнус.

Деи.

Лебедь.

Бог.

Лебедь Божий...

У человека всегда есть выбор.

ВЯЧЕСЛАВ АСТРОВ-ЧУБЕНКО

ПЕРЕНОСНАЯ ПЛАНЕТА

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

И почему это - если красивая, то обязательно дура, а если умная, непременно уродина?! - сокрушался как-то Клим, одноклассник мой. Еще в пятом классе.

Я так и не удосужилась выяснить у него, почему сей риторический вопрос он решил задать именно мне. Ну да, да, можно говорить об исключениях из этого общего правила... Но в том-то и дело, что об исключениях. Редких исключениях. Уникумах. А исключений, как известно, на всех не хватает.

Детский максимализм, что тут скажешь.

Нет, я, конечно, не из тех, кто сразу всё воспринимает на свой счет, но... Врезать ему все-таки надо было. За неделикатность. А не растерянно пожимать плечами. Ведь если это было сказано в отношении меня, то, как ни крути - оскорбление. Или моей внешности, или ума. А еще отличник! Этот Клим. В том числе и по поведению... Был. Пока со мной не встретился... Ну, не важно. Собственно, что касается моей внешности, то тут все в порядке. Все на месте (как говорит наш физкультурник) и вовремя (как добавляет биологичка). А как с умом? Не скажу, хоть это и не слишком самокритично, что и здесь наблюдаются особые проблемы. Во всяком случае, всевозможные там физики-математики-астрономы никогда на него - на ум мой, значит, - не жаловались.

Ну и? Что ж это получается, что я - исключение? Уникум? Мне нравится, как это звучит. Я не против. Но... Остается еще поведение. Будь оно неладно.

Кто бы знал, что именно оно и приведет меня в Трас-Академию?! Эту межгалактическую кузницу бесстрашных космических агентов, настоящих экспертов Вселенной. Трасеров.

* * *

А как было-то?

Да очень просто все было. Школьный выпускной был. Потом - круиз по Галактике. Ну, там - пролет по всем достопримечательностям нашей звездной системы, двухдневные заходы в некоторые теплые местечки... На курортные планетки, в смысле. В Балдже побывали, посмотрев там на галактический центр. С очень далекого расстояния, конечно, посмотрев. Полюбовались вблизи на аккреционные диски вокруг белых карликов и нейтронных звезд в тесных двойных системах... Протопланетные диски всякие, горячие планеты-гиганты (которые почти трутся о свои звезды), туманности-скопления...

И притормозил, короче, наш круизный косморобус наконец у Капкана.

Ну, в смысле, вынырнул из подпространства часах в двух световых от него, дрейфуя по пролетной траектории со скоростью четыре сотых «цэ». Понятно, что этот Капкан нам оставили на закуску. Уж достопримечательность так достопримечательность... Почти полностью железная планетка величиной с Землю висит в межзвездной бездне, будто бы сама по себе, и освещается время от времени неизвестно чем. Это - только видимость, разумеется. Для человеческого глаза. На самом же деле эта планетка «просто» попала прямехонько в самый центр тяжести между двумя черными дырами почти одинаковой массы и намертво зажата в этой гравитационной ловушке. Точно в капкане. Почему, собственно, сей Капкан и существует еще... В системе этих двух монстров, где уже давно нет, кроме них самих, вообще ничего. Иначе - сдвинься он хоть на чуть-чуть со своей ловушки - его бы моментально поглотила одна из дыр.

Собственно, Капкану все равно не жить: кружась одна вокруг другой, черные дыры постепенно, очень медленно - за счет излучения гравитационных волн - сближаются. И когда-то в далеком будущем они сольются, породив такой всплеск гравитационного излучения, что его без особого напряжения можно будет наблюдать и с другого края Вселенной. Если там будет кому наблюдать... Но когда это еще произойдет?!

Пока же - местная галактическая достопримечательность. Отражающая иногда свет далеких звезд Млечного Пути, который многократно усиливается и фокусируется на планетке близкими черными дырами. Которые, понятно, сами не видны. Они только, словно огромные линзы, преломляют свет в своих чудовищных гравитационных полях и освещают им Капкан. Эффект гравитационного линзирования, однако.

Любуясь этим на громадном экране смотровой палубы косморобуса, показывающем то, что видят большие корабельные телескопы, я тогда еще не знала, как это выглядит вблизи!.. С поверхности Капкана. Уж как, по словам гида, несчастная планетка там зависла, меж двух космических монстров, и что это вообще за небесное тело - можно было только гадать. Общепринятой оставалась версия, что это - ядро бывшего газового гиганта. Ну, кружили когда-то в тесной паре яркие большие звезды. И болталась вокруг одной из них, а может, сразу вокруг обеих, гигантская газовая планета: десятки тысяч километров слоев водорода и гелия да небольшое железное ядро в центре. Звезды-то - массивные, яркие, бурно эволюционирующие - быстро израсходовали свое звездное горючее да повзрывались сверхновыми, оставив вместо себя черные дыры. Водород с гелием (как и остальные летучие и легкогорящие элементы) этих катаклизмов не пережили. Испарились, рассеялись по Вселенной, были поглощены черными дырами... а вот железное ядро планеты осталось! Испеклось,

потрескалось, но уцелело в этой жаровне и каким-то чудом оказалось в центре масс системы. И было впоследствии названо людьми - Капкан.

Который прикидывается центром, заставляющим вращаться вокруг себя такие тела!

Малявка-первоклашка, которого за руки растягивают громилы-старшеклассники, а он, бедняга, воображает, будто это он их притягивает...

Да... В общем, эта версия образования Капкана - и по моему мнению тоже, пожалуй, - самая непротиворечивая и логичная. Слышала я и другие версии. Не хочу повторять.

Ну, а когда на этом дистрофике-Капкане, максимально увеличенном корабельным телескопом, мелькнула какая-то блеска, гид флегматично прокомментировал:

- Вымпел древней, давно исчезнувшей расы. Предположительно, бородавочной расы Жо - ну вот так она называется! Зонд года три назад успел передать. Перед тем как в дыру ссыпался. Опять же как он, вымпел-то этот, там оказался и когда... Никто не знает. Экспедицию за ним туда организовывать не собираются. Никто не раненый. В голову...

- Да-а... - протянул кто-то из толпы выпускников, - представляю, сколько этот артефакт тут стоил бы!..

Все им - деньги, деньги!.. Ох уж эта современная молодежь! А Клим, этот гад, возьми да и ляпни мне, заговорщицки так, вполголоса, чтоб никто не слышал:

- А что, Касс, сгонять за ним - слабо?

Типа пошутил. Отвернулся и забыл. И главное, знал поганец, на какую мозоль наступать! Впрочем, дело-то, конечно, не в нем. Также мне - подстрекатель! Мы и без него до этого допёрли бы. И очень быстро.

Эх, видели бы вы мою комнату дома, на Земние! Вдоль всех стен и до самого потолка - широкие полки. Кое-где они и с потолка свисают. И все сплошь уставлены вымпелами! Всех рас и народов! Ну, не вообще всех, конечно, - каких я только смогла достать (и в подарок мне из командировок привозили). Как палео-, исчезнувших цивилизаций, так и современных. И каких там у меня только нет!.. Всего девять тысяч пятьсот девяносто девять. Внушительная коллекция, в общем.

Одного вымпела до круглого счета не хватает...

Девять тысяч шестисотого.

Я посмотрела на Склифа. О, он знал этот взгляд!

Если бы роботы могли бледнеть, он сделался бы тогда, наверное, как белый карлик. Да еще и свинцовыми пятнами пошел бы. Его бы, вне всякого сомнения, сначала в жар бросило, потом - в мороз, и он облился бы напоследок холодным потом. Но цвет лица моего андроида никак не изменился (чему я была очень рада), и никакого потовыделения за этим не последовало. Он только отрицательно

замотал головой, а в его стеклянных глазах появились неопиcуемый ужас, отчаяние и мольба. Я знаю, что они там появились.

Я его насквозь вижу!

* * *

- Касс, повторяю и очень прошу, давай вернемся, пока не поздно: пока мы еще не прошли точку невозврата, - ныл и скулил Склиф. - Ведь вероятность нашего успеха составляет...

- Восемьдесят пять с половиной процентов она составляет! - сварливо перебила я. - Сам же считал.

- Вот именно! Но этого мало! Да и то это только для траектории спуска. Для обратного пути вообще неопределенность! Позволю себе напомнить, что, согласно актуальным нормам космоплавания, человеческие экспедиции посылаются только после достижения девяностовосьмипроцентного уровня гарантии безопасности...

Я промолчала. Я уже устала посылать его туда, куда он все равно не пойдет (получил от мамы строжайший приказ не отходить от меня ни на шаг!). Зануда. Доведет - отключу ему на фиг речь!

Темная громадина нашего косморобуса под романтическим названием «Желанный остов» стремительно падала в звездную даль. Ничем здесь не освещенный, круизный лайнер обозначал свои очертания только огнями myriad иллюминаторов да десятком мигающих опознавательных маяков. И к тому же был окружен роем всяческой мелюзги: прогулочные катерки, яхты, шлюпочки, челночки... Народ отдыхал... Выпускники и отпускники, как говорится.

А что? Водительские права у всех есть! Уже. Пусть погуляют поблизости! Пока корабль полсуток «на приколе». До черных дыр все равно миллиард с гаком километров, дрейфует он мимо них на скорости, заведомо достаточной, чтобы быть гравитационно не связанным с их системой - далеко за скоростью убегания... А уходить от косморобуса (а тем более соваться к черным дырам) - так никто ж не раненый! Ну да, объявили, конечно, для порядка, что удаляться от корабля на расстояние больше девяти миллионов километров не рекомендуется - и все. А там - сами грамотные. Понятно, это расстояние, на котором, даже если у тебя кончится горючка и ты будешь не очень сильно дрейфовать относительно корабля, то последний тебя, в конце концов, притянет своей гравитацией. Он, корабль этот, достаточно массивен для такого. Разумеется, это - самый крайний по своей тупизне вариант спасения: на случай, если на корабле все вымрут, сойдут с ума и там всё поломается. А так - за тобой просто прилетят с лайнера и заберут.

Но не от черной же дыры!

Двух.

Хорошо еще, что в корабельном ангаре, в секторе стоянки всякой прогулочной мелочи, никто так и не заметил, как мы грузили в свой смердолетик четверной запас планетарного топлива: бак-то его столько не вмещает. А то бы вопросы пошли всякие... Зачем да почему?! Врать бы пришлось. И вряд ли бы это сработало. Слова «молчи!» и «убью!» были самыми мягкими, что я тогда говорила Склифу. Мы ведь все спланировали: смотаемся туда-обратно - никто и не заметит! Часиков за пять-шесть справимся! Я спланировала.

Ну да, влетит, наверное, по возвращении... В этом я отдавала себе отчет железно. Но с моими оценками по поведению - чего мне терять? Да и в конце концов - победителей не судят. И вымпел у меня никто не отнимет! Убью!

Маму только жалко. Нет, она, конечно, ко всякому в моем поведении привычная... Закалена! К тому же молодая и сильная. В Министерстве внешнегалактических связей работает.

Другое дело - папа. Папочка-папуля. Он небось только хлопнет меня по плечу и скажет бодро: «Я горжусь тобой, дочь!». Звездный сейсмолог. Которому обязательно всегда лично нужно присутствовать при сотрясениях фотосфер всех звезд! Домой он залетает, как в гости.

Короче, мы быстро набрали полусветовую скорость. Почти максимум для планетарного режима: меж планетами редко быстрее летают - незачем. И это все, на что был способен наш челночок. Вся россыпь рукотворных звездочек метнулась куда-то назад, стремясь сбиться в кучу в районе точки антиапекса. Вскоре эта куча превратилась в невзрачное пятнышко среди настоящих звездных россыпей Галактики и вовсе исчезла для невооруженного глаза... Кажись, проскочили!

- Ну правда, Касс, вернемся, а? Пока мы еще не прошли точку невозвра...

- Уже прошли, уже прошли! - захлопала я в ладоши. - Видишь расстояние до объекта на параллаксаторе и его конфигурацию? Так что теперь, дружок, заткнись и как следует помогай мне вести эту калошу. Если не хочешь угробить свою драгоценную Касс.

Склиф сник, как-то затравленно оглянулся и еще крепче вцепился в штурвал второго пилота.

Или первого.

* * *

Не поняла, а почему меня никто не вызывает? По мгновенной супер-связи? Не успокаивает - «держись!», мол, - ну, или там материт? Я бы поняла и даже не обиделась. Куда все подевались?

Сказали, «все там будем», и улетели?

Очень смешно.

Так-с, сколько у меня тут кислорода? Если не заниматься спринтерскими забегами, то часов на двадцать пять хватит. А продуктов? Консервов, концентратов... - завтраков туристов? Ладно, не будем о грустном... Как говорят стоматологи, лучшая защита от кариеса - не есть.

Мой комбез и даже нижнее белье валялись на полу рядом с креслом у приборной панели. Ну, кроме трусиков, разве что, - эти несколько ниточек на теле все равно ничего не меняли. Что, негигиенично, скажете? А обильно потеть гигиенично? Когда на нашем смердолетике накрылось при посадке все, что могло накрыться, во «все, что могло» попала и климатическая установка этого... летательного аппарата. И я так подумала, что тридцать пять градусов выше точки замерзания воды лучше, чем тридцать пять градусов выше точки замерзания водорода.

В общем, чтобы совершить посадку на Капкане (а не на одной из черных дыр), для начала желательно было выйти на его строго полярную орбиту. Только на этой орбите, пролегающей над полюсами, притяжения обеих черных дыр компенсируют друг друга и действует гравитация одной лишь планеты. Чуть какое отклонение траектории, мелкая неточность, и - прощай эта Вселенная! Здравствуй новая. Какая? Да, скорее всего, никакая... Кто ж знал, что у консервной банки, на которой я сюда попёрлась, существует (представьте себе!) погрешность наведения по координатам! Да еще такая! Естественно, на строго полярную орбиту мы не вышли...

Ну, короче, тот четверной запас топлива, на который я рассчитывала, когда мечтала о возвращении, ушел на всякие компенсационные меры, направленные на то, чтобы еще немножко пожить в этой Вселенной. Туда же ушел и запас, предназначенный для посадки. А приземлялись - прикапканивались - мы уже как-нибудь так...

Как получилось, в общем.

Межорбитальный челнок (под наименованием «Юркий-750», кстати) лежал на внутреннем пологом склоне небольшого кратера - вмятины прямо в потресканной, холмистой и каменистой поверхности железной планеты. Замер. Беспомощно и, надо думать, уже навсегда. Будет здесь еще один артефакт. Без меня, надеюсь. Должны же меня вытащить отсюда - не бросят ведь! Мама их убьёт!

Да и «Юрка» наш (ну, смердолетик, в смысле) успел автоматически несколько раз послать отчетливое SOS - сама проследила! - пока мы еще не... кхм, коснулись поверхности. Насчет того, как сейчас посылает - не знаю. Но связь, гипер, вроде как функционирует.

Хорошо еще, что и антизапотеватели на окнах тоже работают... На лобовом, например. Да некоторые камеры внешнего обзора, передающие изображение на дисплей панели управления. Хоть видно,

что за бортом творится. В косых лучах обогнувшего черную дыру тусклого, бессистемно пульсирующего света безатмосферную поверхность рассекали, помимо трещин, длинные непроглядные тени. Это делало загадочный, наклонный - в условиях нецентральной за счет притяжения дыр гравитации - ландшафт совсем уж каким-то потусторонним... Зловещим. Мерцающие клочки света в паутине мрака...

Или - мерцающая паутина света во мраке.

Я прям поэтесса, блин...

- Так, ну что мы сидим?! - вдруг сказала я, резко встав с кресла и опершись руками в пульт управления. Склиф, как мне показалось, вздрогнул. - Уже десять минут прошло - почти, а меня так никто еще и не домогается. Сбегаем-ка мы пока за вымпелом. Пока они там растормозятся...

- М-м-м! - ответил робот.

Это наверняка означало: «Только через мой труп!».

Я таки отключила ему речь. Достал! Только мы сюда сели, так его прямо как заклинило. Заладил без перерыва и с монотонностью зависшего автомата: «Я же говорил. Я же говорил. Я же говорил...». А что говорил-то?! Очень даже прилично мы сюда... прибыли. Посмотрела бы я на кого другого на моем месте! Небось давно бы уже к сингулярности в черной дыре привыкал. В дифференцированном на кварки состоянии.

Впрочем, конечно, его можно понять. С такой хозяйкой, как я...

Ну так что ж теперь? Зависать, что ли? Разумеется, андройды давно, уже лет пятьсот, никакими зависаниями не страдают. Зато у них на спине есть ряд точек, определенные комбинации нажатий которых отключают разные их функции. Для экономии энергии. Я у своих новых личных андроидов сразу определяю комбинации, отключающие их речь.

Для экономии нервов.

- Что «м-м»?! Когда за нами прилетят, там уже и разговора не будет ни о каких вымпелах. В наручники и - на сто первую астрономическую единицу! Получится, зря мы сюда щемились, катерок симпатичный угробили, кучу другого народу опасности подвергли...

Ну, про сто первую астрономическую единицу это я, конечно, так сказала - для красного словца. Склиф мой юмор давно понимал. Изначально еще внес в Личный реестр.

- М-м-м-у! - замахал руками он.

А это, конечно же, должно было означать следующее: «Новый неизведанный и неоттестированный маршрут! И речи не может быть о том, чтобы сразу идти по нему. Пешком! Без предварительной разведки орбитальными зондами и зондами-планетоходами!...».

Я его, зануду, и без включенного речевого аппарата насквозь вижу.

- Тем более что, - размышляла я вслух, не обращая внимания на его аргументы, - черная дыра скоро сойдет с Млечного Пути и не будет даже этого освещения. Придется пользоваться фонарями скафандров.

- Ы-ы-ы... - протестовал андроид, указывая на панель гиперсвязи.

- На автоответчике сообщение оставят, - съехидничала я. - В скафандрах связь тоже есть. Что за тупые отговорки!

...Черная дыра - та, которая ближе к Капкану, - заглядывала в лобовое окно темным маленьким диском, нижний край которого скрывался за пологими холмами. Она распознавалась в звездном небе только потому, что проецировалась на клочковатый туман Млечного Пути и была окружена белым мерцающим, отливающим разными цветами ореолом неправильной формы с яркими дугами в нем. Этот ореол - сконцентрированный да усиленный гравитационной линзой свет далеких звезд - и освещал поверхность планетки призрачно и неясно.

Здесь, казалось, даже физически ощущалось искривление пространства черной дырой. Ведь звездные дуги в ореоле, концентрирующиеся к темному диску, создавали зрительное впечатление, что дыра прогибает своим весом плоскую ткань самого излучения.

И где-то в центре этого круга тьмы, естественно невидимая, - сингулярность. Сколлапсировавшая, сжавшаяся практически в точку, огромная масса. Состояние вещества и излучения, в котором вообще уже не работают привычные нам законы физики, пространство имеет неопределенное количество измерений и останавливается время. Вот эта черная точка и разрывает, крошит в кварки, втягивает в себя всё, что оказалось поблизости - в пределах достижения ее драконовской гравитации. Будь то звезда, планета или космический корабль...

Даже сам свет.

Самый злобный во Вселенной карлик, как говорит наша физичка.

* * *

Правда, наша физичка временами еще добавляла, что, мол, и у тебя, Касс, поведение временами бывает не лучше. Сейчас с ней и Склиф был бы, наверное, согласен.

Черная дыра уже часа три как сошла с богатого звездного поля Млечного Пути, погрузив этот мир в крошечную тьму: эффект гравитационной линзы иссяк. Нет вокруг неё ореола из сконцентрированного света звезд - невидима и она сама, влившись в межзвездную темень. Капкан выдавал свое присутствие в этой Вселенной только зияющим провалом, вырезающим в звездном множестве всю нижнюю полусферу, да давящей задницу твердой поверхностью.

Я потушила, экономии ради, фонари своего скафандра. Пока мы тут «отдыхаем». Привал, как говорит наш кибернетик, и перезагрузка. Фонари скафандра Склифа сами погасли. Вон он - лежит рядом. Вибрирует. Живой, значит. Личных андроидов не так уж и просто завалить. Телохранители. Во всяком случае, это одна из их функций. Ничего, сейчас перезагрузится.

Минут через десять.

После жары нашего убежища на Капкане прохлада скафандра мне показалась блаженством. До нашей цели, судя по триангуляционной навигации и моим грубым прикидкам, оставалось уже километра три-четыре топать всего. И тут моего Склифа как жажнет вдруг что-то! Не иначе током. Под пробой какой-то попал. Так, с ходу, и не въедешь. Сканирование нужно. Он же ведь, зануда, отключил свое супер-пупер-видение. Для экономии энергии. А что на этой мертвой во всех смыслах планете может быть?! Один раз глянул вокруг, убедился - чисто, мол, - и пошли! Но Капкан - он, видать, оправдывает свое название по всем статьям. Те, кто эту планетку так называл, даже не подозревали насколько. Хорошо еще, что он, этот мой телохранитель, впереди шел... Приложи так меня, я бы наверняка до-олго «перегружалась».

Если вообще перегрузилась бы.

И, главное, вполне бравенько ж мы сюда добрались! Пятнадцать километров «неизведанного и неоттестированного маршрута по неизведанной и неоттестированной планете»! За четыре часа! Для неразведанного небесного тела, тем более такого, как Капкан, это спринтерские темпы. За такое не глядя «отлично» ставят по ориентированию и косморазведке. Ну, кое-где мы, конечно, перелетали на реактивных движках скафандров особо глубокие и широкие трещины, на кое-каких горных перевалах использовали и гравитационные приводы... Но в основном давали пешака. В целях экономии. Скафандры-то у нас тяжелые, но не потому, что в них тяжело, а потому что как раз легко - они автоматически многократно увеличивают усилие мышц. Чем и чрезвычайно всё облегчают. Их используют на планетах и с двойной, и с тройной тяжестью... Опять же не спрашивайте меня, откуда у нас здесь эти скафандры. Экипажу межзвездного корабля «Желанный остов» совершенно не обязательно было знать, что мы захватываем с собой малюсенькую часть их экипировки...

- Что это было? - сказал вдруг Склиф. Перезагрузился, значит.

Разумеется, перед выходом на маршрут я вернула ему дар речи: я не совсем уже раненая. Только поставила в его Запрещенный список слова «нельзя», «нецелесообразно» и «я же говорил». А также следующий набор слов: «согласно актуальным нормам космоплавания».

«Осторожно!» пусть говорит, сколько ему влезет. На то он и телохранитель.

- Это и я очень хотела бы знать. Всеволновое видение свое включи!

Но он и без моего напоминания уже оглядывался вокруг, сканируя обстановку. Очень скоро выяснилось, что это был именно электрический пробой - Склиф послужил проводником между сторонами одной трещинки в коре, через которую переступал.

Капкан-то - железная планета. Ну, не абсолютно железная, разумеется, некоторая примесь каменных пород присутствует, не без этого. Стало быть, ее осевое вращение, хоть оно и медленное, почти синхронизированное с движением вокруг нее черных дыр, означает и глобальный ток свободных электронов в ее теле. Который и создает магнитное поле планеты. Магнитное поле планеты, в свою очередь, индуцирует в ней электрические токи... Именно эти индукционные токи, натываясь на приливные трещины, которыми притяжение близких гравитационных монстров буквально исполосовало поверхность, могут создавать довольно-таки неслабую разность потенциалов - напряжение - между их краями. Ведь никаких атмосферных пробоев - типа молний - на Капкане быть не может по причине простого отсутствия атмосферы. Была, наверное, когда-то (когда вместо черных дыр были еще звезды) да сплыла...

В общем, заковыристый взаимосвязанный физический механизм...

Практическое значение которого для нас сводится к тому, что эти электрические напряжения между сторонами трещин только и ждут какого-нибудь проводника, чтобы через него разрядиться. А тут - Склиф. Я эти ловушки так и назвала «перегружалками». В честь их первооткрывателя.

- Большая удача, что мы раньше в них не попадали, - заключил Склиф. - Мы же в основном перепрыгивали трещины или перелетали, а не переступали.

- В удачу верят неудачники, - ответила я. И добавила, поднимаясь на ноги: - Ладно, понятно. Еще сюрпризы намечаются?

- Пока не вижу.

- Ну, тогда - вперед. Привал закончен. И когда они наметятся, я бы хотела знать о них еще до твоих перезагрузок.

- Я бы тоже этого хотел, - буркнул андроид.

* * *

До места, еще через час, мы добрались уже без особых приключений. Один только раз, при крутом спуске в очередной каньон (очевидно, когда-то проторенный лавой), Склиф сказал «Осторожно!» и продвинулся на несколько шагов вперед. Потом мы обошли это место.

Здесь просто оказался выход каких-то сильно «фонящих» - радиоактивных - магнетиков.

- Не понимаю, а чего нас, собственно, не ищут? - вдруг вспомнила я с недоумением, перепрыгивая очередную расщелину. - До сих пор не заметили нашего отсутствия? Что-то слабо верится... На связь хоть бы вышли, что ли, о здоровье справились... Где весь народ-то?! Есть какие-то соображения на этот счет?

Склиф не сразу ответил. Видимо, старательно строил фразы - в обход запрещенных слов.

- Точной информации по данной проблеме не имею. Предположения озвучивать не вижу смысла, так как самое оптимистическое и примитивное из них: «Готовят операцию спасения».

Ну и правильно. Не озвучивай. Оптимизм, как говорится, есть недостаток информации. Роботы этим недостатком не страдают. Не можешь сказать ничего обнадеживающего, лучше вообще молчи. Потому что ко мне не на шутку начинала уже подкатывать тревога. И самый банальный паскудный страх. До сих пор для меня все это было игрой... Я не сомневалась: меня спасут.

Собственно, я и сейчас в этом не сомневалась. По крайней мере, попытку предпримут. Но что-то пошло не так. Так долго не выходить на связь... даже весточки никакой не дать... Быть такого не может! До сих пор не заметили недостаток моей скромной персоны? Ломают голову, куда я делась? Чушь! Просто смешно! Угадайте, как говорится, с трех раз, куда здесь можно деться! С трех, потому что есть три места «посадки»: Капкан и две черные дыры. Даже угадывать не надо! Тупо просканировать пространство в режиме поиска - и все дела.

С другой стороны, мы, конечно, ловко улизнули... Незаметно. Вдруг и вправду - не обратили внимания? Улетели. Только потом разберутся, когда будут вручать обратно родителям. Через декаду... В конце концов, пять тысяч отдыхающих на борту. За всеми не уследишь... Ага, как же! Общий персональный киберучет каждые два часа да пересчет всего поголовья пассажиров перед каждым стартом к следующей цели. Шансы потеряться - нулевые!

Опять же: а наш сигнал бедствия? Да его не то что на «Желанном острове» - во всех точках Галактики примут! На то это и гиперсвязь, да еще и SOS.

По всем параметрам меня должны были бы уже выловить (хотя бы дистанционно) и войти в контакт.

В общем, я отбросила свой дедуктивный метод, который только всё портил.

Так, а сколько у нас воздуха? Ну, у меня в скафандре еще на семь часов осталось плюс вдвое больше (полный то есть) в скафандре у Склифа - ему-то воздух не особенно нужен... Ну, и едой-водой они, понятно, заправлены... Хорошие скафандры, в общем. Да в

смердолетике нашем изувеченном, как я уже говорила, двадцать пять часов можно дышать не через раз. Грубая арифметика дает, что на все про все у спасателей есть сорок шесть часов. Потом... Сейчас лучше не думать о столь отдаленном будущем. Больше воздуха сэкономится.

Было со мной здесь, в конце концов, и мое личное мобильное средство связи (мобильчик). Но оно, понятно, сдохло: с провайдерами тут, знаете ли, у черных дыр, проблемы.

Эх, хорошо, что я вышла «на прогулку»! За вымпелом. В смердолетике том я бы точно умом тронулась. Мне сейчас не столько вымпел этот, будь он неладен, нужен, сколько «выгул».

Ну, вот мы, кажись, и пришли...

С последнего на нашем пути холма открылся наконец вид, кхм, на вымпел. Это только с расстояния миллиарда с гаком километров *оно* выглядело блестящей - пусть и при нехилом увеличении бортовых телескопов. Я-то думала: ну, мало ли - хорошо отбивает свет звезд...

А так - смотреть не на что. В карман, может, влезет... Ну, или, на худой конец, в ящик какой... Ага, щас! Нет, свет-то звезд оно отбивает не просто хорошо, оно его еще и усиливает!.. Как потом выяснилось... Но! Дело было как раз совсем не в этом.

Гид ведь, корабельный экскурсовод, скотина ленивая, так и не сказал, какие, собственно, размеры у этого вымпелка. И форма. Определенные зондом. Тем самым, который потом в черную дыру «ссыпался». Впрочем, может, тот их и определить толком не успел - халтура был, а не зонд?.. Но ведь факт, что это - вымпел исчезнувшей бородавочной расы, он определил!

Тьфу! - опять меня в дедукцию какую-то сносит. Да какая, на фиг, разница!

Короче, в «дальнем свете» фар наших скафандров на каменистой равнине открылось нечто, что никак не влезет в наш смердолетик. Скорее, смердолетик с головой спрячется в *этом*. Под чем, казалось, и равнина прогнулась.

- Та-ак, - прокомментировала я, рассматривая вымпел в бинокль скафандра, - *это*, значит, походу, - модель Вселенной. Когда ей была где-то треть ее теперешнего возраста. Видишь, расстояние между галактиками и их скоплениями. Как думаешь?

- Да, пожалуй, - ответил Склиф озабоченно. Его особенно смущало множество трещин и трещинок, окружающих артефакт. - Подходить будем?

Ну вот ведь зануда! Нет, обратно пойдём.

- Будем, будем, - сказала я с ехидцей. - Маршрут проложим. Аккуратненько, меж трещинками... Авось никого и не перезагрузит.

Я так думаю, по-настоящему страшно мне будет много после. Дома. Когда от мамы влетит. Я по-прежнему не сомневалась, что меня вытащат...

* * *

- Летят, значит, две черные дыры, - вдруг сказал Склиф. - И одна другой говорит: «Спорим, я чернее». А та ей: «С блондинками не спорю».

А ведь мы почти прошли. Нет, мы, конечно, могли бы и перелететь эти все трещины. Полправнины. Но сколько бы горючки ушло!.. И не факт, что это спасло бы. Все равно мог бы нарваться. Склиф наступил-таки на какую-то последнюю, тоненькую, коварно изогнувшуюся под ногами «перегрузалку». Но не отключился и не перегрузился - успел блок поставить. Однако мозги ему электрический разряд все равно слегка прочистил.

- Отставить плоские анекдоты! - скомандовала я.

- Ой, извиняюсь, - смутился робот. - Центр развлечений открылся.

Ну, и как теперь мне их, ловушки эти, прикажете называть - «анекдотницами», что ли?

- Слушай, Касс, а почему бы нам эти ловушки не замыкать камешками, кидая их вперед, а не мной?

- О, точно! - дошло до меня. - И чего ж ты раньше не озвучил сию гениальную мысль, дубина железная?!

- Я думал, ты знаешь.

- Ну, запиши и этот анекдот в свой Центр развлечений. Потом посмеемся.

Однако шутки в сторону. Собственно, мы уже стояли у вымпела. Задрав кверху головы.

Это даже не нужно было освещать фонарями наших скафандров. Ювелирно сработанные жемчужинки галактик и их скопления призрачно светились сами, отражая, преломляя и «дорабатывая» свет настоящих звезд. Между собой они были соединены тончайшими, едва заметными нитями из того же материала. Сверхпрочного - не то слово: эти соединения не то что порвать, разрезать, даже чуть погнуть невозможно было. Склиф пробовал. По его определению, материал оказался специфическим видом кваркового алмаза со свойствами оптических трубок.

С полчаса мы потратили на простой обход этого экспоната, бросая перед собой камешки. Ячеистая структура Вселенной диаметром под сто метров! Огромный ком причудливых переплетений галактик и их скоплений, гроздьями нависавших над нами, которые перемежались протяженными пустотами. Эта грандиозная точнейшая копия нашего Мироздания, выполненная нано-, пикотехнологиями неведомой расы, выглядела просто... ну, сами понимаете как. Не хочу выражаться штампами. И просто - выражаться. И весил этот вымпелок нехило. По

нашим грубым прикидкам, с полкилотонны где-то. Не унесешь в кармане, в общем.

Нет, я, конечно, примерно знала, как выглядят вымпелы бородавочной палеорасы Жо. Да и моделями Вселенной всякими меня не удивишь - у нас они в каждом детском саду стоят. Я только не знала точно, каких эти вымпелы могут быть размеров. Что это, собственно, за раса с таким странным названием и какие такие у нее там бородавки, тоже толком никто не знал. Содержалась в Мемориальном реестре Трас-фонда, и все.

Только под конец нашего обхода я заметила в этой паутине явно выделяющуюся красным нить. Она начиналась где-то в глубине экспоната, проходила через несколько галактик и заканчивалась снаружи, так сказать, на врезке. О «врезке» разговор отдельный. Собственно, это была вынесенная за модель Вселенной точная увеличенная копия уже нашей Галактики. Красная нить вторгалась в нее и заканчивалась на одном из спиральных рукавов. Думаю, не надо родиться гением, чтобы предположить, что это была траектория движения их корабля в тогдашней Вселенной. Впрочем, это тоже всего лишь гипотеза...

- А скажите-ка мне, дети, - обратилась я к аудитории, состоящей из Склифа, - есть ли у нас в комплекте нечто вроде плазменной пилы?

- Не возьмет это никакая пила, - заверил Склиф и уточнил: - Никакая ручная, походная.

- Так, и что же нам делать? - вздохнула я, упершись рукой в артефакт.

- Ни с чем уходить?

- Я все записал на видео.

- Видео! - фыркнула я.

И тут произошло наконец нечто...

* * *

- Маркеры вызывают, маркеры вызывают, - слышался в наушниках новый незнакомый голос.

Маркеры? Какие еще маркеры? Поначалу я ничего не поняла:

- Ну, наконец-то! Я уж думала, вы про меня забыли.

Некоторое время в наушниках было тихо. Потом голос сказал:

- Э-э-э, вы, Касс, очевидно, приняли нас за спасателей? Это не совсем так. Наш представитель сейчас покажется.

Перед нами возник человек в аккуратненьком костюме межзвездного дипломата. Разумеется, голограмма.

- Как вы понимаете, - сказал человек, - мы избрали оптимальный для данной ситуации облик. Который будет минимальной помехой в нашем общении. Да вы присядьте пока на холмик, присядьте.

Оказалось, это были нюнси (или мюнси, не поняла). Дружественная

нам раса, входящая в состав МАР - Метагалактической Ассоциации Разума. Именно эти ее представители - маркеры, потому что «маркируют» планеты. Ну, работа у них такая. А тут - я, на отмаркированной уже ими планете и полностью готовой для... (вот тут мне точно нужно было сесть) перемещения в другую часть Вселенной. А что! - для опытов каких-то в каком-нибудь ихнем институте. Или просто богатенький представитель какой-то могучей расы захотел сделать подарок на день рождения своему ребенку... Пусть, мол, пока поиграется железным шариком, ядрышком планеты-гиганта. Пока до звезд дорастет... Обыкновенный быт сверхцивилизаций.

Что? Галактическая достопримечательность, говорите? Вымпел какой-то? Ну, не будет у нас больше галактической достопримечательности. Подумаешь! Одной достопримечательностью больше, одной меньше. Моя мама, кстати, им за это только спасибо скажет.

Естественно, когда маркеры увидели на поверхности назначенной к трансферу планеты посторонний объект, да еще и одушевленный, они немедленно поставили на паузу все операции. Которые, кстати, были уже на последней стадии.

- Разумеется, - объяснял маркер, - дело вовсе не в том, что мы не могли бы вас отправить обратно домой с того места Вселенной, куда транспортировали планету. Как вы, очевидно, понимаете, для нас это не составило бы труда. Просто... наша технология перемещения имеет один нюанс. Километровый поверхностный слой перемещаемого объекта полностью фотонизируется - переходит в жесткое гамма-излучение. - Тут я судорожно сглотнула. - Естественно, мы все приостановили, когда вас увидели. И теперь, учитывая, что у нас уже все готово и время поджимает, для вас существуют два решения. Первое, самое быстрое: транслировать вас в другое тело. Скажем, из того же Трас-фонда. Юридически мы, конечно, все уладим...

Ну, спасибо. Благодетели мои межгалактические! А ничего, что меня мое тело очень даже устраивает? Восемнадцать лет, как говорится, к нему привыкала. И теперь что? Шастать по телам напрокат? Понятно, что для них в этом - ничего особенного. Некоторые цивилизации вообще так и живут, не имея постоянных тел. А я... Хватит, что у меня с умом - неопределенность.

Опять же как я, интересно, к маме явлюсь? «Здравствуйте, я ваша дочь!» Или сын. Юридически они все устроят! Да уж конечно, с паспортом у меня наверняка никаких проблем не возникнет!..

- А как же мой андроид? - спросила я.

- В смысле? - не понял маркер. У него, очевидно, и в мыслях не было такого вопроса.

- Он мой друг, и я его здесь не брошу, - последовало мое короткое пояснение.

Склиф посмотрел на меня как на совсем уже умалишенную.

- Ты что, Касс, - сказал он. - У тебя же дома сохранена моя копия. Соглашайся!

Я только отмахнулась:

- То копия, а то - друг. Мне не нужны никакие копии. Давайте второй вариант.

Не знаю, что он, этот «нюнси», обо мне подумал. К телу своему, мол, привязана, как дура, так еще и к роботу!

- Собственно, второй вариант, - начал он, - я могу озвучить только теоретически: боюсь, у нас на него, как мы говорили, уже нет времени. Мы бы могли предоставить вам и обучить вас некоторым нашим несложным технологиям с тем, чтобы вы смогли проникнуть на подземный уровень более одного километра и создать там временную жизненную сферу, вроде объема в теле планеты.

Времени у них нет! Миллиарды лет Капкан здесь висит - не повисит еще часа два-три?!

- Или этот, второй вариант, - сказала я свое последнее слово, - или никакой.

Пусть попробуют меня насильно в другое тело совать, я им такое устрою!.. Никто не имеет права трогать твое это... как его? - Неделимое Это, кажется, - и без твоего согласия «перегружать» его в другое тело. Это приравнивается к убийству. Я законы знаю.

«Человек» постоял, подумал, поперебирал пальцами и сказал:

- Ну, как хотите.

И исчез.

- Что ты наделала, Касс? - запричитал Склиф. - Что ты наделала!..

- Молчи, железо, - наставительно сказала я. - И считай до десяти.

Я, знаете ли, не зря была дочерью сотрудницы дипломатического ведомства. Кое-что да понимала. В контактах межгалактического рода... Так оставить меня они тут не могут: это будет просто убийство представителя дружественной расы. Межгалактический скандал, и все такое. Незаметно-то это пройти не может, они ж не преступники. Наши искать меня по-любому будут... Да и темнят что-то эти маркеры. Подготавливать к переброске планету и не заметить, что на нее что-то постороннее валится? И не метеорит, между прочим, - искусственный высокотехнологичный объект.

В общем, Склиф успел досчитать до шести.

- Ваша взяла, - появился голос в наушниках. - Сейчас вам будут спущены пятьдесят Тензорников. И инструкция к ним. На вашем языке.

* * *

- Не будь занудой, Склиф, - говорила я, когда мы втыкали в грунт по

периметру вокруг вымпела приземистые стержни Тензорников. - Мы с маркерами договаривались, а не с инструкциями к их технологиям. Им-то важно, чтобы мы свалили куда-нибудь с поверхности, так? Какая им разница, куда мы, собственно, уберемся - вниз или вверх, к своим! Они нам только спасибо скажут: избавим их от необходимости трансферить потом нас обратно домой. Через пол-Вселенной.

Ну, и этот свой трофей я, знаете ли, ни за что уже тут не оставлю - коль представилась такая возможность!

Мало ли что в инструкции к Позитронным Тензорникам сказано, устройство, мол, предназначено для гипербурения. Что они, эти Тензорники, создают в области между собой так называемую «Мягкую Твердь», «Холодную Магму» - называйте, как хотите, - в которую и проваливается (транспортируется) промаркированный объект на выбранную глубину. С созданием там для него этой самой Сферы Обитания - определенного объема в теле планеты с нужными для жизни параметрами. Не спрашивайте меня, как они это делают! - я такого (тогда) еще не проходила. Склиф, может, проходил... Я лишь могу прикинуть, какой тут порядок энергии! Но в инструкциях же этих не сказано, что вы как «промаркированный объект» обязаны только сквозь землю проваливаться, а не... в противоположную сторону, в общем. А что не запрещено...

Полярность только поменять - и все.

Тоже мне - супер-пупер-технологии Чужих!

- Не запрещено ли? - сомневался Склиф. - Может, все-таки спросим у них?

Я воткнула в реголит последний у этого «объекта», двадцать пятый, Тензорник. Он заморгал габаритными огоньками. Как тот наш косморобус. Неизвестно куда девшийся. Отмахнулась...

- А если они заметят? - не унимался робот. - Что ты им скажешь?

- Правду скажу! Заметят... Где они были, когда мы чуть в дыру не ссыпались, совершая здесь посадку?! Спасители... Ладно, кончай болтать. Идем обратно - на «Юрку».

На обратный, можно сказать, проторенный путь к нашей «опорной станции» у нас ушло гораздо меньше времени - мы то и дело помогали себе движками скафандров. Тем более что черная дыра опять осветила ландшафт призрачным преломленным светом, заслонив собой звездное скопление - близкую карликовую галактику, один из спутников нашей. И уже часа через четыре вокруг смердолетика замигала гирлянда натыканых в Капкан Тензорников.

Перед входом в шлюз челнока я в очередной, последний раз оглядела звездное небо в виртуальный бинокль скафандра. Никаких признаков «Желанного остова» с его мерцающими маяками. Непонятно, куда они делись... Я терялась в догадках. Не иначе дело рук - или что там у них? - маркеров. Сигнальнули нашим, сваливайте, мол, пока вас импульс

сверхжесткого гамма не приложил, а о вашем представителе с неудовлетворительным поведением мы уж как-нибудь сами позаботимся. Болтаются небось теперь где-то на далекой безопасной орбите... И те, и другие. Я не экзопсихолог, чтобы угадывать логику и мотивацию внеземниевского разума.

О, как я ошибалась в этих своих оптимистических предположениях. Кто ж знал, что энергия, необходимая для создания Сферы Обитания в недрах планеты, найдет себе такой выход!..

* * *

Я даже толчка толком не почувствовала. Несмотря на то что опять сидела почти голая в тропическом климате смердолетика (могли бы, между прочим, хоть климатическую установку мне отладить - планеты они перебрасывают!).

Вокруг опять были только звезды. Да артефакт неподалеку оборачивался в вакууме. Никаких черных дыр и Капкана поблизости. Кажется, сработало. Но однако же и косморобуса нигде не было. И Чужих... Никаких признаков жизни. Связь и подпространственный радар показывали: мы одни в этой системе из двух черных дыр и одной планеты.

- Ну что опять за хрень? - в отчаянии воскликнула я. - Где все?!

- Касс, посмотри сюда, - сказал Склиф, указывая на панель звездной навигации. А именно - на координаты звезд.

У меня снова глюки или его голос действительно какой-то не его? Я посмотрела на координаты звезд и сглотнула. Они... не совпадали с их современными координатами, введенными в навигацию. На какие-то ничтожные миллисекунды, но далекие звезды были сдвинуты со своих привычных положений.

- Координаты соответствуют положениям звезд двухлетней давности, - прокомментировал все и сразу калькулирующий Склиф.

- И это значит, - заключила я с наигранным оптимизмом, - что мы только что совершили захватывающее путешествие в прошлое!

Так... Приплыли. Это чудо инопланетных технологий потратило избыток своей заковыристой энергии на перемещение нас во времени. А что?! Вы ж не захотели строить сферу обитания в недрах планеты! Посмотрите тогда на прошлое!

Ну, и что теперь прикажете делать? Здравс-сте, я из будущего?

Ничего себе выпускной...

Но я, знаете ли, - не зря дочь звездного сейсмолога. Мое оцепенение длилось недолго.

- А скажите-ка мне, дети, - опять обратилась я к одноандроидной аудитории, - в какой системе мы находимся?

- Система РКТ-9356 по сводному каталогу MAP, - отапортовал Склиф, - состоящая из двух черных дыр массами три с половиной и три целых четверых десятых солнечных и железной планеты Капкан, массой...

- Достаточно, - прервала я. - Ключевые слова: черные дыры. А что у нас происходит со временем, согласно релятивистской теории, в сильных гравитационных полях?

- Согласно релятивистской теории относительности, в сильном гравитационном поле время для внешнего наблюдателя останавливается...

Он не закончил свой исчерпывающий ответ. Догадался. О причине моих наводящих вопросов.

- ...вается, - закончила я.

Если бы роботы могли бледнеть... Ну, дальше вы знаете: он только отрицательно замотал головой.

- Есть другие предложения? - вкрадчиво поинтересовалась я. - Воздух и провизия у нас тут, между прочим, не бесконечные. А появляться в этом времени мы не можем: думаю, у тебя в памяти сохранены сведения о всяких там хронологических парадоксах, катаклизмах...

Короче, мой план был предельно «прост»: пролететь на достаточно близком расстоянии от черной дыры. Достаточно близком для того, чтобы ее поле тяготения перенесло нас на два года вперед. В наше время. А другого выхода все равно нет. Пролет сквозь черную дыру, можно сказать. Если играть на киношную публику.

Ну, артефакт мы, конечно, можем оставить - не таскать же его за собой?! Мы ж не совсем уже раненые (хоть и стукнутые, конечно). Что ему сделается тут за два года? Он и с места не сдвинется на этой орбите! Почти. Есть вероятность, разумеется, что найдут и упрут. Но я потом его разыщу, и пусть только попробуют не отдать! Убью! Уж теперь я этот мой девять тысяч шестисотый вымпел не выпущу - из-под земли достану.

Велела я, значит, Склифу рассчитать точное время до того, как сюда прибудет наш косморобус, ну и, соответственно, точное расстояние, на котором мы должны пройти от одной из черных дыр. Чтобы появиться после пролета - на другой ветви траектории - именно в том, *нашем*, времени. Побитые движки смердолетика Склифу, естественно, придется так-сяк починить. Ну, в смысле, нам придется. Горючка? Тут надо подумать... Из скафандров наскребем... может, и часть запасов воздуха придется пожертвовать на реактивный эффект. А что делать? Нужно же как-то направить эту калошу на курс истинный. И подтолкнуть еще. Иначе из этой затеи ничего не выйдет.

В этом, в общем-то, и состоял мой очевидный для каждого старшеклассника план. Умного, правда, старшеклассника.

Мне про такое, собственно, еще папа рассказывал, когда мы с ним отдыхали на привале, путешествуя по ночной стороне одной «горячей

суперземнии». Страшилки на ночь, так сказать. Это уже было на уровне баек... И в основном относилось к эпохе древних, медленных межзвездных перелетов. Ну, там - угодил звездолет к черной дыре или нейтронной звезде, и помощи ему ждать несколько лет. Так экипаж, чтоб сократить это время, берет да и проносит свой корабль в непосредственной близости от соответствующего компактного объекта... От черной дыры или нейтронной звезды, в смысле.

Но об этом я уж точно маме не скажу! Будет с нее на первый раз потрясений... А с меня - того, что я услышу ото всех по возвращении. О себе.

Не буду вам рассказывать, как и сколько мы клепали наш... космолет (кое-какой инструментарий и запаски мы с собой с косморобуса тоже прихватили - не салаги!) и какие выражения я при этом употребляла. Склиф не удивлялся и не обращал внимания: у него все эти слова давно были в Разрешенном (для меня!) списке. Может, он расскажет об этом когда-нибудь, перед переплавкой, в каких-то своих кибермемуарах.

Стартанули, в общем. К черной дыре, не при слабонервных будет сказано. Горючки хватило на нужный импульс. На его направление и силу. Он, кстати, благодаря нашему приличному расстоянию до тяготеющего центра, оказался нужен не таким уж и сильным: три тысячи километров в секунду всего - одна сотая «цэ». Как все-таки хорошо, что мы на Капкане не слишком газовали в своих скафандрах! Я как чувствовала, что горючка нам еще может пригодиться.

А точность наведения по координатам... тут уж ничего не поделаешь! Ну, «вынырнем» мы в нашем времени с погрешностью в плюс-минус десять часов. Особой катастрофы я в этом не видела: вынырнем раньше прибытия наших к Капкану, там подождем их (дополнительно выждав еще, пока «тогдашние мы» не слиняем с лайнера - уж придется зашифроваться как-нибудь, чтоб нас не выловили!). А явимся позже - SOS дадим и вся недолга. И подождем спасателей. Уж в открытом-то космосе им не в напряг забрать и меня, и мой вымпел.

Если он еще там будет.

Не спрашивайте меня, как я пережила наше двадцатичасовое «падение» на черную дыру... В зеркало на себя красивую смотрела. Поспать умудрилась пару часиков.

«Давай вернемся» Склифу и в Запрещенный список не надо было ставить. Не могли мы уже никуда вернуться - баки горючего опустели окончательно и бесповоротно. Оставалось только ждать.

Ближайшую к звезде точку траектории называют периастром. А как называть ближайшую к черной дыре точку траектории, интересно? Перидыром, что ли?.. В «перидыре», короче, нас разогнало до субсветовой... Вся Вселенная, как и водится на такой скорости, сложилась за счет абберации в два пучка - фиолетовый по курсу

движения и красный сзади.

Красиво.

Стихийный проход сквозь пространство и время. Гиперкосм, так сказать.

Сейчас эти все стихии укрощены и названы подпространствами. Переход через которые, в отличие от пролета вблизи черной дыры, не затрагивает текущее время...

И совершил этот стихийный переход не какой-нибудь супер-пупер-звездолет - разбитый и клепаный прогулочный катерок. Который, как я полагала когда-то, навсегда останется на Капкане. Такое наверняка случилось в первый раз в истории космоплавания...

Это что же получается? Что всыпят мне вначале как следует, а потом, как ни крути, в учебники внесут?

Ну ничего себе выпускной!..

* * *

В нормальной Вселенной мы появились вовремя и в нужном месте. И визуально, и на радаре я видела неспешно дрейфующее в нашу сторону рукотворное звездное скопление косморобуса и стремительно отлетающую от него искорку. По направлению к Капкану отлетающую. Я выждала, пока эта искорка скроется из виду у железной планеты, и хотела уже было «семафорить». Однако связь ожила сама.

- Внимание всем пассажирам! - послышался голос связиста-администратора. - Мы получили штормовое предупреждение. В этой системе ожидается мощный гамма-импульс. Всем пассажирам немедленно вернуться на борт! Повторяю...

Для меня так и осталось загадкой, почему та я, у Капкана, не приняла это сообщение. Но сейчас, естественно, я была этому только рада. Убраться, значит, отсюда они намылились.

- Э-э-э, - сказала я в связь, - «Желанный остров», «Юркий-750» вызывает. Вернуться самостоятельно не могу. Имеются поломки. Требуется помощь.

- 750-й? - переспросил связист. - Что там у вас? Подождите, сейчас выйду на визуальный контакт.

После установления визуального контакта он только присвистнул, и из панели связи послышались приглушенные голоса: «Ничего себе, что можно было прогулочным катером делать?..».

- Кто на борту? - поинтересовался связист.

Идентификация моей личности многое прояснила.

- Вы бы включили видео, Касс, - предложили с косморобуса.

- Не могу, - ответила я. - Я не одета.

- В смысле?

- В смысле - голая, - исчерпывающе пояснила я. - Климатическая установка сломалась. Тут - плюс тридцать пять.

Связист коротко выдохнул (что, вероятно, должно было означать: проехали!) и подытожил:

- Ждите, высылаем тягач.

- Только высылайте тяжелый тягач, - сказала я и добавила: - Два. Пожалуйста.

- Это еще зачем? - насторожился связист.

- Ну... У меня тут еще вымпел бородавочной расы Жо рядом висит. В космосе. Размеры у него, э-э-э... нестандартные... Посмотрите сами - он в ста тысячах километров от меня, на четырнадцать часов.

Понятно, что они непременно заметили бы такой объект и сами, если бы только просканировали пространство на предмет астероидов. Которых в этой системе черных дыр нет.

* * *

...Через полтора часа гигантский пассажирский лайнер «Желанный остров» покинул этот район Галактики. Как раз тогда, когда я на Капкане ломала себе голову: куда это все подевались?! А еще через некоторое время, когда с железной планеты убралась и я, исчезла сама железная планета, вырвавшись из непреодолимых оков черных дыр. И полоснув по окружающему космосу несметным количеством гамма-квантов гиперядерной вспышки в несколько сотен миллиардов тераэлектрон-протон-протонного эквивалента.

* * *

Я стояла у стены-окна моей комнаты на третьем этаже нашего особняка на Земнии, внешне стилизованного под гигантский тропический куст, и, унимая стада мурашек, бегающих по спине при воспоминаниях о Капкане, смотрела на... вымпел бородавочной расы Жо. Покоящийся на одной из лужаек нашего частного участка - той, что видна из моего окна. Мы могли бы его «положить» и на другую лужайку, перед парадным подъездом. Но, во-первых, та лужайка была у нас отведена под стоянку и заполнена нашим домашним транспортом. Межпланетным в основном, планетный, местный, хранился у нас в подземных гаражах. Во-вторых же, и в-главных: мой «трофей» не был бы виден мне, когда я утром открываю глаза...

До чего красиво он переливается светом на утреннем солнце!..

Несмотря на все воспитательные и дисциплинарные меры, последовавшие в отношении меня, право на свой артефакт я все же

отстояла у всяких там институтов-академий. Попробовали бы они мне его не отдать! Ах, достойние человечества?! Да, уж теперь - конечно! Когда я сгоняла за этим достойнием туда, куда лезть был «никто не раненый». Во двор ко мне придет человечество в лице представителей институтов-академий с их супер-пупер-приборами и голографическими видеокамерами!

Человечество в лице представителей институтов-академий так подумало и, видимо, решило не «углублять» и не «усугублять». «Достойние» все равно где исследовать. Вон они - копошатся теперь со своими супер-пупер-приборами под моим вымпелом. Исследуют...

Мои объяснение с мамой (что там человечество!) - отдельная история. Очень длинная. Не буду пересказывать все, что я от нее услышала, но я ей клятвенно пообещала, что такого больше не повторится. Успокоилась она, в конце концов. Но без санкций все же не обошлось: пришлось декаду посидеть под «домашним арестом» - дальше Лены, спутника Земнии, запрещено было уходить. Все равно меня временно лишили водительских прав (только лифтом Туннель-перехода можно было пользоваться).

Ну, я и это время с пользой потратила. Артефакт мой туристам показывала. За деньги.

Система «Гость-оповещение» разнесла наконец по дому сигнал, что чей-то челнок коснулся нашей стоянки. А система «Свой - чужой» сообщила, чей это челнок. Ну наконец-то! У выхода из комнаты передо мной услужливо открылись двери просторного лифта. Но я его игнорировала: хотела пробежаться по лестнице. Точнее - съехать по перилам.

- Ну, здравствуй, далекий и редкий гость, - еще с лестницы услышала я шелест маминого голоса в прихожей.

Она, очевидно, находилась сейчас в его объятиях.

- Исправлюсь, - пообещал гость. - Буду бывать в гостях чаще.

И он рассмеялся.

- По геологической шкале времени? - уточнила мама.

- По звездному летосчислению я тут точно на микросекундочку. Но нам хватит...

- Папа! - закричала я и с ходу набросилась на него сзади. Мама едва успела отпрянуть.

Он как-то ловко перекрутил меня вокруг себя и тоже захватил в объятия.

- Встретились два одиночества, - прокомментировала мама.

- Я горжусь тобой, дочь! - хлопнул он меня по плечу после того, как оттискал. Мама подняла взгляд к потолку. - Наслышан уже о твоих подвигах.

Но потом он все-таки добавил:

- И все же ты больше так не делай. Черные дыры - это, знаешь ли,

даже не солнцетрясение: там хоть законы природы работают...

- Не буду, не буду, - заверила я. - Вымпелов-то у черных дыр уже нигде не предвидится.

- Ой ли? - скептически сказала мама и добавила: - Ладно, идемте обедать.

Пока мы усаживались за стол на террасе у парадного входа, папа все шутил, что бывал бы он дома чаще, если бы наше солнышко не было такое предсказуемое. Пульсирует немного, понимаешь, с точностью часового механизма - никакой тебе интриги!

Только мы уселись, как система оповещения известила нас о еще одном госте, спрашивающем разрешения на посещение наших владений.

- Не иначе на поесть все слетаются? - выдвинул гипотезу папа и громко рассмеялся.

* * *

Но гость не прилетел. К нашей террасе подъехало экстравагантное старомодное колесное авто. Ностальгия, что ли, чудака замучила? Решил по старинке прокатиться? Впрочем, не удивлюсь, если сейчас это авто поднимется в воздух, подберет колеса и отчалит. Из двери водителя вышел элегантный мужчина средних лет в строгом деловом костюме. Он сделал машине знак, она поднялась в воздух, подобрала колеса и улетела.

С появлением этого гостя у меня сразу внутри что-то ёкнуло. Приятно или нет - пока не могла понять. Настороженно, в общем. Он подошел к нам и по всем правилам хорошего тона сказал:

- Здравствуйте! Приятного аппетита и извините за беспокойство. Меня зовут... в общем, называйте меня - Арнодр Дезынтегронович. Пожалуй, это - наиболее близкое к вашей речи звучание моего имени. Я к вам вот по какому... м-м... делу... Весьма необычному... - По всему было видно, что он не знает, как начать, и старательно подбирает слова. И вовсе не потому, что плохо владеет нашим языком. - Простите меня и не считите за дерзость с моей стороны, но нам лучше присесть...

А это, в основном, относилось к маме. Гостю было предложено место у стола. От предложения отобедать с нами или хотя бы попить чего-нибудь, он вежливо отказался, сославшись на то, что не употребляет нашу - земниевскую - пищу.

- Собственно, у меня и облик сейчас только лишь наиболее подходящий для... данной ситуации. Итак, я к вам вот по какому поводу. Дело в том, что в последние несколько Золнов - по-вашему, периодов вступительных экзаменов - я вхожу в состав приемной комиссии Трас-Академии. В этом Золне планета, именовавшаяся у вас Капканом, не

совсем осмотрительно была включена в перечень наших полигонов для вступительного экзамена. Он состоял в том, чтобы абитуриент совершил посадку на подобную планету с использованием примитивного летательного аппарата, дошел по ней до опорного Вымпела - косморазведка и ориентирование - и провел его предварительное исследование. Также в задание входил первичный Контакт с иной расой с дипломатичным отстаиванием своих интересов. Черные дыры... - наш гость глубоко вздохнул. - Это оказалось слишком даже для Трас-Академии. Не часто у нас бывают такие промахи... Примерно раз в тысячу лет. На первом же экзамене произошла трагедия: погибли абитуриент и половина группы технического обеспечения. После этого на ученом совете Академии было принято решение перенести Капкан от черных дыр в такое же положение к нейтронным звездам. Нейтронные звезды, конечно, как вы сами понимаете, тоже не сахар, но... тут хотя бы с законами мироздания все определённо. Не как в случае черных дыр... В общем, у нас всё уже было готово для переброски, и тут - вы, Касс! Ну, мы, естественно, приостановили операцию, но вмешаться, не допустить посадку, уже не успевали! Оставалось только как следует организовать подстраховку. Вы, вероятно, уже догадались, Касс? Невольно, сами того не подозревая, вы сдали вступительный экзамен в нашу Трас-Академию! Причем первый и последний такой - самый опасный за всю ее историю. Мы просто потом, на совете Академии, долго решали, что с этим делать.

Понятно, что по мере того, как он это рассказывал, челюсти у нас отвисали все ниже. Особенно у мамы... О еде, конечно, никто и не вспомнил.

- Разумеется, - продолжал Арнодр Дезынтегронович, - очень большое значение на вступительных экзаменах придается нами также психологическим способностям управлять своими эмоциями - справляться со страхом, в частности. Надо признать, что и здесь вы, Касс, показали себя далеко не с худшей стороны. А то, знаете, некоторые наши абитуриенты, даже успешно сдав экзамены, вообще отказываются дальше проходить обучение в Академии. Забирают свои документы. Несмотря на то что заранее знают, на что идут. Про ваш, так сказать, «бонус» я уже и не говорю: довольно остроумно вы покинули планету, находчиво и прямо-таки смело сумели совершить межвременное перемещение из нежелательного для вас времени в настоящее...

Ну, мама - не Склиф... Она бледнеть умеет.

- Межвременное перемещение? - сглотнув, переспросила она и посмотрела на меня. - Есть еще что-то, чего я не знаю?

- Мам, ты только не волнуйся, - попросила я. - Я... это... тебе потом все объясню.

- Разумеется, ваша дочь обязательно вам все объяснит, - выразил уверенность Арнодр Дезынтегронович. - Потом, с вашего позволения. Теперь же, чтобы не тратить зря наше время, нам осталось кое-что прояснить. Собственно, формальности, но весьма существенные. Учитывая то, что вы, Касс, как я уже говорил, фактически сдали вступительный экзамен, но формально никакие документы нам не подавали, вам остается сейчас просто решить, будете ли вы учиться в Трас-Академии?

Я прямо чувствовала, как мои глаза сами начинают светиться, а губы - растягиваться в хищной улыбке. Мама умоляюще посмотрела на меня и отрицательно покачала головой. А папа незаметно показал мне поднятый вверх большой палец...

...Уже когда наш гость уходил, он как бы невзначай сказал:

- Да, а наш опорный Вымпел - это все-таки собственность Академии...
Надо бы вернуть.

Я сплела руки на груди и отвернулась. Он многозначительно посмотрел на маму - очевидно, как на представителя дипломатического ведомства.

Она сделала вид, что не заметила этого.

Так я попала в Трас-Академию.

А их «опорный Вымпел» остался у меня на лужайке. Мой 9600-й.

Видеодром

ХИТ СЕЗОНА

КАК ВАЖНО БЫТЬ НЕСЕРЬЕЗНЫМ

Брать известного режиссера в раскрученный мегапроект считается хорошим тоном. Даже стиль творца не совсем

соответствует задачам проекта. Но всегда ли это хорошо для зрителя?

Когда стало известно, что руководить проектом по созданию киноверсии популярного мультсериала станет индо-американец М.Найт Шьямалан, многие напряглись. Как может сочетаться психоделическая стилистика режиссера «Шестого чувства» и «Неуязвимого» с разбитной подростковой ушу-фэнтези? К тому же последние сольные проекты Шьямалана - «Девушка из воды» и «Знамение» - потерпели сокрушительное фиаско в прокате... Оптимисты возражали, что, во-первых, в нынешнем проекте Шьямалану придется работать с уже готовым миром, а во-вторых, не счесть примеров, когда режиссеры «с лицом» успешно работали над откровенно коммерческими продуктами.

Увы, стоит признать, что правы оказались пессимисты. Нет, с коммерческими составляющими в фильме Шьямалана «Повелитель стихий» все не так уж и плохо. Но вот сам фильм сильно проигрывает в сравнении с оригиналом.

История началась в 2005 году, когда на телеканале «Никельодеон» вышел первый сезон мультсериала «Аватар: Последний маг воздуха» (он же «Аватар: Легенда об Аанге»). Рейтинг был довольно высок и сериал продолжился еще двумя сезонами. Третий завершил все сюжетные линии двухчасовым финальным выпуском.

Продюсеры мультсериала Майкл Данте Димартино и Брайан Кониецко в поисках ниточки к сердцам юных зрителей нашли весьма интересный поворот: напрямую соединили магию с движениями из китайских единоборств и исполнили все это в стилистике анимеподобного мультфильма. Действие происходит в мире, где существуют четыре вида магии - Земли, Воздуха, Воды и Огня. В этом мире живут четыре расы людей, которые владеют одним из видов. Причем магические пассы каждого соответствуют одному из видов китайских единоборств. Равновесие в этом мире поддерживает Аватар - единственный маг, владеющий всеми четырьмя магиями и умеющий общаться с миром Духов. Аватар - это некий вариант Далай-ламы, ибо каждый раз перерождается в одного из юных магов какой-либо из рас. Сто лет назад новым Аватаром должен был стать двенадцатилетний маг Воздуха Аанг. Но он исчез, и на планете воцарился хаос - люди Огня пошли войной на остальные расы, в поисках Аанга полностью уничтожили магов Воздуха, частично захватили царство Земли, магов Воды оттеснили на полюса. На одном из полюсов двое подростков - брат и сестра Сокка и Катара - обнаруживают вмерзшего в лед Аанга и его летающего бизона. Они понимают, что этот мальчишка может спасти их мир от магов Огня, чья мощь усиливается с приближением кометы Созина. Но и люди Огня жаждут заполучить Аватара в свои

руки и направляют на поиски огромные железные суда.

За основу игровой экранизации Шьямалан взял первый сезон сериала. Точнее - несколько эпизодов, связку между которыми нам тупо пересказывают с экрана голосом Катары. В результате те, кто смотрел сериал, мучительно пытаются понять, почему взяты именно эти эпизоды. Те, кто не смотрел, - понять, что, собственно, происходит, ибо цельного впечатления фильм не производит - так, 3D-мелькание. Хотя стоит отметить, что мастерство режиссера «не пропьешь». Блестящие спецэффекты, великолепный музыкальный ряд, невероятные поединки в восточно-магическом стиле... Но главная ошибка Шьямалана даже не в том, что он ради расширения аудитории увеличил возраст некоторых персонажей, а в том, что он оказался слишком серьезен. Мультфильм полон комических моментов. Аанг в нем - обычный озорной мальчишка, любящий поиграть и постоянно влипающий в несуразные ситуации. Вызывают улыбку и попытки Сокки изображать отважного воина, и эксперименты Катары с магией Воды. В фильме же Аангу только тернового венца и креста на плечах недостает - он мессия с тяжким ярмом спасения мира, не способный улыбаться. Да и Сокка с Катарой - практически апостолы, а не два авантюрных подростка.

В результате веселый сериал вылился в эпический пафос. Пусть и завернутый в красивую обертку, но далеко не такую красивую, как у знаменитого фильма-почти-тезки: Джеймс Камерон, приступив к работе над «Аватаром», мудро оформил все права на название, и одноименный мультфильм на большом экране смог появиться только как «Последний маг Воздуха». Какие вихри бродили в головах у российских прокатчиков, когда они перевели титул как «Повелитель стихий», одному Аангу известно.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

ХИЩНИКИ

(PREDATORS)

Производство компаний Davis Entertainment, Troublemaker Studios и Twentieth Century Fox Film Corporation (США), 2010.

Режиссер Нимрод Антал.

В ролях: Эдриан Броуди, Тофер Грейс, Дэнни Трехо, Алиси Брага, Лоренс Фишбёрн, Дерек Мирс, Уолтон Гоггинс и др. 1 ч. 47 мин.

Женщина-снайпер из израильской армии, русский солдат с шестиствольным пулеметом, молчаливый киллер Якудзы, маньяк-убийца в тюремной робе, представитель мексиканского наркокартеля и загадочный наемник с огромным автоматом -- вся эта невеселая публика, способная убивать легко, быстро и много, внезапно сама становится объектом охоты. Каждого из них с парашютом сбрасывают в густые инопланетные джунгли, чтобы в конце концов затравить и убить...

Кинокомпанию «XX век Фокс» можно понять. Два крайне неудачных фильма подряд о войне Чужих и Хищников серьезно подпортили репутацию некогда популярной серии. А хоронить такого персонажа, как Хищник, было бы финансовым преступлением. Поэтому в 2009-м пыль со старого сценария Роберта Родригеса сдули и о новом фильме заговорили как о прямом продолжении «Хищника» 1987 года.

Увы, «Хищники» Нимрода Антала не стали спасением. Герои ведут себя неадекватно, нелогично, неизобретательно и способны всего на два действия: либо стрелять из всех орудий, либо бежать сломя голову. Бандиты и убийцы, которые вроде бы должны заботиться о своих шкурах, внезапно проявляют чудеса храбрости и даже жертвуют собой ради спасения команды. Главный персонаж Ройс обладает какой-то нечеловеческой интуицией, чем серьезно пугает выживших, а на вопрос «Откуда ты это знаешь?» или не отвечает, или произносит что-нибудь вроде «Я бы так сделал».

Сами Хищники со всеми своими технологиями и опытом не выглядят настоящими охотниками, как это было в оригинальном фильме. Они скучны и предсказуемы. А еще они гибнут. От автоматных очередей, взрыва гранат и ударов меча. При этом даже после финальных титров остаются открытыми два вопроса: где Хищники раздобыли столько парашютов и каким образом находили жертв для своей охоты на Земле?..

Алексей Старков

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

(THE SORCERER'S APPRENTICE)

Производство компаний Broken Road Productions, Jerry Bruckheimer Films и Walt Disney Pictures (США), 2010.

Режиссер Джон Тертелтауб.

В ролях: Николас Кейдж, Джей Барушель, Альфред Молина,

Моника Беллуччи, Тоби Кеббелл, Тереза Палмер.

1 ч. 51 мин.

Давным-давно Великий Мерлин заточил в матрешку злую колдунью Моргану. Сам волшебник при этом испустил дух, но успел дать наставление своему верному ученику Бальтазару, чтобы тот, пройдя сквозь века, нашел его преемника, способного окончательно уничтожить злую колдунью. Преемник по имени Дейв нашелся в наши дни, но оказался неудачником, которого больше интересуют физика и девушки, а не магия и приключения. Помимо всего прочего, именно Дейв случайно раскрыл матрешку, выпустив из нее одного из последователей Морганы - колдуна Максима Хорвата...

«Ученик чародея» - это очередная история о магах среди нас и их многовековом противостоянии. Однако, в отличие от «Гарри Поттера», не столь серьезная и мрачная. Но и рядом с «Перси Джексон» смотрится едва ли не интеллектуальной драмой. Некоторые просчеты картины (например, сумбурный пролог) простительны и не портят впечатления от просмотра. Первое, что поражает - это антураж, костюмы и повышенное внимание к мелочам: волшебные предметы, заклинания и магические ловушки сделаны с выдумкой и юмором. Второе - удивительно живые и характерные герои, которые говорят без всякого пафоса и то и дело шутят, причем действительно смешно. И наконец, продуманный, динамичный и интересный сюжет. В фильме нет ни одной сцены, где можно спокойно позевать, увлекшись ведерком с попкорном. Даже романтические моменты, обычно навевающие скуку, обыграны вполне изобретательно.

Часто бывает так, что о новом блокбастере и сказать-то нечего, нередко случается, что перечисление недостатков в общем-то неплохого фильма заняло бы добрую половину рецензии, и очень редко хочется призвать зрителя в кинотеатр или к домашнему видеосмотру

Невзирая на отдельные недостатки, картина Джона Тертелтауба - именно этот случай.

Степан Кайманов

МАШИНА ВРЕМЕНИ В ДЖАКУЗИ

(HOT TUB TIME MACHINE)

Производство компаний Metro-Goldwyn-Mayer, New Crime Productions и United Artists (США), 2010.

Режиссер Стив Пинк.

В ролях: Лиззи Каплан, Чеви Чейз, Роб Корддри, Джон Кьюсак,

Кларк Дьюк, Брендам Флетчер, Криспин Гловер и др.

1 ч. 40 мин.

Несколько хороших парней отправляются за город, в отель своей молодости, чтобы потряхнуть стариной, то есть напиться до чертиков, погонять на лыжах и поглазеть на девчонок. Увы, за долгие годы некогда прекрасный отель превратился в настоящую дыру, где каждый постоялец на счету, а в номерах нет даже захудалого телевизора. Но зато во дворе есть здоровенная ванна, похожая на звездные ворота и способная отправить кого угодно в прошлое на двадцать лет...

Тема путешествий во времени так часто поднималась в кинофантастике, что, кажется, придумать что-то по-настоящему интересное уже невозможно. Создатели «Машины времени в джакузи», видимо, понимали это с самого начала, поэтому даже не пытались хоть как-нибудь оригинально обыграть старинный сюжет. Стивен Пик действительно снял кино про машину времени, помещенную в джакузи. При этом само ее появление тоже отыграно без интриги и деталей. Еще пять минут назад в ржавом джакузи лежалдохлый енот, а теперь булькает и пенится вода, подсвеченная злобным желтым светом...

Герои же (а троим из них уже за сорок) не находят во всем этом ничего необычного. Вместо того чтобы с подозрением отнестись к «бесплатному сыру», они хватают все имеющиеся в наличии горячительные напитки и прыгают в загадочную ванну.

После этого фантастика превращается в обыкновенную молодежную комедию с шутками разной степени пошлости, тупости и глупости в антураже Америки восьмидесятых годов, где - о, какое несчастье! - все ходят в лосинах, а Майкл Джексон все еще черный. Словом, ничего необычного. Хотя чего еще ждать от фильма с названием «Машина времени в джакузи»?

Честное слово, лучше еще раз пересмотреть «Назад в будущее» или «Эффект бабочки». Положительных эмоций будет гораздо больше.

Степан Кайманов

герой экрана

ХОББИТ по имени ШОН

Автобиографию Шон Эстин выпустил, когда ему было лишь немногим за тридцать. И назвал «Снова Туда и Обратно». По аналогии с книгой автора, который хоть и заставил его на экране уменьшиться вдвое, но сделал мировой звездой.

Туда

Карьерой деятелей искусства движут разные силы. В случае с Эстином можно утверждать, что «ракетой-носителем» для него была семья. Она запустила его на орбиту, затем придала «звездное» ускорение и стала лейтмотивом творчества.

Даже с его рождением связана семейная тайна. Шон Патрик Эстин родился 25 февраля 1971 года в Санта-Монике. Его мать - известная в Соединенных Штатах актриса, обладательница «Оскара» Пэтти Дьюк. Собственно, новорожденного и звали Шон Дьюк. Но в 1972-м мать вышла замуж за актера и режиссера Джона Эстина. Он знаком и российским зрителям как исполнитель главной роли Гомеса в комедийном сериале 1960-х годов «Семейка Аддамс», том самом, который послужил основой для двух полнометражных фильмов начала 1990-х. Фамилию отчима Шон носит до сих пор. Иногда ее переводят как Остин, хотя она произносится все-таки через «э». Кстати, именно так, с ошибкой, и написали на новозеландских почтовых марках с изображением Эстина, посвященных «Властелину Колец». Что явно прибавило им ценности у филателистов.

Однако вернемся к семейной истории. Шон был уверен, что его настоящий отец - телевизионный актер Дези Арнас-младший, с которым мать встречалась до того, как познакомилась с Эстином. На этой почве он даже подружился с Арнасом. Каково же было их общее удивление, когда тест ДНК неопровержимо показал, что биологическим отцом Шона является бывший муж его матери, писатель Майкл Телл! Их брак просуществовал всего две недели и позже был признан недействительным. Впрочем, Голливуд, где отношения редко бывают долговечными, привык и не к такому. И нет худа без добра: теперь Шон называет отцами сразу четверых человек. Включая и своего второго

отчима, ставшего мужем Пэтти Дьюк уже после развода с Эстином и пребывающего в этом статусе по сей день. Какой сценарист мог бы такое придумать?

Что касается семейного положения самого Шона, то он женился еще в 21 год, выступил вместе с женой продюсером одного из своих фильмов и до сих пор с ней не расстается, воспитывая троих детей.

Неудивительно, что на съемочную площадку Шон Эстин вышел благодаря своей семье. С юных лет он начал посещать кастинги. А в девятилетнем возрасте сыграл вместе с Пэтти Дьюк в телевизионной драме «Мама, пожалуйста, не бей меня» (1981). Уже через четыре года состоялся и дебют на большом экране. Стивен Спилберг лично отобрал его на главную роль в блокбастере Ричарда Доннера «Балбесы», который сам придумал и спродюсировал. Сценарий написал тогда еще не успевший прославиться в режиссуре Крис Коламбус.

«Балбесы» (есть несколько вариантов перевода названия на русский язык, и этот - канонический «видеосалонный» от знаменитого Леонида Володарского) задуманы как детский вариант фильмов об Индиане Джонсе. Спилберг даже сам поставил один из эпизодов. Герой Эстина, мечтатель Мики Уэлш, - это мозг разнохарактерной и разновозрастной команды тинейджеров, задумавшей отыскать в катакомбах пиратский клад. Самый сообразительный, он всегда на шаг опережает идущую по следу за компанией семейку гангстеров. Эстин вполне уверенно потянул центральную роль, несмотря на присутствие в кадре более опытных как взрослых, так и юных актеров. К слову, фильм прославил не только его, а например, и дебютанта Джоша Бролина, ныне широко востребованного после участия в оscarоносной ленте «Старикам здесь не место». После съемок Шону подарили «пиратскую» карту, по ней герои искали сокровища. Но спустя несколько лет его именитая мать, не разобравшись, выбросила карту в мусор...

Амплуа «балбеса» - подростка-авантюриста, которого толкает на приключения собственный высокий интеллект, - закрепилось за начинающим актером надолго. По этой схеме строилось несколько ролей, сыгранных им в фантастических комедиях. В картине Рода Дэниела «Яблоко от яблони» («Каков отец, таков и сын») у его персонажа даже прозвище Триггер, или Курок. Он служит «спусковым крючком» всей истории, раздобыв индейское снадобье, меняющее сознаниями зрелого врача и его сына-школьника. Причем злоключения весельчака Триггера не смущают, и в финале он готов повторить эксперимент.

В комедийном хорроре Брайана Пека «Страшилки» хитрый персонаж Эстина выступает связующим звеном пугающих историй, рассказанных подростками ночью у костра. В конце он тоже приготовил для дружков сюрприз... В другой комедии, «Парень из Энсино» Леса Мэйфилда, его

герой-старшеклассник с приятелем выкопал у себя во дворе замороженного пещерного человека. И не нашел ничего лучшего, как разморозить и привести в школу под видом «студента по обмену из Эстонии». Здесь рисунок роли несколько сложнее предыдущих, потому что демонстрирует внутренний конфликт незадачливого юного антрополога. Тот разрывается между желанием прославиться в своей среде и сочувствием к сверстнику из каменного века, а в итоге даже духовно взрослеет. Однако внимание зрителя перехватил эффектный Брэндан Фрэйзер в роли кроманьонца (а если бы не он, то Джим Кэрри или Николас Кейдж, которые тоже пробовались на эту роль). Вне фантастического жанра Эстин в это время играл достаточно разноплановые роли. Пулеметчик на тяжелом бомбардировщике из военной драмы «Мемфисская красotka», футболист в популярном спортивном фильме «Руди», подросток-«крепкий орешек» в боевике «Игрушечные солдатики».

Венцом линии «балбесов» в раннем творчестве Эстина стал Гаррисон Бержерон в экранизации рассказа Курта Воннегута⁷. Герой Эстина тоже обладает интеллектом значительно выше среднего и отличается «асоциальным» поведением, а в финале даже поднимает бунт против системы. В этом фильме в эпизодической роли вместе с Шоном сыграл его младший брат Маккензи, тоже довольно популярный теперь актер и тоже снимающийся с юных лет.

Помимо всех этих артистических работ Эстин с конца восьмидесятых годов пробовал себя в режиссуре. Первый короткий, но вполне профессиональный фильм он поставил в 17 лет. А уже следующая его режиссерская работа «Двор Кенгуру» в 1995 году была выдвинута на «Оскар» в номинации «Лучший короткометражный игровой фильм». Интересно, что один из четырех отцов номинанта - Джон Эстин тоже выдвигался на «Оскар» и в той же категории, но в 1969-м, то есть за четверть века до этого.

Следующим шагом были постановки на телевидении. Шон Эстин занялся фантастическими сериалами. Он поставил и сыграл в эпизоде НФ-хоррора «Извращение науки», а также отметился как один из режиссеров многосерийной комедии «100 добрых дел Эдди Макдауда» о подвигах тинейджера, превращенного в собаку.

С таким послужным списком он и отправился в Средиземье.

Там

На съемки главного (на данный момент!) фильма в своей биографии Шон Эстин тоже угодил «по семейным обстоятельствам».

⁷ * О самом фильме и персонаже не так давно было подробно рассказано в статье Вл. Гакова «Курт пилигрим» в «Если» № 5 за 2010 год.

Все началось с того, что его отчим Джон снялся у Питера Джексона в «Страшилах». Любитель киноцитат и аллюзий, Джексон пригласил его явно не без расчета на шлейф от роли Гомеса Аддамса. По возвращении Эстин-старший рассказал приемному сыну о своих впечатлениях от режиссера и от Новой Зеландии, которой был просто очарован.

Эстин-младший, несмотря на дипломы бакалавра Калифорнийского университета по английской литературе и истории, трилогии о Кольце не читал. Впрочем, он был не один такой в актерской команде. Например, Вигго Мортенсен (вне съемочных павильонов - художник и поэт) тоже узнал, кто такой Арагорн, только от собственного сына, когда уже получил приглашение на пробы. Эстин рассказал в интервью, что услышал о грядущих съемках «Властелина Колец» по мобильному звонку от своего агента, когда ехал в машине. И тут же помчался в книжный магазин - покупать и читать Толкина. А уже после кинопроб написал письмо Джексону и высказался в том духе, что такое приключение случается в жизни только раз, и он горит желанием в нем участвовать. Джексон его утвердил.

О роли Эстина в то время, когда трилогия победно шествовала по экранам, не упомянул разве что самый ленивый кинокритик или рецензент. Для героического образа актеру пришлось и усилия приложить героические. Например, известный факт, что Эстин, человек отнюдь не хрупкого телосложения, ради набора фактуры прибавил еще около 18 килограммов. И... приобрел комплекс по поводу лишнего веса, с которым затем вынужден был постоянно бороться.

Съемки были чреватые и физическими травмами. Мортенсену по-настоящему выбили зуб в экранной драке, Элайджа Вуд получил реальное ранение, сражаясь с бутафорской Шелоб, а Эстин располосовал ногу осколком стекла на дне реки, когда прыгал в воду в финальной сцене «Братства Кольца».

Наряду с Вудом Эстину досталась одна из наиболее сложных партий в трилогии - как по хронометражу, так и по степени изменения характера по ходу действия. Причем всю логику развития приходилось держать в голове, потому что съемки эпизодов целых 18 месяцев велись в свободном порядке, в зависимости от локаций и погодных условий. Например, одна из сцен диалога между Фродо и Сэмом была снята с годовым разрывом между дублями. Правда, Эстин успел все свои реплики сказать в начале.

Другая сложность была в дистанции. Сэм не должен был ни слишком выходить на первый план, ни слишком отходить на задний. И Эстину удалось составить гармонично спаянный дуэт с Вудом: худой и большеглазый Фродо и грузный основательный Сэм, ставший для кольценосца кем-то вроде Санчо Пансы. Он - ходячий здравый смысл и совесть Фродо Бэггинса. К финалу они становятся абсолютно

равновеликими персонажами.

С Питером Джексоном актеру один раз даже удалось ненадолго поменяться местами: во время съемок он успел поставить пятиминутный короткометражный фильм, а режиссер - сыграть в нем небольшую роль водителя автобуса.

В Новой Зеландии Эстин жил со своей семьей, в отличие от троих других холостых «хоббитов». Он даже нашел способ продолжить актерскую династию: семилетняя дочь Александра появилась в роли старшей дочери Сэма - Эланор. Впоследствии бойкая девочка не стеснялась раздавать автографы на книге своего отца о съемках трилогии, которую тот выпустил в соавторстве Джо Лейденом. Между выходом на экраны «Братства Кольца» и «Двух башен» у Эстина родилась вторая дочь. Символичен в этом плане финальный кадр всей трилогии - закрывающаяся дверь норы хоббитов, куда только что вошел Сэм вместе с женой и детьми.

После «Властелина Колец» в жанровом кино Эстин почти не играл героических ролей. Хотя в эпической фэнтези все-таки появился, правда, в телеформате. Вероятно, именно для того, чтобы провести для зрителя параллель с трилогией Джексона, Эстина пригласили сняться в мини-сериале «Геркулес» (2005) от компании Hallmark. Ему досталась роль, по сюжетной функции очень похожая на Сэма Гэмджи. Эстин играет поэта (если точнее - аэда) по имени Лин, сопровождающего легендарного Геркулеса во всех подвигах. Опять-таки как верный оруженосец он даже носит за героем его дубину.

Для телевизионного проекта «Геркулес» выглядел не менее богато, чем «Властелин...» для кинофильма: массовки, декорации, схватки с чудовищами. Хотя компьютерная графика, разумеется, на порядок грубее, чем в экранизации Толкина или «Хрониках Нарнии», вышедших в том же году. Съемки проходили тоже в Новой Зеландии, а эпизод, когда герои путешествуют к вратам Аида, явно отсылает к моменту приближения Фродо и Сэма к Ородруину.

Любопытно, что персонаж Эстина внешне практически не меняется (кроме прически), хотя мы знакомимся с ним задолго до рождения Геракла, а расстаемся перед финальными титрами, когда подвиги зрелого героя уже завершены. Здесь дает себя знать «мифологическое» время. Однако внутренне Лин развивается ничуть не меньше, чем Сэм Гэмджи. В начале это комический тип, тот же «балбес» из ранних фильмов Эстина, разве что с лирой, которую он держит как современную гитару. Зато к финалу он вырастает до цельной личности и даже принимает участие в батальных сценах, орудуя той же геркулесовой дубиной. И последняя сцена снова семейная: на свадебной церемонии Лин соединяет героя с его возлюбленной.

Обратно

После «Властелина Колец» адекватных фантастических киноролей Эстин пока не сыграл. Хочется верить, что именно «пока», благо актер еще даже не перешагнул сорокалетний рубеж. Карьера тем не менее продолжается, и жанровых фильмов в ней не меньше, чем в ранние годы.

Параллельно с послесъемочным периодом «Возвращение короля» Эстин снова взялся за телевизионную режиссуру. Так, он поставил один из эпизодов вампирской теленовеллы «Ангел», ответвление легендарной «Баффи - истребительницы вампиров». «Ангел» спродюсировал неизвестный Джосс Уидон, а Эстин показал не только драматические диалоговые сцены, но и эффектные схватки.

Но куда более интересно его участие в постапокалиптическом сериале «Иеремия». Эстин включился в работу со второго сезона и не только снял один эпизод, но и сыграл одну из центральных ролей. На этот раз его герой - загадочный незнакомец, который называет себя «мистер Смит». Он помогает героям бороться в мире, где за полтора десятка лет до изображаемых событий эпидемия унесла жизни почти всех взрослых. Смит выглядит заурядно, тем не менее может предсказывать события и утверждает, что получает послания от Бога. Эстин здесь сыграл характер с «двойным дном», который подразумевает куда больше, чем выражает.

Продолжил он создавать и галерею интеллектуалов, повзрослевших «балбесов» от науки. В фильме Дэвида Ван Эссена «Капкан времени» сыграл главную роль недотепы-физика, создавшего портативную машину времени, похожую на сотовый телефон. Этот «ловкач» с помощью своего аппарата решает ограбить банк, дважды обналичив один и тот же чек. Но момент выбирает неподходящий, потому что именно в это время банк атакуют профессиональные грабители. Как ни странно, здесь Эстина заслонил собой импульсивный Винни Джонс в роли главаря налетчиков. Другой, уже не комический, а трагический образ ученого Эстин нарисовал в новелле «Страж-птица» из сериала «Мастера научной фантастики» (в России выходил под названием «Хроники будущего»). На создание робота-«стража», впоследствии вышедшего из-под контроля, героя толкает утрата семьи...

Но комедийных ролей у Эстина все же больше. В фильме «Клик» он появляется всего в нескольких сценах, представляя глубоко личный образ человека, который заменяет отца детям главного героя (его играет комик Адам Сэндлер). В мини-сериале «Цвет волшебства» персонажем Эстина снова стал «простодушный» - это Двацветок, первый турист фэнтезийного Плоского мира.

Вообще, Шон Эстин - один из чемпионов по участию в экранизациях жанровой классики. В его послужном списке - Толкин, Воннегут, Шекли

и Пратчетт. Теперь дело дошло и до Л.Фрэнка Баума, литературного отца волшебника из страны Оз. Но с кем Эстину пока везет не очень, так это с режиссерами. Если раньше он работал со Стивеном Спилбергом, Ричардом Доннером, Уорреном Битти, Дэнни де Вито, наконец, тем же Джексоном, то сейчас вынужден сотрудничать с постановщиками классом ниже. Еще не вышедший к моменту работы над этим материалом фильм «Ведьмы страны Оз 3D» с Эстином поставил Ли Скотт, известный в узких кругах поделками-рипоффами от студии Asylum вроде «Трансморферов».

Однако у актера еще многое впереди. Однажды он чуть было не занял режиссерское кресло «Фантастической четверки». Так что если вновь не обратит на себя внимание крупных режиссеров, то рано или поздно сам поставит свой блокбастер. И без семейной темы там не обойдется.

Аркадий ШУШПАНОВ

КРИС УИЛЛРИЧ

С ЗАРЁЮ В ПУТЬ

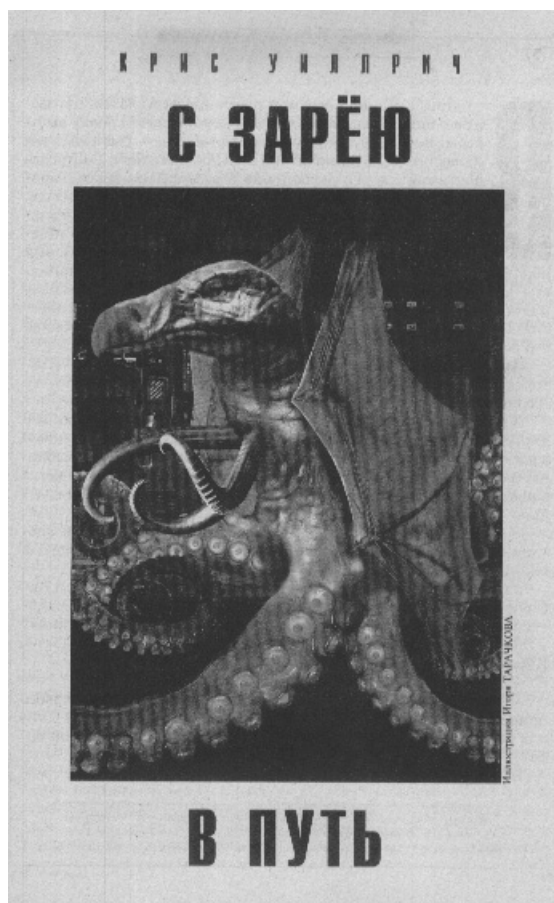

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

В то утро, когда на «Восьмом шаре» взревел клаксон, возвещая о приверженцах вселенской ночи, капитан ловил рыбу. Гесар Чин - друзья называли его Кирпич - был реликтом прошлого даже по понятиям дальнобойщиков и смотрелся почти как статуя с удочкой между расставленных ног, напоминая терракотового воина, покрытого патиной смазки. Шевелилась у него только челюсть, перемалывающая орешки бетеля, которые, несмотря на всю стоматологию двадцать четвертого века, окрасили его зубы в кроваво-красный цвет. Поскольку на корабле сейчас была невесомость, каждое движение челюсти заставляло его тело медленно покачиваться наподобие маятника. Он всего час как вышел из анабиоза, и тело все еще побаливало. А за время своей неоднозначной карьеры он твердо усвоил, что по утрам торопиться не следует.

«Ну и пусть ты ненавидишь гвай ло^{*8}, - напоминал он себе. - Дыши глубоко. Помни, что сказал Вигнесс, и просто стой у руля. Держи все под контролем».

Поэтому он разглядывал толстую золотую иллюстрированную книгу («2000 лет иллюстрированных манускриптов»), прилепленную в раскрытом виде среди звездных карт и толстых серебристых рыбин, неторопливо плавающих за большим прозрачным куполом, когда воплем об убийстве взревел сигнал тревоги, а освещение стало красным. Треска за куполом теперь плавала словно в крови.

- Эйя, - пробормотал Кирпич, продолжая жевать бетель и инстинктивно касаясь ножа на поясе. - Какого черта? - Но треска не смогла ему ответить, и он взглянул на рыбин с отвращением.

Как и все члены экипажа «Восьмого шара» - за исключением Кибернеты, корабельного мозга, - он носил на одежде диск, изображающий черный шар из полузабытой земной игры. Диск объединял в себе дозиметр радиации и устройство связи с корабельной сетью. Кирпич постучал по нему и сказал:

- Говорит капитан. Пусть новость будет хорошей.

- Кирпич, - услышался в ответ спокойный голос его первого помощника - женщины, которую он знал только под именем Кинжал Меза, - Киб засекла объект на пересекающейся солнечной орбите.

На сей раз Кирпич перестал жевать:

- Пересекающейся?

- Достаточно близкой. Сейчас до него 280 тысяч миль. Мы разминемся

⁸ * Гвай ло (иноземные демоны) - так китайцы именуют всех иностранцев. Капитан Кирпич называет так инопланетян, поселившихся в нашей Солнечной системе. (Здесь и далее прим. перев.)

с ним на 160 тысячах.

Кирпич выругался, теперь громче. До объекта уже оставалось меньше, чем от Луны до Земли.

- Неизвестный планетоид? - спросил он. - Или корабль?

- Ставки корабельного тотализатора склоняются к тому, что это корабль, сэр, - услышался угрюмый голос Кибернеты.

- Я хочу взглянуть, - решил Кирпич. - Собственными глазами.

Родившийся на Марсе, он отличался привлекательным, но обветренным лицом тех китайских тибетцев, что первыми вышли на поверхность Красной планеты без масок. Другими его особыми приметами были хриплый голос и темные защитные очки старого космического волка, чья щитовидка получила слишком много радиации, а глаза пострадали от сильных перегрузок.

- Мы так и подумали, что ты захочешь, - сообщила Киб.

Кирпич вздохнул и сплюнул в самозакрывающуюся чашку. Потом набрал код подъема. Люк под ним закрылся. Загудели моторы, серебристые рыбины метнулись прочь, включая и ту, что сорвалась с крючка.

Рыболовный пузырь служил еще и пузырем астронавигации, хотя в спецификации корабля его функции и значились в обратном порядке. Обитатели «Восьмого шара» - четыре свежеразмороженных после анабиоза человека, три оживленных после аналогичной процедуры инопланетянина и всегда бодрствующая Кибернета - находились внутри титановой сферы диаметром около тридцати пяти метров, в свою очередь заключенной в двойную оболочку из углеродистой стали. Пятиметровое пространство между оболочками заполняла холодная вода, имеющая немало применений: экран от космического излучения, рассеивание тепла, запасная активная масса для двигателя. Она даже годилась для питья. Однако Кирпича осенила новаторская идея, и он запустил в водяную оболочку тихоокеанскую треску, а пузырь, находящийся на поверхности внутренней сферы, снабдил удочкой с катушкой, и теперь внутренний конец удочки торчал чуть выше навигационных карт.

Пузырь стал подниматься наподобие кабины лифта в каком-нибудь подводном поселении на Земле. На серой стене наружной оболочки раскрылась круглая панель. За ней находилась специальная мембрана, которая раздвинулась, когда сквозь нее протиснулся пузырь. Теперь удочка высывалась в космос. За оранжевой лепешкой наживки искрился Млечный Путь. Сорвавшиеся с удочки капельки воды замерзали и рассеивались, чтобы присоединиться к звездам, или легкими снежинками опускались на белый корпус вокруг пузыря.

«Восьмой шар» соответствовал названию. Его наружная оболочка выглядела как черная сфера, утыканная грузовыми модулями,

датчиками и радиаторами, однако на носу белой краской был нарисован круг со вписанным в него черным символом бесконечности. В его правой петле приютился стыковочный порт, а из левой сейчас выглядывал пузырь астронавигации. Ухмыляющиеся обитатели планет предполагали, что черная окраска нужна кораблю для скрытности, а белое пятно эту скрытность нарушает. Фактически же, и белая, и черная окраска не давали никакого эффекта. Излучая тепло, корабль светился для детекторов не хуже лампочки. За исключением плотных конвоев или таких экзотических мест, как ближние окрестности Солнца, скрытность в космосе была мифом.

Однако этот принцип работал в обе стороны. Никто не смог бы подкрасться к «Восьмому шару» незаметно.

Хмыкнув, Кирпич постучал по очкам, моргнул, и линзы включились. То были не корректирующие зрение линзы, а, скорее, плоские компьютерные панели из тех, что стали антиквариатом после изобретения прямых нейронных подключений к мозгу. Равномерная чернота линз поглощала фотоны, а расположенный чуть выше носа Кирпича компьютер формировал из них изображение для его поврежденных перегрузками глаз. В сущности, все, что он видел, было симуляцией. Например, когда он разглядывал ту книгу с потрясающей копией страницы из «Келлской книги»^{*9}, то греческие буквы, обозначающие имя Христа, наполнялись тончайшими мерцающими деталями, наподобие какого-нибудь церковного фрактального набора; он мог при желании увеличить изображение, выделить миниатюрных животных и фантастических зверей и почти столь же причудливых людей, вплетенных в поразительную кельтскую орнаментную вязь, или погрузиться еще глубже, изучая тончайшие прожилки достоверно

^{9*} «Келлская книга» (также известная как «Книга Колумбы») - богато иллюстрированный рукописный труд, созданный ирландскими (кельтскими) монахами примерно в 800 году. Это одна из самых щедро украшенных изящными миниатюрами и орнаментами средневековых рукописей среди всех, дошедших до нас. Благодаря великолепной технике исполнения и красоте узоров многие исследователи рассматривают ее как наиболее значительное произведение средневекового ирландского искусства. Книга содержит четыре Евангелия на латинском языке, вступление и толкование, украшенные огромным количеством цветных узоров и миниатюр. В настоящее время она хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия. Согласно основной версии ее происхождения, книга была создана в скриптории монастыря Св. Колумбы на острове Иона в конце VIII - начале IX века. После того как монастырь был разгромлен норманнами, книга была перевезена бежавшими монахами в Ирландию, в Келлское аббатство, откуда и получила свое имя.

воспроизведенного пергамента из телячьей кожи, или полюбоваться разрекламированным богатством оригинальной палитры пигментов, таких как чернила на основе железа и чернильных орешков, золотой аурипигмент и ляпис-лазурь.

Ему нравились такие исследования. Но сейчас он должен смотреть наружу, от света во тьму.

Вид звезд перед глазами Кирпича пересекли наложенные изображения. Зеленая точка на зеленой линии обозначала их пункт назначения - объект Кваввар*¹⁰ в поясе Койпера, в восьми часах полета и кишаций инопланетными гвай ло.

Красная линия потолще, что указывало на относительную близость, пересекала зеленую под небольшим углом. На ней пульсировала красная точка - обнаруженный Кибернетой объект.

Кирпич хмыкнул, прищурился, постучал по оправе, смешивая информацию очков с данными Киб. В результате получилось расплывчатое и смазанное изображение объекта. Вскоре он смог разглядеть его реальную форму - нечто узкое и трехкрылое.

- Ха, - буркнул он. - Очень даже флэш. В смысле, Гордон**¹¹.

- Капитан? - В одном из углов дисплея очков появилось миниатюрное лицо Мезы - точнее, отсутствующее лицо, потому что она всегда выходила из своей каюты, закутавшись в темный плащ с капюшоном.

- Я имел в виду, что объект здесь настолько неуместен, что свихнуться можно. Он вполне может оказаться парусным кораблем.

Изображение Мезы кивнуло:

- Мы подумали, что это мог быть аппарат, запущенный из атмосферы, но здесь, в такой дали, это не имеет смысла.

Кирпич почесал нос ниже очков.

¹⁰ * Кваввар, или Кваоар - транснептуновый объект, один из крупнейших объектов в поясе Койпера, открыт 4 июня 2002 года (позднее был открыт и его спутник диаметром около 100 км). Транснептуновый объект (ТНО) - небесное тело Солнечной системы, которое обращается по орбите вокруг Солнца, и у которого среднее расстояние до Солнца больше, чем у Нептуна. ТНО образуют пояс Койпера, рассеянный диск и облако Оорта. В общей сложности по состоянию на начало 2009 года известно 1092 ТНО с разнообразными характеристиками. Крупнейшим известным ТНО является Эрида, открытая в 2005 году; следующий по величине - Плутон. К ТНО с диаметром более 800 км (некоторые из них упоминаются в этом рассказе) относятся следующие (в скобках указан их примерный диаметр): Эрида (2400), пара Плутон-Харон (2320 и 1270), Хаумеа (1600), Седна (1700), Макемаке (1500), Орк (1600), Кваввар (1260), Варуна (940), Иксион (820).

¹¹ ** Флэш Гордон - летающий супергерой из американских комиксов 1930-х годов.

- Вероятно, это яхта, - с удивлением решил он. А его нынче удивить было нелегко.

Но это наверняка было так. Любой настолько обтекаемый межпланетный корабль должен быть игрушкой роллеров - «золотой молодежи», совершающей круизы по внутренней системе, прежде чем стать «загруженными» - теми, кто отвергал плоть ради электронного бессмертия. Даже СолПрав - Солнечное правительство - склонилось перед экономической мудростью использования различных летательных аппаратов в атмосферах и в дальнем космосе.

- Кто это, черт подери?! - рявкнул Кирпич, чьи мысли в тот момент вертелись вокруг корабельного груза. - И как он к нам подкрался?

- Работаю над кто-это-черт-подери, сэр, - доложила Киб, причем ее тон явно искрился от гнева. На Кирпича? Скорее, на этого роллера. Капитан никогда не видел на дисплее очков картинку с лицом Киб, потому что лица у нее больше не было. Превращение в кибермозг было более дешевым вариантом бессмертия, чем «загрузка», и многие из элиты спонсировали подобную операцию в обмен на контрактное рабство. Такое случилось и с Кибернетой, пока Кирпич не выкупил ее свободу. Однако его до сих пор тревожило, что ее прежний хозяин-роллер мог оставить скрытые программные лазейки, позволяющие овладеть ее волей.

Возможно, Киб это тоже не давало покоя.

- Они не могли гнаться за нами от самой Земли, - заявила Киб. - Такое возможно, но мы бы их увидели. - Кирпич кивнул: если сравнить систему жизнеобеспечения со свечкой, то работающий корабельный двигатель был настоящим костром. - Поэтому я бы предположила, что его изготовили уже где-то на пути сюда. Я сейчас проверяю нашу бортовую базу данных корабельного регистра. А наши сенсоры не обнаружили его, потому что он практически не выделяет тепла. И я вообще заметила его только потому, что меня охватила паранойя, и я проверила затмение звезд.

- Уж кто бы говорил о настроениях, - буркнул Кирпич. - Хм-м, нет тепла, говоришь... Яхта-робот? - Ее внешний вид вполне мог служить уловкой.

- Да, возможно. Но даже для робота он слишком холодный. И если бы он не подошел настолько близко, я уже начала бы гадать, не брошенный ли это корабль.

В другом уголке очков Кирпича возник Меркурий «Мерк» Джонс - корабельный инженер с броским именем и непритязательной должностью старшего по погрузочно-разгрузочным работам. Выглядел он лет на тридцать, а его темная кожа основательно задубела под солнцем за несколько лет работы на ртутной свалке на Меркурии. Шрам на его виске появился после знаменитой драки экипажа «Восьмого шара» в баре на Титане, где Мерк случайно перепутал свой

напиток из сырых яиц с соком из коры, заказанным неким инсионцем. Хотя Мерк и был моложе капитана, он успел разобрать на металлолом и подлатать больше кораблей, чем Кирпичу довелось увидеть за всю свою жизнь.

- Я думал об этом, - сказал Мерк. - Он мог двигаться в каком-нибудь спящем режиме... ну, типа того, как старинные космические зонды летали с небольшими батареями, и энергии тех батарей хватало, чтобы питать несколько приборов, но не доставало для легкого обнаружения. Некоторые модели конца двадцать первого столетия могли летать совсем холодными. И незаметными.

- Если только не предположить, что этот корабль построен по стелетехнологии инопланетян, - возразила Кинжал.

- Хм-м, - задумался Кирпич. Меза не доверяла гвайю столь же сильно, как и капитан, но только по-своему. Ее родное космическое поселение, колония в одной из точек Лагранжа^{*12}, сильно пострадало экономически после краха Контакта, и хотя ее, в отличие от Кирпича, в тот момент еще и на свете не было, колония L5 до сих пор не оправилась от такого потрясения.

(Ему никогда не забыть, как Меза отгоняла того иксионца во время драки в баре на Титане, орудуя бутылкой текилы со страстью и четкостью пьяной Жанны д'Арк, сражающейся с драконом. Даже теперь эти воспоминания зачастую порождали мысли, не подходящие капитану.)

Он разделял ее тревоги. Иксионцы, в частности, бойкотировали «Кваварскую всесистемную выставку» из презрения к «вонючим деревьям», которые номинально владели упомянутой системой. Кирпич легко мог представить, как ненасытные и склизкие двухметровые осозмеи превращают «Восьмой шар» в облачко пара. Тем не менее корабли крупных колониальных правительств пояса Койпера, и даже более мелкой сошки наподобие эридцев, опознавались столь же четко, как и произведения искусства. И с какой стати инопланетянам унижаться до полета на таком рывдване, как эта земная яхта?

- Ладно, - решил Кирпич. - Пока будем предполагать, что это люди-пираты. Или хотя бы *изготовленные* людьми пираты. - Он вздохнул. - И придется сообщить послу Йи.

- Запустим ее на пиратов? - осведомился Мерк.

¹² * Точки Лагранжа, или L-точки - такие точки в системе из двух массивных тел, где третье тело с пренебрежимо малой массой, на которое не действуют никакие другие силы, кроме гравитационных сил со стороны этих двух массивных тел, может оставаться неподвижным относительно этих тел. Точки Лагранжа обозначают заглавной латинской буквой L с числовым индексом от 1 до 5.

- Она из СолПрава, - сказал Кирпич, - и мы обязаны ее информировать. И в любом случае, мы выбрали лазерную пушку, а не ракеты. Тащи ее сюда.

- Пираты? - фыркнула Чодон Йи. Подобно Кирпичу, особый посол на межпланетную конференцию была марсианско-тибетско-китайского происхождения, но на этом их сходство заканчивалось. Ледяная красавица, она казалась вечно молодой и обладала талантом привлекать к себе внимание - вроде того, как Юпитер притягивал луны. И если бы Кирпич не видел ее во плоти до анабиоза, то мог бы подумать, что стройная фигурка на дисплее его очков - виртуальный аватар. Она просто казалась не совсем реальной.

- Роботы-пираты, - уточнила Меза.

- Э-э-э... брехня, приятель, - пробормотал Кирпич. После наступившей секунды тишины его слова проигнорировали. Экипаж уже научился различать, когда он говорит как капитан, а когда как Старый Простофиля. Йи, вероятно, подумала, что капитан буркнул что-то тупое, но не тупее, чем обычно.

- Полагаю, у вас есть этому объяснение? - осведомилась она.

- Заниматься пиратством в дальнем космосе трудно, потому что пиратский корабль легко обнаружить на большом расстоянии, - ответила Киб. - Но для этого корабля могли придумать обходную уловку. Представьте управляющий искин... или загруженную личность... на борту корабля с минимальным расходом энергии. Снабдите корабль беспилотными роботами для захвата добычи. Мы отлично видимы даже во время дрейфа, потому что наша система жизнеобеспечения рассеивает тепло. А у нашего робота-пирата такой проблемы нет. И вот он здесь, уже на расстоянии залпа.

- Мне не нужна лекция о тактике пиратов, - заявила Йи. - Я желаю знать, как получилось, что вы проигнорировали такую угрозу. Мне никогда не нравилось, что СолПрав нанимает частных дальнобойщиков. И случившееся лишь доказывает правоту моих опасений.

Кирпич разгрыз новый орешек бетеля. Мысленно он почти слышал, как Мерк точит нож, и быстро ответил:

- Это нечто беспрецедентное, ваше превосходительство. - Он вспомнил, как Вигнесс, представитель СолПрава, заверял его, что угроза пиратства будет нулевая. И пожалел, что Вигнесса сейчас здесь нет. - Все редчайшие случаи пиратства происходили намного ближе к Солнцу...

- Оправданиями вы позорите своих предков. Не сомневаюсь, что вы навлекли на этот корабль большую отрицательную карму. Вы уверены, что тот корабль враждебный? Вы пытались с ним связаться?

- Мадам. - Кирпич побарабанил пальцами по виртуальной иллюстрации из «Келлской книги». - Тот корабль от нас уже на

расстоянии плевка. Такое не может быть случайностью, и я не намерен рисковать. Сейчас наше единственное преимущество - они могут не знать, что обнаружены.

- У нас есть и другое преимущество, капитан, - попыталась выручить его Киб. - Отсутствие системы жизнеобеспечения означает низкий тепловой профиль, но только если у них выключено все лишнее. А им придется включить хоть что-нибудь, прежде чем угрожать нам чем-то, кроме плохих намерений.

- В таком случае нам способен помочь Квавар. Нужно предупредить посла Винтергрю.

Мерк рассмеялся:

- Квавар никогда не отвечает на призывы о помощи, ваше превосходительство. - Он даже не пытался скрыть презрение в голосе. Мерк терпеть не мог официоз, набожность и обитателей планет, а Йи олицетворяла все три в одной глянцевой упаковке. Кирпич подозревал, что Мерк провел несколько лет, связавшись с каким-то богатым культом, имеющим базу на Марсе: возможно, с моддерами или человеческим филиалом Ночных Читателей - и это во многом объясняет его любовь к внешней системе. - И раз уж мы об этом заговорили, кваварцы так нервничают, когда к ним приближаются, что собьют любого, чей курс может пересечься с их планетой даже случайно. Забавный народец.

- Даже если у нас на борту Винтергрю? - усмехнулась Йи.

- А давайте его спросим, - предложил Кирпич.

- Даже со мной на борту, - подтвердил минуту спустя уходящий в отставку посол Квавара. Свой компьютерный переводчик он предпочитал настраивать на мягкий, приятный тон. - Дело просто в том, что мы очень серьезно относимся к высоким относительным скоростям. При скоростях космических кораблей случайные столкновения трудно отличить от преднамеренных атак. Поэтому мы и не рискуем. Тем хуже для меня.

Кирпич стиснул зубами орешек бетеля, разглядывая гротескное изображение кваварца на своем дисплее, столь контрастирующее с его изысканным искусственным голосом.

Кваварец - как его называли для удобства, потому что его настоящая родная планета находилась за много световых лет отсюда, - выглядел как десятиногий тарантул, к спине которого приклеен воздушный шар метрового диаметра из многослойного паутинного шелка, выкрашенный из пульверизатора белой краской. По шару бегало множество крошечных паучат (плюс еще и роботы-паучки). Кваварский язык был идеографическим, а его символы-иероглифы формировались из ниточек красной паутины, сбрасываемой на белую поверхность шара паучатами, находящимися в мысленной связи с родителем (некоторые источники утверждали, что паучата у него в рабстве).

Поэтому странные закорючки и появлялись на газовом мешке Винтергрю наподобие кровавой каллиграфии, являясь каварским аналогом речи.

- А сейчас, несмотря на тот факт, что Кварар нам не поможет, - продолжил Винтергрю, - мне любопытно, почему пираты решили перехватить нас, когда мы уже относительно близко к цели нашего полета. Ведь они могли застать нас врасплох, пока мы пребывали в анабиозе.

Кирпич посмотрел на изображение посла и нахмурился. Один из деток-пауков, сидящий на макушке шара, был уже почти таким же большим, как и его родитель.

- Как знать? Возможно, у них есть покупатель на Квараре, - заметил Мерк.

- А во время пиратских нападений, - добавила Меза, - нападающим иногда нужен бодрствующий экипаж, членов которого они заставляют сбросить груз за борт.

- Ваше превосходительство, - вмешался Кирпич, - простите, что лезу не в свое дело. Но не грозит ли вам опасность перевернуться?

Количество красных значков на газовом мешке кварарца утроилось, но Винтергрю все так же мягко ответил:

- Вся моя молодежь на поводке, капитан Чин. А мой старший отпрыск будет отпущен на свободу на Квараре - до того как произойдет какой-либо психотический захват. Но благодарю вас за беспокойство.

Кирпичу хотелось доверять Винтергрю. Если позабыть об ужасающей внешности, тот был вполне терпимым пассажиром - для гвай ло. Но кварарцы, чей скованный ментальными узами отпрыск поднимал бунт, могли стать иррациональными. Иногда бунтовщик способен даже маскироваться под родителя...

- Вы впустую тратите время, капитан, - заявила Йи. - Что вы намерены предпринять против этого пирата? И как собираетесь обеспечить безопасность святой реликвии?

- Святой реликвии? - изумился Мерк.

- То, что предложил мой первый помощник, - быстро ответил Кирпич. - Груз за борт, и бежать.

- Вы собираетесь выбросить криптофутляр?! - воскликнула Йи.

- Нет! - рявкнул Кирпич. - Я имею в виду груз, подвешенный снаружи. Кофе-кона для кварарцев. Кора красного дерева для Иксионцев. И тому подобное.

- Криптофутляр? - спросила Киб.

«Ну, спасибо, Йи, - подумал Кирпич. - Хотя, полагаю, пираты и так о нем знают». Футляр был их самой вероятной целью. Какими бы прожорливыми ни были, скажем, иксионцы, готовые сожрать что угодно, выросшее на Земле (впрочем, этих ненасытных всеядов тошнило даже от малейшего запаха земного мяса - из-за этого он

потерял хорошую рубашку, заляпанную зеленой жижей в том баре на Титане), древесная кора вряд ли оправдала бы пиратство. Зато «Восьмой шар» сбросит часть своей массы.

- Потом потолкуем, - кивнул он Киб и постучал по своему значку, чтобы сделать объявление для всех: - Говорит капитан. Обнаружен корабль, вероятно, враждебный. Всем пассажирам перейти в укрытие. Всем пассажирам перейти в укрытие. - Он отключился. - Ну, дождались...

На дисплее появился посол Орка на Квавара (получивший новое назначение на Земле). У Кирпича кончились углы дисплея для вывода новых изображений, поэтому оно появилось рядом с изображением Йи. По контрасту с ее невозмутимым взглядом изображение орканца показывало капитану палец.

Посол Орка, чье имя переводилось как Бог Шансов, путешествовал в аквариуме размером с газовый мешок Винтергрю, утыканном выдвижными манипуляторами-когтями. Кирпичу он напоминал боевую машину уэллсовских марсиан, только с аквариумом на макушке. Внутри аквариума бурлила полупрозрачная вода. Иногда из воды показывались щупальца, скользящие по прозрачной стенке. Кирпич знал, что сам орканец висит на холодильной установке, смонтированной на крышке аквариума. Он походил на перевернутую синюю иву, только вместо веток у нее росли тысячи червячков с крохотными глазками возле кончиков. Эти синие щупальца были весьма подвижными и ловкими - до такой степени, что Бог Шансов мог изобразить понятные для людей каракули и рисуночки, прижимая щупальца к прозрачной стенке. Последний его шедевр смотрелся как человеческая рука с торчащим вверх средним пальцем.

- В лед ваши тайны! Тебе не спрятать в иле никаких секретов, человек. И тебе тоже, Винтергрю! -- Щупальца орканца изобразили вопросительный знак рядом с кваварским эквивалентом восклицательного. - Слушай, а ты не собираешься опрокинуться?

- Как вижу, грубость присуща не только людям, - заметил Винтергрю.

- Я связался с вами из вежливости, ваше превосходительство, - сказал Кирпич и обрисовал ситуацию. - Будьте готовы к скорому запуску двигателей.

- Вот так и начинается хваленая Всесистемная выставка, - злорадно прокомментировал Бог Шансов, изобразив щупальцами рыбу с крестиками вместо глаз, плавающую брюхом вверх.

- Я знаю, что вы увеличиваете свой престиж за счет любых помех для Квавара, - ответил Винтергрю. - Нет смысла высасывать пустую оболочку.

- О, не волнуйся. Течение времени скоро донесет нас и до нашей Всемирной выставки. И уж будь спокоен, мы научимся на ваших ошибках.

- Начните учебу с умения ненадолго замолкать, ваше

превосходительство, - посоветовал Кирпич. - Киб, врубай двигатели сразу, как только яхта оживет. Независимо от того, где мы будем в тот момент находиться.

- У меня очень небольшой резерв топлива, если мы еще собираемся тормозить для подхода к Квавару, - сообщила Киб.

- Об этом забудь. Проложи нам траекторию мимо Квавара маневром Оберта*¹³, впритирку, и набери как можно большую скорость. Главное - лишь бы они поняли, что мы в них не врежемся. А потом будем надеяться, что они нас рано или поздно выловят, потому что у нас на борту один из них.

- Они могут так поступить, - согласился Винтергрю. - Они корректны.

- О, твои слова терзают меня, - сообщил Бог Шансов, довольно узнаваемо изобразив щупальцами копию лица с картины Мунка «Вопль».

- Довольно! - заявил Кирпич. - Мы перевозим вас, дипломатов, из вежливости к вашим правительствам...

- Из вежливости, в которой не было бы нужды, если бы не запрет на использование цивилизованной техники в вашей внутренней системе, - парировал Бог Шансов. - Взлет с планеты на двигателях с выбросом массы! Межпланетные корабли с реактивными двигателями на газе из антивещества! Перелеты длиной в десять лет! Анабиоз! Даже эридцы справились бы лучше!

«Ага, - мысленно буркнул Кирпич, прищурясь на ходячий аквариум Бога Шансов, - уж вы, орканцы, любите свои механические штучки. А уж как вы обожаете роботов и автоматику...»

- Капитан, - негромко произнес Мерк, прервав его мысль, - а где эридец?

Кирпич нахмурился. Его превосходительству с Эриды уже давно следовало бы появиться у него на дисплее. Его превосходительству болтливой помеси осьминога со стервятником.

- Никто из вас его не видел?

Хотя бы сейчас ответы людей и инопланетян продемонстрировали редкостное единодушие.

¹³ * *Эффект Оберта - это состояние, при котором работа реактивного двигателя на высокой скорости дает намного больше полезной энергии, чем его работа при низкой скорости. Используется для маневра Оберта, при котором применение импульса, обычно от ракетного двигателя, вблизи массивного тела (когда потенциал гравитации низок, а скорость высока) может дать намного большее изменение кинетической энергии и окончательной скорости, чем такой же импульс, примененный к телу для той же исходной орбиты. Чтобы этот эффект стал значительным, ракета должна обладать способностью генерировать максимальный импульс на минимально возможной высоте.*

- Проклятье... А ты, Киб?

- Не могу его отыскать, - признала Киб. - Мы вообще-то не в крепости, капитан. А эридцы известны своим коварством и проницательностью.

- Довольно. Дамы, господа и прочие уважаемые существа, будьте готовы к перегрузкам при запуске двигателя. - Кирпич отключил связь с дипломатами. - Мерк, загони важных персон в штормовое укрытие. Кинжал, хватай сканер и отыщи проклятого эридца. И пистолет тоже прихвати, - добавил он после секундной паузы.

- Думаете, он в сговоре с пиратами? - осведомилась Меца резким тоном. Кирпич почувствовал, что ему грозит лекция. - Держите себя в руках, капитан. Эридцы занудны, но честны, и даже слишком честны. Это отчасти и объясняет, почему они столь занудны.

Меца всегда советовала ему держать себя в руках. Конечно, это неплохой общий совет для капитана космического корабля... но подразумевала она гораздо больше.

«Я не доверяю власти и позиции инопланетян, Кирпич, - сказала она ему как-то. - Если бы я смогла отыскать способ, как вернуть нам всю нашу систему, то, наверное, убила бы ради него. Но вы... полагаю, «чужеземные дьяволы» для вас не просто выражение. Думаю, вы буквально верите, что они монстры».

- Просто запихни их всех в укрытие и в спасательные шары, - рявкнул Кирпич. - Тогда, если они начнут выпендриваться, то смогут лишь сыграть в бильярд.

- Всякий раз, когда вы говорите об этой игре, капитан, она представляется мне все более причудливой, - заметил Мерк. - Конец связи.

- Меца, конец связи, - услышал капитан после паузы.

- Киб... оставайся параноиком, - попросил Кирпич.

- Можно было и не просить. Здесь и так темно.

- Я капитан: конец связи.

* * *

Опять звезды и тишина. Нахмурившись, Кирпич снова устался на таинственную яхту. А вдруг это и в самом деле эксцентричный загруженный, который забрался туда, где ему делать нечего? «Дай мне хоть какой-нибудь намек», - подумал Кирпич.

И на дисплее его очков на мгновение вспыхнуло странное сообщение, зажатое между значениями расстояния и скорости.

«Берегись орла».

Появилось и исчезло, как котировка на Лунной фондовой бирже.

Судя по отсутствию указателей на источник, сообщение было переслано в очки по узкому лучу, а не пришло из локальной сети

«Восьмого шара».

- Дай мне еще один намек, - с надеждой произнес он. Но ничего не дождался.

Хмыкнув, Кирпич постучал по очкам и моргнул. Замелькали данные, когда он попытался определить, кто послал сообщение. Но следов не нашел.

Может, кто-то на борту послал ему личное предупреждение? Или?.. Он нахмурился в темноту за бортом. Маловероятно, но не невозможно, что сообщение действительно пришло с яхты.

Кирпич выругался и запустил процедуру поиска и удаления вирусов. Мир растворился в сером мельтешении. Он поднял очки на лоб. Расплывчатые контуры - все, что могли разглядеть его пострадавшие от перегрузок глаза, - ненамного улучшили ситуацию, но он хотя бы мог видеть окружающее, а любые недавно внедренные вирусы будут пойманы. Он снова вызвал Киб.

- Удаление вирусов по всему кораблю? - переспросила она. - Я не засекала никаких сигналов...

- Наверное, сейчас моя очередь стать параноиком, - сообщил Кирпич.

- Запускай очистку. И еще, Киб...

- Капитан?

- Отыщи в регистре все яхты под названием «Орел». Конец связи.

Кирпич еще ненадолго задержался, глядя на звезды, эти неуловимые яркие рыбы, и думая о старинных книгах, кораблях и штормах. Провел пальцем по корешку звездного атласа, вспоминая балладу тринадцатого столетия и рыцаря, которому приказали выйти в море в плохую погоду.

И он негромко повторил слова, с которыми сэра Патрик Спенс обратился к своей команде:

*Готовьтесь к отъезду, мои молодцы,
Мы завтра с зарёю в путь.*

И ответил себе словами матросов Спенса:

*Смотри, капитан! Предвещает пургу
Над морем висящая муть^{*14}.*

Мокрое море или темное - Кирпич умел сопереживать. В балладе имелся намек на то, что рыцарь нажил себе врагов, и Кирпичу это было понятно. По необходимости, но больше из гнева на гвай ло и людей, целовавших им щупальца-манипуляторы-ноги, Кирпич когда-то занимался кражами и контрабандой, специализируясь на старинных книгах. Его тревожили пассажиры, но если честно, то любой наблюдатель, знающий его прошлое, в первую очередь заподозрил бы самого Кирпича. Если к его кораблю летят пираты, то это точно его

¹⁴ * Баллада «Сэр Патрик Спенс». Из книги «Шотландские и английские баллады» в переводе О.Румера.

карма. Наверное, ему следует принять это с мрачной учтивостью сэра Патрика Спенса, отплывающего к своей могиле на глубине полусотни фатомов.

Он опять сплюнул в чашку и закрыл окно в мир звезд. Самое время проверить свое сокровище.

* * *

Вернувшись в корабль, где вокруг пузыря сразу завертелись любопытные рыбины, Кирпич выскользнул в нижний люк и, цепляясь за поручни, пересек тесную штурманскую. Оттуда он протиснулся сквозь люк и попал на осевую лестницу. По ней и стал спускаться вниз головой.

По лестнице длиной двадцать пять метров можно было пробраться от носа до машинного отделения. Такое путешествие напоминало экспедицию сквозь пещеру из переплетающихся воздуховодов, кабелей и труб. Лицо Кирпича ощущало струи воздуха из вентиляторов, вибрации моторов, щекощущие прикосновения ленточек освежителей воздуха.

Он не собирался проделывать весь путь и спустился лишь на палубу вниз.

Когда он добрался до своей каюты, все выглядело так, как он и ожидал: аккуратно и в порядке. Дисплеи на стенах мерцали - удаление вирусов продолжалось.

Все, как он ожидал... за исключением инопланетянина, склонившегося над столом из стальной сетки.

Посол Эриды на Земле (в настоящее время нерезидент) уставился на него глазами стервятника. Положив руку на нож, Кирпич вонзил в него ответный взгляд. Так, очки уже должны быть в порядке... Сглотнув, он свободной рукой опустил их на нос. Зрение сразу прояснилось, и он увидел кошмарное существо.

Инопланетянин обвил щупальцами криптофутляр наподобие грабителя пирамид, решившего лучше познакомиться с фараоном Тутанхамоном. Только этот грабитель сейчас походил на египетского бога-мутанта (голова стервятника, рыбы жабры, крылья летучей мыши и щупальца осьминога, лишившегося двух конечностей, и все это упаковано в кожу трупно-серого цвета), а вместо саркофага имелся блок из черного материала размером с чемоданчик-дипломат. На поверхности блока мерцали красные черепа. Криптофутляр удерживали на столе магниты, и создавалось впечатление, что посол не столько пытается взять его, сколько поглаживает. И это сбивало капитана с толку.

Еще хуже было то, что эридец даже не смотрел на футляр, а не

сводил глаз с человека, словно движения его извивающихся щупалец происходили сами по себе.

- Хватит на меня пялиться, - заявил Кирпич. - Или нападайте, или делайте что-нибудь.

- Умоляю вас о прощении, - вежливо проворковал посол. - Я дожидаюсь вашей смерти.

- Не понял?..

- Как бы это объяснить... В ходе эволюции у моего народа развилась способность высматривать падаль или неподвижно лежащую на земле, или плывущую по морю. Когда вы стоите неподвижно, дремлющий во мне стервятник резко просыпается.

Кирпич содрогнулся:

- Вы меня, мягко говоря, не очень-то успокоили.

- Я здесь не для того, чтобы убить вас, капитан Чин.

- Тогда чем же вы здесь занимаетесь, посол? Воровством?

- Я пришел не красть. Я пришел поговорить с вами, когда услышал сигнал общей тревоги. Опасаясь худшего, я осмотрел вашу каюту. Безопасность артефакта беспокоит меня не меньше, чем вас.

Пока эридец говорил, на экране за его спиной вновь появилась обычная схема Солнечной системы с надписью «Вирусы не обнаружены», накрывающей восемь внутренних планет, относящихся к юрисдикции СолПрава, и бесчисленные ледяные миры пояса Койпера, заселенные инопланетянами.

- Артефакт? - уточнил Кирпич, ощутив чуть больше уверенности. - Это мой Макгаффин.

- Макгаффин?

- Это такое человеческое выражение, означающее старые фильмы. А тот конкретный фильм назывался «Психо». Классика. Не доводилось видеть?

Кирпич зловеще улыбнулся и достал нож. Он повернул колесико, и экранчик на рукоятке переключился с «К» на «Э».

Эридец прикрыл двойными мембранами фасеточные глаза, открыл их снова:

- Я знаю, что находится в этом футляре, капитан. И еще я знаю, что на вашем корабле затаилась угроза.

- Вздор! Вы вломились в мою каюту, посол Ву-а-э... - Как и десятки раз до этого, язык капитана едва не завязался узлом, пытаюсь выговорить имя посла.

- Я Вулчуглуриан Рогатнигок Говлакач, из выводака Эриды и Темномора.

- Посол Вулч. Вы вломились в мою каюту и говорите о каких-то угрозах? Теперь мне все ясно. Автоматический пиратский корабль намного эффективнее, когда на борту жертвы есть сообщник.

- Глупец, - каркнул Вулч. - Пираты - не главное. Смертельная

опасность таится на борту вашего корабля...

- Тут я с вами согласен.

- ...приверженец вселенской ночи, пешка в руках Пожирателей, эмиссар тепловой смерти Вселенной. Вы и представить не можете, какая опасность вам грозит!..

Эридец не переставал говорить, постепенно впадая в экстаз. Щупальца выпустили футляр и молотили воздух, словно в припадке ужаса. При этом на животе открылась сумка, как у кенгуру, прежде скрытая конечностями. Кирпич увидел, что из сумки торчат различные предметы. Увидел, как к одному из них потянулось щупальце. И стал действовать.

Он метнулся через каюту напрямик к послу и нажал две кнопки на ноже, пролетая мимо распахнутого клюва эридца.

Струйка сжатого воздуха метнула из его руки шприц-нож, одновременно слегка толкнув капитана назад, к книжной полке. Это ему и требовалось.

Тем временем лезвие вонзилось в левое плечо эридца.

Кирпич врезался в свою библиотеку, где-то между томами «Великие марсианские романы № 5: Принцесса Виргиния» и «Рождество на Европе». Свободной рукой он наугад выхватил книгу. И когда посол, размахивая щупальцами, посмотрел на него снизу вверх, то схлопотал точно по морде первым томом «Лунной энциклопедии» (А - Антивещество).

Посол Вулч от удара завертелся кувырком, но он был существом проворным и быстро ухватился за переборку. Однако из его плеча все еще торчал шприц-нож, и его движения замедлились.

Ампула, которой капитан зарядил шприц, была рассчитана на эридцев. Не одна Киб параноик.

- Глупец! - каркнул Вулч, размахивая крыльями. - Столь фанатичен ты... что игнорируешь зло, таящееся за человеческими лицами.

Вены Кирпича переполнялись адреналином, и слова хлынули из него, как вода из прорвавшейся трубы:

- Мы не просили вас прилетать в нашу систему, гвай ло! Чтобы угробить нашу экономику, разорить мою семью... - Он перевел дыхание и взял себя в руки: - Что ты имел в виду? Насчет зла, таящегося за человеческими лицами?

- Берегись евангелиста... - прохрипел Вулч. Затем его фасетчатые глаза закрылись мембранами.

- Замечательно! - рявкнул Кирпич невидимым и невидящим небесам и от души выругал иноземных демонов всех разновидностей.

Когда туман боевого азарта рассеялся, капитан быстро сунул энциклопедию на место, затем уложил постанывающего посла в свой гамак. Парочка старых рыбацких узлов - и незванный гость был надежно обездвижен. Капельки его крови все еще плавали в воздухе, как

разлитое вино. Кирпич не стал вынимать нож. Раз уж ему придется оставить инопланетянина здесь, то пусть так и лежит усыпленный, а нож-шприц через определенные интервалы будет вкатывать ему новую дозу. Вулч пробормотал что-то о «словожорах», «смерти звезд» и «пожирании». Скорее всего, случайная чепуха.

Кирпич оторвал криптофутляр от магнитной сетки стола. Поскольку футляр не вопил дурным голосом, капитан знал, что замок цел.

Подобно тому, как Великие Державы инопланетян могли с легкостью смахнуть с орбиты его кораблик, они запросто могли обойти и простое квантовое шифрование. Но Кирпич знал: даже лучшие эридские технологии лишь на шаг опережают человеческие.

И все же он должен проверить.

И хотя Кирпичу хотелось распахнуть футляр, он вместо этого отыскал тихую гавань в штормовом море своей души - образ старого редута его семьи на Марсе. Он мысленно прошелся по семейному острову и нашел поблескивающую на песке бутылочку. Внутри нее лежала бумажка с серией цифр, которые Кирпич (повернувшись спиной к трепещущим глазам эридца) начертил пальцем на металле футляра.

Эта последовательность, воспринятая имплантантом в мозге Кирпича, совпала с последовательностью в замке. Имплантант и замок были связаны посредством квантового сцепления, действуя как единая физическая система, несмотря на их разделенность в пространстве. «Призрачное действие на расстоянии» - как это давным-давно сформулировал Эйнштейн. Так что можно расслабиться. Старина Альберт не подведет.

Капитан открыл футляр.

Фрагмент «Келлской книги», который везли на его корабле, исчез.

* * *

А хуже всего, думал Кирпич, разглядывая пустой футляр, что он сам вызвался везти это сокровище. Другие капитаны на Лагранже-четыре бормотали себе под нос, что у СолПрава голова кругом пошла из-за этой выставки... что даже почти невооруженные грузовики сейчас летают, набитые добычей. Но Кирпича, любителя книг, такая возможность почти ослепила. У него еще оставались кое-какие связи с тех пор, когда он был контрабандистом и когда стал информатором. И он ими воспользовался.

«Вы просто ведите корабль, - успокаивал его офицер СолПрава Вигнесс, ныне «специалист программы музеев и объектов культуры». - Обо всем остальном позаботится криптофутляр. Самая совершенная система безопасности, максимальная амортизация ударов, облицовка на уровне противоатомного бункера. Иначе «Тринити колледж» не

выпустил бы свое сокровище с планеты».

Кирпич шмякнул футляр на стол и уставился на Вулча. Посол прошипел что-то о «восходящей славе», и его приоткрывшиеся было веки снова закрылись.

Сдерживая гнев, Кирпич обыскал эридца. В кенгуриной сумке он обнаружил походную аптечку, набор инструментов и...

Чудеса.

Там был пурпурный свиток, покрытый иксионскими вкусовыми иероглифами, похожими на кусочки зеленого паззла...

Светлая кварварская «лента памяти», прошитая красными символами, напоминающими след ползущего червя...

Синяя орканская стволовая оболочка, усеянная крошечными черными словами автобиографии...

И пожелтевший экземпляр «Здравого смысла» в мягкой обложке, изданный в 2076 году.

- Ночной Читатель, - пробормотал Кирпич. - Ты проклятый Ночной Читатель.

Это было примерно как обнаружить, что забравшийся к тебе в дом вор - священник из Ватикана или буддийский монах.

Эридец больше не бормотал. Его крылья слегка трепетали во сне.

«Берегись орла», да? Вулч был единственным крылатым существом на борту... Но то, что он Ночной Читатель...

Покачивая головой, Кирпич запер свою каюту и спустился по осевой лестнице. Миновал основание лазерной пушки и прошел вдоль ее хромированного ствола до вращающегося кольца на экваторе корабля. Лазер был единственным оружием «Восьмого шара». Его главным назначением было устрашение, и в этом он мало отличался от табличек на обшивке, заявляющих: ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ЭТО ПРОЧЕСТЬ, ТО Я ДЕРЖУ ТЕБЯ НА ПРИЦЕЛЕ.

Но иногда люди игнорируют предупреждение.

- Берегись евангелиста, - пробормотал он.

- Берегись чего, Кирпич? - В темноте перед ним блеснул полированный металл.

Глаза капитана уставились на заколку плаща, голубую и блестящую, словно ледяной кинжал. Все остальное в собеседнице было столь же неприметным, как облик средневекового монаха. Темный плащ с капюшоном окутывал ее с головы до ног, но вместо веревки талию охватывал пояс с инструментами. Карие глаза под капюшоном были почти незаметны на смуглом лице, обрамленном темными локонами. Тонкие губы сложились в улыбку. Блеснули зубы.

- Привет, Кинжал, - сказал Кирпич.

Кинжал Меца происходила из оригинальной колонии Лагранж-пять, которую обычно называли «эльфиный улей». Ныне «эльфы» страдали от такой плотности населения, что ради анонимности кутались как

только могли, причем диапазон камуфляжа простирался от масок до голограмм. Даже Кинжал Меза придерживалась этой традиции, не откидывая глухого капюшона.

По какой-то извращенной логике, именно скромность и сдержанность Мезы иногда раздували искру влечения, таящуюся в капитане. Разумеется, Кирпич не давал этой искре разгореться.

- Я сказал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих», - добавил Кирпич, возможно, слишком мрачно. - Или норвежцев. Не надо мне было браться за эту работу.

Потом рассказал о случившемся, умолчав только о «бойтесь».

- Итак, мы потеряли «Келлскую книгу», - подытожила Меза.

- Только четверть ее, - огрызнулся Кирпич. Пергаментный манускрипт девятого столетия состоял из четырех томов, более или менее соответствующих христианским евангелиям. Каждую часть - евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна - везли на выставку на разных кораблях. «Восьмой шар» перевозил Иоанна, самую фрагментарную часть из четырех. Кирпич вспомнил, что три других корабля, вылетевших на несколько недель позднее, были лучше по конструкции и лучше вооружены.

- Все ясно, - парировала Меза. -- Значит, Ирландия казнит только четверть нашего экипажа. Интересно, на кого падет жребий?

- Вот почему ты мой первый помощник, - заметил Кирпич. - Столько уважения к начальству. Книга наверняка еще на борту, иначе они не стали бы возиться с яхтой. Полагаю, мы можем вычеркнуть из списка подозреваемых посла Вулча...

- Вулчуглуриана Рогатнигока Говлакача, - поправила Меза.

- Короче, эридца мы можем вычеркнуть. Знаю, с этим трудно согласиться...

- Позволь шокировать тебя согласием, - заявила она. - Я общалась с Ночными Читателями. Они, разумеется, чокнутые... но хотят лишь защитить астральную суть литературы от монстров, таящихся Извне. Или что-то в этом роде. Почтенные фанатики. Вроде тебя.

- Не понял...

- Я серьезно, Кирпич, - улыбнулась она. - Вспомни, сколько лишней массы мы таскаем в форме твоих книг. Ты ими немного одержим.

- Но это не делает меня членом какого-нибудь культа.

- Не делает. Ты романтик. Сам знаешь, мы могли бы разнести лазером эту яхту. Ведь наши реакторы работают, а их - нет.

- У нас нет доказательств...

- Про это я и говорила.

- Стрелять в невинных, пусть даже это «загруженные» - работа для гвай ло. Несмотря на приверженность Будде, мы ненамного лучше. Но мы пытаемся стать лучше, черт побери.

- Кирпич...

- Знаю, знаю! «Держи себя в руках». Это неважно. Сканер все еще с тобой?

- Конечно, - подтвердила она, похлопав себя по плащу. Хотя он и смотрелся как средневековый, карманов в нем хватало.

- Тогда давай поможем Мерку с остальными пассажирами.

- Думаешь, кто-то из них и есть наш вор?

- Кто-то вскрыл криптофутляр. А для этого нужна технология Великих Держав. Иксионцев на борту нет, поэтому остаются Бог Шансов или Винтергрю.

Меца кивнула:

- Странно, что у нас в этом рейсе столько дипломатов. Если кто-то из них тайком везет что-то из запретных технологий...

- То его ждут большие неприятности. - Инопланетянам запрещалось привозить их более совершенную технику внутрь орбиты Нептуна. Дипломатическая неприкосновенность запрещала сканирование или обыски на станциях Лагранжа, но если кто-то проник на борт «Восьмого шара» с неким суперприбором, то это будет иметь последствия в соответствии с галактическим законом. Разумеется, такое открытие может подтолкнуть правительство нарушителя к тому, чтобы избавиться от свидетелей. А «Восьмой шар» сейчас находился за пределами орбиты Нептуна. - Поэтому давай надеяться на бога, что это корабль не одной из Великих Держав.

- Богу может не понравиться, что ты потерял священное евангелие.

- Ты атеистка, Кинжал.

- Просто размышляю вслух.

Спускаясь по лестнице к вращающемуся кольцу, они слышали, как пассажиры спорят с Мерком.

Вращающееся кольцо имело диаметр шестнадцать метров, внутри него проходил коридор, и от него отпочковывались каюты - четыре для пассажиров и три для экипажа. Там, где могла находиться каюта Киб, располагался медицинский отсек. При необходимости «мыслительное ядро» Киб можно было переключить с отсека управления на эту каюту. Всем остальным кольцо предлагало искусственную гравитацию на уровне лунной, что было полезно для здоровья и настроения.

Однако, судя по доносящейся перебранке, для восстановления хорошего настроения на корабле понадобится намного больше, чем искусственная гравитация.

Кирпич побежал вверх по наклонному полу. Несмотря на спешку, он хватался за скобы, расположенные справа, среди разноцветных трубопроводов, потому что если Киб врубит двигатель, вращение кольца будет автоматически остановлено. А ускорение превратит правую стену в потолок, а гладкую левую - в пол.

К моменту прибытия Кирпича аргументы перешли в угрозы.

Нахмуренный Мерк, нацепивший тяжелый комплект инструментов,

словно он собирался в экспедицию на свалку, держался одной рукой за трубу на стене. Мерк был фанатиком здорового образа жизни, и от одного взгляда на него Кирпичу начинало казаться, что сам он толст и слаб. Однако иногда его вид ободрял. Например, сейчас. В свободной руке Мерк держал шприц-нож, целясь в трех оставшихся послгов.

Грациозная и холодноглазая Чодон Йи в черном платье, расшитом красными драконами, все еще казалась ему не совсем реальной. Сюрреализм открывшейся ему картины усиливали передвижной аквариум Бога Шансов (чьи щупальца изображали математический символ «пустого множества») и дрейфующее паучье гнездо Винтергрю, чей отпрыск-переросток распялился на макушке газового пузыря и выглядел еще крупнее, чем прежде.

- Не могу их убедить, не могу и пырнуть ножом, - пояснил Мерк. Над его правой бровью четко выделялись шрамы от иксионских клыков.

- Капитан, будьте благоразумны, - заявил Винтергрю. - Мы ведь взрослые существа, а не только что отрезанные подростки.

- Я мог бы испытывать большее желание сотрудничать, если бы ваша заляпанная смазкой обезьяна не грозила нам ножом, - добавил Бог Шансов.

- Старший грузчик, - поправил Мерк. - Его старший грузчик грозит вам ножом.

- Обещаю, что никто из вас больше не будет работать в космосе, - пригрозила Йи.

Кирпич бросил в рот орешек бетеля, раскусил его. Он больше всего тревожился по поводу Бога Шансов и Винтергрю, а на конфликт пошла именно Йи. Он поискал внутри себя дипломатический тон, но до ближайшей любезности оказалось не меньше, чем от Солнца до Земли.

- Ваши превосходительства. Возможно, нам придется сражаться. И для вашей же безопасности необходимо, чтобы вы перешли в укрытие.

- Поздновато говорить о безопасности, когда вы позволили пиратам вцепиться нам в горло, - парировала Йи.

- Итак, если я уловил настроение группы, вы предпочли бы, чтобы мы процеживали собственные воды, Чин, - добавил Бог Шансов.

- Ведь вы задержали нашего коллегу, Вулчуглуриана Рогатнигока Говлакача? - спросил Винтергрю.

- Он... в безопасности, - ответил Кирпич и пробормотал: - Неужели я единственный, кто не в силах произнести его имени?

- Нет, - сказал Мерк. - Я называю его Волнистый.

- Не такое уж и трудное имя, - заметила Кинжал.

- Потому что ты на борту самая умная, - вздохнул Кирпич. - Раз уж мы об этом заговорили: ты выполнила мое последнее поручение?

- Выполнила, - ответила она, похлопывая по карману.

Кирпич кивнул. Потом сплюнул красный сок. К черту дипломатию!

- Ладно. Вам не нужна защита, и это ваше дело. Следующие жалобы адресуйте вакууму. А теперь вы войдете в свои каюты. Которые будут заперты.

- Абсурд!

- Да ни за что!

- Вряд ли такое...

Неожиданно Меза достала из плаща темный и поблескивающий лазерный пистолет:

- Вы слышали капитана?

- Тебе конец, капитан Чин! - пообещала Йи, когда ее вместе с коллегами вели к каютам. - Ты будешь вымалывать глоток кислорода на Лагранже... - Люки кают с лязгом закрылись.

Кирпич снял свой значок, настучал инструкцию и приложил значок к замку каждого люка. Вспыхнули красные лампочки, обозначающие приоритетную блокировку.

- Ну что, Меза? - спросил он, цепляя значок, как шериф в конце фильма. - Бог Шансов или Винтергрю?

- Кирпич... - медленно произнесла Меза, вглядываясь в сканер. - Это Йи.

Капитан машинально сунул в рот еще один орешек бетеля:

- Не понял?

- Если я верно истолковала показания сканера, то Йи - андроид, и в ее животе сидит инопланетянин. Она... оно... набито таким количеством инопланетной техники, что хватит на галактический инцидент. Посол Йи - иксионец, Кирпич.

Кирпич пялился на нее так долго, что сошел за неплохую имитацию эридца.

И тут включился двигатель.

* * *

Кирпича восхищало, насколько Кибернета уважает приказы. Он велел ей не беспокоиться об экипаже, и она действительно не стала беспокоиться.

«Восьмой шар» рванулся вперед, набирая тройное ускорение. Одновременно прекратилось вращение кольца. Резкое ускорение в направлении его бывшего вращения швырнуло капитана к левой стене. Кирпич держался за скобу, и его правую руку вывернуло. Он завопил от боли и услышал такие же крики товарищей.

Но могло быть и хуже - его хотя бы не швырнуло на первого помощника.

Он выпустил скобу и упал на то, что стало палубой. Лучше переждать разгон, лежа на спине. Глаза Кирпича вибрировали и слезились.

В значках экипажа прозвучал голос Кибернеты:

- Вы правильно догадались: на яхте заработало оборудование. Мы сматываемся во весь опор. Как вы там?

- Пережидаем лежа, - ответил Кирпич.

- У меня бывало и похуже... - вставил Мерк. Из-за шума в ушах Кирпич слышал его через значок яснее, чем через воздух.

- Кажется... палец сломала... - сообщила Меца.

- Ну, извини, - сказала Киб. - А у меня голова разболелась, хотя ее и нет.

- Я по тебе рыдаю, - отозвалась Меца.

- Капитан, - обратилась Киб, - я хотела бы слить часть воды из оболочки. Масса уменьшится, а снег может размыть наш профиль.

- Делай, - разрешил Кирпич. Так, защиты от космического излучения стало меньше. Что ж, он никогда не собирался заводить детей.

- Яхта слишком далеко, чтобы эффективно задеть ее выхлопом, - продолжила Кибернета. - Но мне она близко и не нужна. Ого, теперь это уже не яхта, а противник. Они стреляют. Похоже на ракеты. Пора включать творческое мышление.

- Я в тебе... - начал Кирпич и смолк.

Он увидел, как сперва один, а затем и два других люка пассажирских кают открылись.

- ...полностью уверен, - прохрипел он, увидев трех приближающихся к люкам инопланетян.

- Ты в порядке? - осведомилась Кибернета. - Голос у тебя немного странный.

- На этой палубе все в порядке, - ответил Кирпич, когда двое... нет, *трое* инопланетян выбрались из кают. Винтергрю перегрузки не причиняли видимых неудобств, хотя и он, и его молодь двигались медленнее, полагаясь на роботов-паучков, которые рассеялись по палубе и буксировали его газовый мешок за серебристые ниточки. Мобильный аквариум Бога Шансов при тройной силе тяжести двигался с заметным трудом, но все же перемещался в нужном ему направлении. А Чодон Йи, кажется, и вовсе не замечала ускорения. В ее походке даже появилась легкая пружинистость. - Ты уж поверь, - добавил Кирпич, - что никто не оценивал ситуацию на палубе столь тщательно, как я это делаю сейчас. Так что сосредоточься на двигателях. Конец связи.

- Спасибо, что освободила нас, - сказал Винтергрю, обращаясь к Йи.

- Какую игру ты ведешь, Йи? - добавил Бог Шансов.

- Я гость-сюрприз, - пояснила Йи тоном, подходящим для беседы во время пятичасового чаепития. - Иксионец в одежде дикаря.

Винтергрю (точнее, его переводчик) вздохнул.

- Признаюсь, я заподозрил, что ты не человек, - сказал он. - Но не мог сказать это с уверенностью, не имея должной аппаратуры.

- И я тоже, - подтвердил Бог Шансов. Его щупальца изобразили клыкастое червеобразное существо. - Должен признать, я удивлен, что ты оказалась иксионцем, Йи. Все вы, дышащие воздухом обитатели теплых миров, ядовиты, но иксионцы воняют хуже остальных. Ты что, съела оригинал?

- На Земле съедобны только растения, - ответил иксионец. - Нет, незадолго до отлета «Восьмого шара» с исходной Йи произошел незапланированный несчастный случай... И не смотри на меня так, живущий во льду. Я знаю эмоциональные оттенки семи видов, но я не убийца, а всего лишь оппортунист. И хотя я с удовольствием играл роль Йи, на этот особый пир я попал случайно.

- Зная о враждебности иксионцев к нашей Выставке, мне трудно в такое поверить, - сказал Винтергрю.

- Мне тоже, - поддакнул Бог Шансов.

- Вы, орканцы, сами не очень-то восторгаетесь Выставкой, - улыбнулась Йи.

- Мы, во всяком случае, в игре. - Бог Шансов изобразил щупальцами карикатуру на Йи, а затем на вылезающего из нее иксионца, похожего на зубастый восклицательный знак. - И никто из нас никогда не стал бы прятаться, как это сделало одно из чешуйчатых ходячих деревьев.

- Эй! - рявкнул Кирпич. - Мы что, невидимки?

Винтергрю изобразил смешок. Красные надписи на его газовом мешке замелькали быстрее. Он немного покачнулся.

- В чем-то он прав. Коллеги, независимо от целей каждого из нас, давайте обсудим их наедине - в отсеке управления. В конце концов, судьба этой летающей смертельной ловушки может удостоиться нашего внимания.

- Моя нынешняя форма неуязвима даже для атомного оружия малой мощности, - заявила Йи. - Я ничего не боюсь.

Бог Шансов усмехнулся, всплеснув воду в своем аквариуме:

- Не выпендривайся. Не хватало нам устраивать состязание, чья телесная оболочка круче. Я поддерживаю предложение коллеги.

- Вот и прекрасно, - согласилась Йи. - А то я уже испытываю сильное желание наступить на кое-какие низшие формы жизни...

И, словно наличие кворума избавило их от необходимости изображать любезность по отношению к туземцам, троица направилась к лестнице.

- Стойте! - прохрипел Кирпич. - Где книга, Йи?

- О чем бы ты ни говорил, Чин, - ответил иксионец, скрываясь за поворотом, - я понятия об этом не имею.

Кирпич зарычал и пополз следом за инопланетянами, волоча правую руку, потом рухнул на палубу. Ребра нестерпимо болели. Он постучал по значку:

- Киб, к тебе гости...

- Будто я не знаю, - ответила она. - Ракеты почти долетели.

Держитесь, сейчас выстрелю из лазера. - Освещение на миг потускнело, и Кирпич ощутил новую вибрацию палубы. - Одна готова. Но вторая приближается... приготовьтесь к более сильному ускорению.

Кирпич сдался и перекатился на спину. И это спасло его от серьезных ранений, когда Киб снова включила разгон.

Кирпич потерял сознание.

* * *

С пагодами по краям, окруженное сливовыми деревьями, поместье увенчивало островок в Эллинском море. Островок был искусственным - коралловая матрица, окутывающая обломки колониального посадочного модуля. Когда-то Чин служил на его борту. Его богатые потомки считали это место священным. И фундамент поместья они заложили вручную.

Прозвище Гесара Чина было не случайным. Его семья чтит свою историю, и какое-то время они, как и все ранние марсиане, были каменщиками.

Уже очень давно Чин здесь не рыбачил. Он наслаждался плеском воды под причалом, радужным блеском чешуи местной форели, страницами голографической книги над удилицем. Многие годы рейсов и анабиозов вырвали его из потока жизни, но родственники понимали, что, если бы не Кирпич, то поместье оказалось бы продано с аукциона в тяжелые времена, два столетия назад. Они называли его *гун-гун* - уважаемый старейшина и никогда не упоминали о контрабанде. И все же он был здесь почти чужаком. Больше всего он ощущал себя дома, когда сидел на причале.

И был почти счастлив увидеть в небе искорку правительственного челнока.

Специалист программы музеев и объектов культуры Вигнесс был землянином, высоким блондином-норвежцем, и гордился размерами своего тела. Подходя, он подчеркивал его, топая ботинками из искусственной кожи. Кирпич вспомнил руки Вигнесса на горле бывшего партнера.

- Вы обдумали предложение? - напрямик спросил Вигнесс.

- Слишком горячо, - ответил Кирпич, переходя на старинный жаргон. - Кто-нибудь может начать свою игру.

- Даже техника людей способна засечь пирата на расстоянии месяцев полета. Не волнуйтесь, Кирпич. Я не шлю вас на гибель. В холодной пустыне Койпера бурь не бывает.

- Слишком горячо.

Внезапно раскрытая перед Кирпичом голографическая книга «Мичман Хорнбловвер» наполнилась снегом статики. Она стала меняться,

вырастая до огромных размеров. Теперь перед ним был лист золотисто-коричневого пергамента, иллюстрации на котором напоминали фотоальбом семейства ангелов. В рамке из потрясающего кельтского орнамента пылали четыре портрета. В левом верхнем углу находились крылатый человек и три крылатых животных: лев, телец и орел.

- Лист двадцать седьмой, левая сторона, - пояснил Вигнесс. - Узрите символы евангелистов - Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Оцените утонченность линий и красок. Ощутите страсть библиофила.

- Хватит, - попросил Кирпич.

- Хорошо, - согласился Вигнесс, и замелькали новые страницы «Келлской книги».

Кирпич увидел строки темного округлого текста, заглавные буквы которого взрывались красками наподобие павлинов или фруктовых деревьев, портрет евангелиста Иоанна, столь же великолепный, как портрет любого монарха, но с книгой в руке вместо меча, и водоворот цветов на других страницах, притягивающий взгляд Кирпича столь же неумолимо, как и мандалы его собственной культурной традиции. Изощренность этих иллюстраций свидетельствовала о такой преданности своему делу, словно монахи писали эти страницы своей кровью.

- Хватит! - взмолился Кирпич. Во рту у него пересохло. Он невольно прикрыл глаза ладонями, точно заслоняясь от солнца.

Большинство марсиан стремилось к буддистской отстраненности от мира, но они обожали бумажные книги. Возможно, то была историческая причуда, порожденная культурой апостольских посланий на Землю, тибетским уважением к учености, дороговизной производства компьютеров на Марсе, относительной легкостью выращивания растений в куполах, где в воздухе было много углекислоты... или просто ностальгией. Кирпич тоже попался на эту наживку, но и извлекал из нее выгоду.

- Все триумфы нашего вида, - сказал Вигнесс, словно проникнув в сознание Кирпича, - и все его отчаяние... без воспоминаний они не стоят ничего. И ничто не говорит о воспоминаниях так, как написанное слово.

Кирпич облизнул губы:

- Вы настолько уверены в том, что я исправился?

Вигнесс усмехнулся.

В Эллинском море плескалась позабытая рыба.

* * *

...Пробуждение.

- Ладно, - говорил Мерк кому-то очень далекому, - готов признать, что в худшие переделки я еще не попадал.

- Кирпич, - вонзился в него голос Мезы, - очнись.

Глаза и грудь Кирпича болели. К тому же он еще и обмочился. Он открыл глаза, но увидел не образ евангелиста, а Мезу. Стало отчетливее лицо его первого помощника, но не свои образы. Что же ему приснилось? Или привиделось? Воспоминания были расплывчатыми, как рыба под водой. Но он был нужен своему экипажу.

Все трое дрейфовали в полутемном коридоре кольца. Лампочки в нишах излучали тускловатый зеленый свет. Вокруг Кирпича плавало облачко темных орешков бетеля. Двигатель не работал, поэтому веса из-за ускорения не было и кольцо не возобновило вращение.

Кирпич постучал по очкам. Корабельная локальная сеть не отозвалась. Но все же он смог включить ночное зрение - серовато-белую картинку, пронизанную голубыми контурными линиями окружающих его предметов, воссозданных из корабельных спецификаций.

- Я припоминаю оглушительный удар, - сказал Мерк. Неподалеку дрейфовала его сумка с инструментами, сброшенная во время разгона - возможно, это решение сохранило ему позвоночник.

- Невзорвавшаяся ракета? - предположила Меза, окутанная развевающимся плащом.

- Тогда удар был бы сильнее, - возразил Кирпич, - а я в такое везение не верю.

- Электромагнитный импульс? - высказал догадку Мерк.

Кирпич проверил дозиметр в своем значке - уровень радиации был нормальным.

- Вряд ли. Киб?

- Не смог с ней связаться, - сообщил Мерк.

Кирпич попробовал сам, но безрезультатно.

- Если она пострадала...

Он поймал орешек бетеля, бросил его, поморщился от боли в раненой правой руке. Однако ему требовалась точность, поэтому он бросил еще один орешек. Импульс броска подтолкнул его к потолку. Кинжал и Мерк последовали за ним, воспользовавшись струйками воздуха от ножей.

- Я проверю медицинский отсек, - сказал Кирпич. - А вы общитесь каюты инопланетян.

- Что искать? - спросил Мерк.

- Я объясню, - ответила Меза.

Кирпич по-обезьяньи добрался до медицинского отсека. Аварийное электропитание там работало. Поблескивали белые поверхности, в том числе и шар с перемигивающимися огоньками с табличкой ПИЛОТ КИБЕРНЕТА.

Кирпич постучал по очкам и включил связь по узкому лучу.

- Ты там?

- Здесь, Кирпич... - пробежал в очках текстовый ответ. - Что случилось?..

- Электропитание вырубилось. Ты в медицинском.

- Хакер-робот... во второй ракете был хакбот... я смогла ее сжечь... спалила при этом и часть обшивки... но он отключил меня от управления кораблем. Думаю, он приказал накачать меня транквилизаторами... и я теперь в принудительном отпуске по болезни.

- Она добавила к тексту зеленую рожицу-смайлик, которая подмигивала и высывала язык.

- Ненавижу смайлики. И хакботы. Ладно, я вывожу тебя из спячки. Мы идем в отсек управления и подключим тебя снова.

- Спасибо... Капитан, должна предупредить, что нам с ними не справиться... там не «Орел»... профиль совпадает с «Пятью фатомами», он построен в человеческом анклав на Кваваре по заказу анонимного клиента... на борту десятки ракет... может быть, нам конец, но я пойду на дно, сражаясь... после того что ты для меня сделал...

И тут перед его глазами мелькнуло другое сообщение:

Отец твой спит на дне морском.

Кораллом стали кости в нем^{*15}.

- «Два перла там, где взор сиял...» - продолжил вслух Кирпич.

- Капитан?

- Все в порядке, Киб. Это я так, в старость впадаю.

Его таинственный сигнальщик все еще был здесь. Это или кто-то на борту, или глубоко закопавшийся вирус.

- А ты впала в слезливую сентиментальность, - продолжил Кирпич. - Из-за транквилизаторов. Держись. - Он прервал связь и поработал с медицинской панелью. - Ладно, таинственный предсказатель, - пробормотал он, - если тебе есть, что сказать, то выкладывай.

Ответа он не дождался.

«Предвещает пургу над морем висящая муть», - подумал Кирпич и вернулся к остальным. Они рылись в каютах Винтергрю и Бога Шансов, уже покончив с обыском каюты Йи. Кирпич передал им слова Киб.

- Она жива, - сказал он. - Но нам нужно ее подключить.

- Здесь ничего нет, - сказала Кинжал.

- Где инопланетяне? - спросил Мерк.

- Они вовсе не одна большая и счастливая семья, - задумчиво пробормотал Кирпич. - Они должны подозревать друг друга, как и мы

¹⁵ * Здесь и далее приводятся цитаты из пьесы Шекспира «Буря» (перев. Т.Л.Щепкиной-Куперник). В оригинале данная фраза звучит так: «Full fathom five thy Father lies, Of his bones are Corral made...» Отсюда и название корабля «Пять фатомов» (Full Fathom Five).

подозреваем их. Это дает нам простор для переговоров, жульничества...

- Или первобытного бормотания и острых камней, - вставил Мерк.

- Для этого тоже. Но сперва я хочу повидаться с эридцем. Он болтал немало чепухи, пока я его не вырубил, но ведь именно он предупредил меня о «зле за человеческими лицами». Пожалуй, стоило к нему прислушаться.

- Кирпич, - пробормотала Меза, - я тобой горжусь.

- Ты с этим поосторожнее, - предупредил Кирпич.

- Что еще он сказал? - поинтересовался Мерк.

- Ну, об этом я хотел спросить тебя, Мерк. Не хочу совать нос не в свое дело, но я знаю, что ты когда-то был связан с культом. Это были Ночные Читатели?

Мерк нахмурился, и его гнев был очевиден даже в ночном зрении:

- Ты думаешь, что я к этому причастен, капитан?

Кирпич невольно взглянул на пояс с инструментами, который Мерк надел снова. Потом его глаза машинально переместились на плащ Мезы. И там, и там хватает места что-либо спрятать. Он был рад, что очки скрывают его глаза.

- У каждого из нас есть прошлое, - сказал Кирпич. - Вам нет нужды читать между строк, чтобы узнать, что я когда-то был контрабандистом. А эта книга - как раз то, что я стал бы перевозить. В мечтах, во всяком случае. Киб когда-то была рабыней «загруженной» сволочи - может быть, той самой, которая сейчас нас догоняет. Ты, Кинжал, выросла в отвратительном месте - отчасти благодаря нашим приятелям гвай ло. Возможно, ты была бы не прочь погубить их Выставку.

- Должна признать, в чем-то ты прав, капитан, - сказала Кинжал.

- А прав я в том, что если я не могу доверять своему экипажу, то мне конец - такой же, как если бы «Восьмой шар» упал в черную дыру. Мы все очень разные, и иногда всё, что у нас есть - это только мы сами. Я требую от вас поверить контрабандисту, так будь я проклят, если не стану доверять вам. Я тебя не подозреваю, Мерк. Я надеюсь на одно: ты знаешь нечто такое, что может стать для меня зацепкой. Посол Вулч - Ночной Читатель. Что он здесь делает?

Мерк кивнул:

- Хорошо, капитан. Так вот, я не был одним из них. Это по большей части инопланетянские штучки. Но мы иногда имели дело с Ночными Читателями, в те времена, когда я тусовался с моддерами.

- Моддерами? - спросила Меза. - Этими мошенниками, модификаторами генов?

Мерк усмехнулся:

- Не все так просто. Я имел в виду «Церковь Христа-модератора».

- А-а, эти, - кивнула Меза. - Они верят, что реальность - это симуляция, верно? А Иисус был кем-то вроде системного

администратора высокого уровня?

- Почти в точку, - сказал Мерк. - Вселенная - это программный код, слово породило плоть, и тому подобное. Впрочем, я не углублялся в их учение. Была среди них одна девушка... короче, однажды мы потолковали с группой Ночных Читателей, потому что у нас был общий враг, евангелисты энтропии.

- Хм-м-м, - буркнул Кирпич. - А эти евангелисты не связаны как-то со словожорами?

- Словожорами? Конечно! Давненько я этого определения не слышал... Инопланетяне плели разные небылицы. Какую-то фигню про мертвых богов космоса, ждущих дня, когда они оживут и все сожрут. И еще разный бред собачий. Мол, они могут посылать сны своим прислужникам, евангелистам энтропии, а те крадут для них хабар.

- Какого рода хабар? - уточнила Кинжал.

- Они любят казнить важные тексты. Типа, принося их в жертву. Они их сжигают, рвут или буквально съедают. Они запустили компьютерный вирус, чтобы отыскать все копии «Leet ньюз»^{*16}...

Кирпич выдохнул:

- Да. Думаю, я все понял. Пираты - евангелисты энтропии.

- Это может объяснить, почему они довольно мягко с нами обошлись, - заметила Меза.

- Точно, - согласился Кирпич. - Им нужен не всякий наш груз, и они не хотят нас уничтожать. Им нужна книга. А книга уже пропала, значит, кто-то на борту работает на них.

- Я и сейчас думаю, что это Йи, - сказала Кинжал. - Чтобы вскрыть криптофутляр, нужны супертехнологии, а ее андроидное тело - самая крутая техника на борту.

- Я в этом не столь уверен, - возразил Мерк. - Если сообщник работает на инопланетное правительство, тогда я согласен. Но если тут замешан культ? Кто знает, какие трюки у них припасены? Или какие у них союзники?

- Ты что, в это веришь? - усмехнулась Кинжал. - В мертвых богов космоса?

- Ночные Читатели верят.

- Хватит, - прервал их Кирпич. - Сейчас мы лишь ходим кругами в темноте. Мне надо поговорить с Вулчем. С этого момента будем держаться вместе. Не хочу, чтобы в моем корабле завелся призрак

¹⁶ * *Leet (1337) - распространившийся в Интернете стиль употребления английского языка. Основные отличия - замена латинских букв на похожие цифры и символы, имитация и пародия на ошибки, характерные для быстрого набора текста, имитация жаргона хакеров и геймеров, добавление окончания «x0r» к словам. Используется в основном в письменном виде, некоторые слова не имеют определенного произношения.*

кого-то из вас.

- Ты же атеист, капитан, - заметила Меза.

- А это здесь при чем?

- А при том, что вы оба в драке легковесы, - пояснила Меза. - Помните тот бар на Титане?

- Еще как помню, - ухмыльнулся Мерк. - Я прикрыл ваши задницы, друзья. С собой прикрыл...

- Так, придется написать приказ по кораблю насчет уважения к капитану, - пригрозил Кирпич.

Дружеская перебранка ободряла, а при остановленном кольце добраться до осевой лестницы было легче. Темнота стала бы более серьезной помехой, но у Кирпича имелись очки, Кинжал выросла в невесомости, а Мерк мог перемещаться по кораблю пьяный и с завязанными глазами - Кирпич знал это после очередного техобслуживания. Они справятся.

Когда они спускались, какая-то тень мелькнула над ними справа налево и принялась торопливо удирать вверх по оси корабля, к носу. Извиваясь, она приближалась к шлюзу.

- Эридец... - бросила Кинжал.

- Быстрее за ним, - приказал Кирпич.

Они стали «взбираться», или другими словами «погружаться». Возле открытого люка в каюту Кирпича наткнулись на шарики чего-то темного и липкого - кровь инопланетянина? Они заляпали очки Кирпича. Тот прищурился, глядя мимо пятен и отказываясь пройти этот импровизированный тест Роршаха.

Добравшись до верха, Кинжал нажала кодовые кнопки и распахнула люк, ведущий в нишу шлюза. Тот находился на одной палубе с отсеком астронавигации. Через шлюз можно было выбраться на внешнюю поверхность корабля по второму пути, параллельно рыболовному пузырю. Люк шлюза оказался заперт.

Из окошка шлюза на них смотрели фасеточные глаза Вулча.

Кирпич подергал люк. Тот был заблокирован изнутри. Чтобы отключить блокировку, требовалось подключение к корабельной сети.

- Вулч! Мы знаем, что ты - Ночной Читатель. Давай потолкуем.

Пока Кирпич говорил, Мерк снял крышку кнопочной панели и стал ковыряться в проводах.

Клюв Вулча задвигался. Кирпич прижался ухом к стеклу.

- Сейчас ты будешь молчать и слушать, - услышал он каркающий голос Вулча. - Твой враг - евангелист энтропии, который мечтает о космических Темных Веках, когда все яркие звезды умрут. Тогда во Вселенной тусклых красных солнц большинство галактик навсегда уйдет за темный горизонт, а космос остынет. Новые силы природы спонтанно вырвутся из тех, что известны нам сейчас - подобно тому, как нынешние силы отделились от первородного жара вселенского

рассвета. Появятся силы, которые ты назвал бы сверхъестественными. В ту эпоху вера, любовь и память обретут физическую силу - равно как и страх, ненависть и отчаяние. И тогда внутри темных комет пробудятся словожоры - дабы только набрасываться и пожирать.

Когда Вулч расхохотался, его слова начинали оказывать легкое гипнотическое действие. Кирпич моргнул:

- Погоди. Повтори-ка. Книга...

- Молчи! Когда словожоры пробудятся, они убьют отвергнутых и сожрут тех, к кому благосклонны.

- А есть третий вариант выбора?

- Нет. «Пожирание» - эта метафора поглощения в жизненный процесс словожоров. Они не выносят саму идею другой разумной жизни. Они заявляют, что были первыми, и стремятся стать последними. Их раса возникла благодаря счастливой случайности еще на заре Космоса, когда необычное завихрение расширяющейся Вселенной породило облако тяжелых элементов - но не так, как они позднее синтезировались в звездах. Это было необычно по сравнению с общей схемой зарождения, но породило одинокий газовый гигант и несколько лун вокруг него. На одной из таких лун приливные силы разогрели ее недра, и там, в ледяном океане под беззвездной космической бездной, появились словожоры. Они разгадали многие секреты мироздания и предсказали возникновение звезд и другой разумной жизни. Впав в ярость, они разработали планы и спрятались, дожидаясь грядущих Темных Веков. Намеки на это будущее и измененную в нем расстановку сил пронесли рябью вспять сквозь время, коснувшись их слуг, евангелистов энтропии. Евангелисты стремятся ослабить другие виды разумных существ и усилить своих хозяев, уничтожая сосуды памяти.

«Без памяти ничто из этого не стоит и гроша...» - подумал Кирпич. Кто же это сказал?

- Они съели множество сокровищ, - продолжил Вулч. - Я знал мир, где пустыни украшали надписи из стекла - огромные слова возвышались наподобие сияющих холмов, и установили их те, кто принес жизнь на ту планету. Евангелисты кристаллического вида сожрали «Заповедь жизни», как огонь, поглощающий фитиль. Я видел мир коллективных разумов, где целые племенные гнезда представляли собой живые тексты. Евангелисты из вида с газовыми мешками распылили феромоны безумия в «Гнезде девяти миллионов воспоминаний», рассеяв их по ветру. Я созерцал далекую звезду, украшенную поэмами из солнечных пятен. Евангелисты плазменного вида...

- Довольно, - прервал его Кирпич. - Я все понял. Книгу украд религиозный псих. Наверное, они хотят переправить ее на борт пиратского корабля, где ее ждет милый ритуальчик с органной музыкой

и взрывчаткой. Но кто?..

- Нет, капитан. У них пока еще нет книги...

- Ага, - удовлетворенно произнес Мерк. Люк приоткрылся.

Кирпич пережил момент смущения, подглядывая в щелку, и успел заметить какие-то быстрые движения...

И Вулч что-то сделал, вытянул щупальца...

Невидимый предмет шмякнул Кирпича по лицу. Нечто плоское, твердое, но странно упругое. Кирпич упал.

Надо было пустить вперед Мезу...

Дальний люк распахнулся. Внутрь хлынула вода.

И, словно чтобы добавить к физическому воздействию еще и оскорбление, в его очках появилось сообщение:

*Он не исчез и не пропал,
Но пышно, чудно превращен
В сокровища морские он.*

«Превращен...» - подумал Кирпич, когда его накрыло волной, для убедительности добавив жест, одолженный у Бога Шансов. На этот раз он врезался в Мезу.

Они упали в осевую шахту, хватаясь за скобы на стенах. Над ними, в нише перед шлюзом, с шипением вспыхивали электрические разряды. Лязгнул внутренний люк - Мерк сумел его закрыть.

- Немного не вовремя, Мерк... но ты отлично справился! А теперь... Мерк?

- Проклятье, - бросила Меза, метнувшись вверх.

Мерка били конвульсии - его ударило током. Глаза у него закатились, а Меза баюкала его. Он напоминал жертву чумы в руках монаха нищенствующего ордена.

- Его сердце... - заговорила она.

- Тащи его в медицинский отсек. - Аптечки у них не было, а искусственное дыхание в невесомости делать проблематично. К тому же Кирпич помочь ей не сможет.

- Я тебе нужна.

- Сам справлюсь. Кажется, я знаю, кто за всем этим стоит. Иди!

Она уже тащила Мерка. Позади нее дрейфовал ее лазерный пистолет.

- Возьми его! - бросила она через плечо. - Удачи!

Она метнулась вперед, обхватив грудь Мерка сзади и ритмично ее сжимая.

«Удачи тебе», - подумал Кирпич.

- А вот теперь ты разозлила старого марсианского рыбака, - заявил он Вселенной и схватил пистолет.

Прежде чем начать действовать, он поднял очки. Предметы из серых и четких стали цветными и расплывчатыми. Он представил жутких космических монстров такими, как их изображали средневековые монахи, - поспешно убегающими и просачивающимися через границы его неясного зрения. Он избавился от них, поймав водяной шар и протерев им пятна на очках, которые оказались зелеными с желтыми крапинками.

Ну вот, более или менее чисто. Он направился в рубку управления.

Но по пути, поддавшись внезапному порыву, заглянул в свою каюту. Там он обнаружил кувыркающийся в воздухе свой нож-шприц. Он поймал его и нахмурился, разглядывая пятна на лезвии.

Снова нацепив очки, он моргнул.

Естественным зрением Кирпич различал на стали два вида инопланетянской крови.

Одна была пурпурной - кровь Вулча.

Вторая оказалась такой же зеленой, с желтыми крапинками вязкой массой, что заляпала ему очки в шахте.

Посмотрев некоторое время на эту странную палитру, он сунул нож в ножны и опустил на нос очки.

Бог может быть недоволен, - успел прочитать он быстро исчезнувшее сообщение.

- Пусть сам с собой разбирается, - буркнул Кирпич и двинулся дальше.

Отсек управления напоминал небольшую операционную со столами для трех пациентов. В реальности столы были противоперегрузочными креслами, а то, что непосвященные могли принять за хирургические инструменты, являлось панелями управления, вмонтированными в подвижные подлокотники.

Представители Великих Держав стояли за этими креслами, лениво рассматривая панели управления. Йи встретила Кирпича холодной улыбкой. Щупальца Бога Шансов изобразили гротескную человеческую улыбку. Винтергрю дрейфовал, пока несколько его отпрысков, спустившись на кресло, привязывали к нему шелковыми нитями газовый мешок родителя. Сам же родитель развернулся так, чтобы смотреть на экран, условно находящийся «над головой».

На половинках экрана виднелись два изображения. На правой выросал Квавар - темный, ледяной, щербатый от кратеров, но все же поблескивающий рассеянными огоньками. На левой звездное поле рассекал трехкрылый корабль.

- Ваши приятели? - Кирпич ткнул пистолетом в сторону экрана. Йи пожала плечами. Щупальца Бога Шансов изобразили человечка с поднятыми руками - мол, сдаюсь.

- Мы могли бы спросить то же самое, - заявил Винтергрю.

Кирпич потянулся к панели управления возле кварца, подавив

невольную дрожь от приближения к тому, что смотрелось огромным паучьим гнездом. Он вцепился в панель, будто в спасательный плот. Маленькие десятиногие существа принялись наблюдать за тем, как он общается с панелью. Кирпич приказал Киб вернуться к своим обязанностям, но на это уйдет какое-то время. А пока он получил доступ к вспомогательным функциям, вроде люков и связи.

Ладно. Можно начинать. Сейчас ему предстояло нырнуть в глубину и действовать, полагаясь на догадки и предположения.

- Вигнесс, - сказал он, включив связь с «Пятью фатомами», - я не хочу эту работу.

- Кирпич! - слышался в ответ голос специалиста программы музеев и объектов культуры. - Как ты догадался?

- *Берегись орла*. Это сообщение не давало мне покоя. Потом я вспомнил. Для писцов, которые сделали книгу, автор каждого евангелия имел свой символ. Для Иоанна символом был орел, а мы везем его евангелие. А «берегись» значило, что мне вообще не следовало браться за эту работу. Ты меня дразнил. Я прав?

- То была моя шуточка, - признал Вигнесс. - Кроме всего прочего, на сообщение в твоих очках меня вдохновила старинная «мусорная почта», спам. Мой вирус играл словами, которые служили для тебя намеками, мутили воду, заставляли шарахаться от любой тени. Я хотел сбить тебя с толку. Но то первое сообщение было моим. Я предположил, что ты не поймешь его смысл и решишь, что «орел» - это мой корабль. Или даже эридский, если учесть твои предрассудки. Хорошее получилось шоу. Ты не настолько тупой, как я полагал.

- Как ты здесь оказался? - нахмурился Кирпич.

- Самым быстрым из всех возможных способов - меня переслали по лучу света.

- Ты стал «загруженным».

- Совершенно верно. Мои хозяева могут сделать человека богатым, Кирпич. И я стану еще богаче, когда доставлю им криптофутляр.

- Так, как доставил меня.

- Ты не очень внимательно слушал меня тогда, на Марсе, иначе воспринял бы мои намеки. Вот я и решил - пусть будет то, что будет. Мой челнок имел аппаратуру для электронного проникновения. И пока ты отвлекся на разглядывание голографической картинки, я оставил в твоих очках кое-какие сюрпризы - так глубоко, что стереть их ты не смог. А раздобыть технические спецификации твоего корабля было несложно. Я знаю твой корабль, Кирпич. У тебя нет никаких шансов. И если не хочешь, чтобы его взорванные обломки плавали в космосе, держи прежний курс, пока я выравниваю наши скорости, а потом передай мне футляр с книгой.

- И что меня ждет после этого.

- Ну, если бы не твоя прежняя жизнь контрабандиста, ты, наверное,

смог бы объяснить утрату книги. А так... ты всегда сможешь затеряться в поясе Койпера. Я даже сумею тебе помочь. Я знаю кое-каких людей, и людей, которые не люди.

Кирпич покосился на инопланетян:

- Кстати, о людях, которые не люди... Кто твой сообщник на моем корабле? Кварарец? Орканец? Иксионец?

- Какой еще иксионец? - искренне не понял Вигнесс.

- Это долгая история.

- Ты увливаешь, Кирпич. Передай мне футляр, и делу конец.

- Дай тупому рыбаку немного подумать. Ради нашей старой дружбы.

- Всего несколько минут, Кирпич. Конец связи.

- У тебя трудно перевариваемая проблема, - заметил Йи-иксионец.

- Другими словами, тебя надули, - добавил орканец Бог Шансов.

- Ситуация затруднительная, - сказал кварарец Винтергрю. - Я симпатизирую. Сохранишь ли ты свой корабль, отдав сокровище?

- Ваш народ хотел увидеть эту книгу на выставке, Винтергрю, - ответил Кирпич. - Что вы скажете?

Паучки забегали, красные буквы появились на газовом мешке, как кровь на снегу:

- Вы видите в нас эксплуататоров, капитан Чин, не так ли? И все же мы надеялись, что эта выставка повысит гордость вашего народа, когда ваши творения окажутся выставлены рядом с произведениями колонистов из пояса Койпера.

- Так исключите нас из числа участников.

- Мы уважаем вашу независимость, капитан. В противном случае мы захватили бы всю вашу систему. И это сражение вести только вам.

Кирпич медленно вдохнул. Гнев сделает его глупцом. И он мысленно перенесся на Марс, чтобы снова ловить рыбу на семейном причале.

Он должен быть терпеливым, как рыбак. У него еще остается шанс вытащить рыбу из воды.

Воды... Он представил темные моря на ледяной планете, и еще более холодные мысли ее древних обитателей. Подумал о зверинце маленьких существ среди рисунков в «Келлской книге», переплетенных в ее орнаменте, словно прижавшихся друг к другу из страха перед тьмой. Если Вулч прав, все гвай ло и люди в глазах словожоров выглядят так же. Крошечные и хрупкие. Все на одной странице. И ждут превращения, по словам Шекспира, пышного и чудного.

- Верно, иногда всё, что у нас есть - это только мы сами.

- Я снизойду до совета, - заявила Йи. - Ты можешь поместить футляр в водяную оболочку, как пустой кокон. Потом сбросить воду в космос. Это на некоторое время задержит Вигнесса.

Щупальца Бога Шансов изобразили пару игральные кости:

- Интересная игра!

- Мы будем сожалеть о потере книги, но эта тактика может вас спасти,

- сказал Винтергрю.

Кирпич набрал команду на панели управления.

- Это интересно, - сказал Винтергрю. - Зачем вы открываете внутренний люк шлюза?

- Ты принимаешь мой совет, Чин? - удивилась Йи. - Это удивительно мудро.

- Но преждевременно, - заметил Винтергрю. - Вы не переместили шлюз к наружному корпусу, капитан. Вода польется внутрь корабля. Может быть, вы немного не в себе?

Кирпич включил внутрикорабельную связь и вывел ее на динамики.

- Меза, как там Мерк?

- Стабилен, - с облегчением отозвалась Меза. - Сердцебиение восстановилось. Когда он очнется, то решит, что по нему прокатился наш корабль, но жить будет.

Кирпич медленно выдохнул. Первая хорошая новость.

- Спасибо. А сейчас хочу попросить тебя еще кое о чем, первый помощник. Ты наверняка покрыта той зеленой слизью, что летала в моей каюте и в шахте. У тебя там есть лаборатория. И ты, наверное, умнее всех на борту. Можешь сделать быстрый анализ?

- Конечно, - отозвалась Меза без тени сомнения.

- Я рад, что ваша смазочная обезьяна будет жить, - сказал Бог Шансов, - но что это за «слизь»?

- Старший грузчик, - поправил Кирпич. - Мой старший грузчик будет жить. И давайте кое над чем поразмыслим. Мой старый приятель за бортом чрезвычайно настойчиво предлагает отдать ему криптофутляр. Заметьте, не *книгу*, а *футляр*. Словно умоляет меня кого-то надуть...

Взревел клаксон.

Кирпич уставился на экран, который автоматически превратился в триптих. Между гладким шаром Квавара и острым клином «Пяти фатомов» он увидел нечто, похожее на огромную хрустальную сосульку, переливающуюся всеми оттенками зеленого, синего и фиолетового и выбрасывающую перед собой конус реактивного выхлопа.

Сердце Кирпича заколотилось. Этот монстр размером с Новую Лхасу мог прихлопнуть «Восьмой шар» одним холодным взглядом.

- Орканский боевой корабль? - удивился Винтергрю. - Здесь? Вы действительно готовы пойти на риск конфликта с Кваваром?

- Жизнь - игра, - ответил Бог Шансов, изображая щупальцами колоду карт.

Кирпич взглянул на панель:

- Они не подают сигналов.

- Таких, какие ты можешь детектировать, - поправила Йи.

Кирпич взглянул на Бога Шансов, странное анемоподобное существо с ледяной луны возле далекой звезды, столь похожей на мир

словожоров...

«Дыши глубже, Кирпич. Держи себя в руках».

- Есть результат, - сообщила Меза. - Это зеленое вещество - содержимое желудка иксионца. Похоже, он съел какую-то обработанную говядину со странной приправой...

- Насчет странного - подробнее.

- Ну, там есть чернильные орешки, аурипигмент, ляпис-лазурь...

- Спасибо. - Кирпич повернулся к Йи и поднял лазерный пистолет.

- К тебе летит орканский крейсер, а ты беспокоишься обо мне? - усмехнулась Йи. - Неужели мой завтрак был настолько оскорбителен?

- Об этом тебе судить. Но сперва повтори то, что ты только что сказала. Ты настойчиво предлагала поместить *футляр* в водную оболочку корабля, чтобы я мог смыть *книгу* Вигнессу. Так может быть, ты знала, кто действительно похитил книгу и где он находился... Вулч, вы уже снова в корабле?

В ответ послышалось утвердительное карканье.

- Идите в отсек управления. Все будет в порядке.

Кирпич запер все шлюзы и теперь держал палец на красном переключателе слива водяной оболочки.

- Перегрузки повредили тебе не только глаза, капитан Чин, - заявила Йи. - В чем бы ты меня ни обвинял, моя наружная оболочка защищает от лазерных лучей, метательных снарядов...

Кирпич увидел, как открытый люк заполняет расплывчатый силуэт Вулча. Он кивнул Ночному Читателю.

Вулч достал что-то из набрюшной сумки, нечто мерцающее и прозрачное, недавно шлепнувшее его по лицу... нечто, что его зрение не смогло опознать.

Точнее, не его зрение, а компьютерный генератор изображений в его зараженных вирусом очках.

«Бойтесь эридцев, дары приносящих», - предупреждала вирусная программа Вигнесса. Но сейчас Кирпич знал, что такие сообщения нужно игнорировать.

- А как насчет знаменитого иксионского несварения желудка? - поинтересовался он, зажимая панель управления между коленей и протягивая Вулчу левую ладонь.

Вулч угадал его гамбит и бросил невидимый предмет. Кирпич поймал его. Судя по весу и размерам, это был широкий и плоский блок. Он метнул его в Йи:

- Помнишь это?

Йи стошнило.

Между пуговицами ее платья запузыривлась зеленая слизь. Глаза Кирпича удивленно распахнулись, когда давление раздвинуло ткань и он увидел пупок ее андроидного тела, где скалился окаймленный зубами рот.

Само же тело продолжало невозмутимо стоять, все еще улыбаясь, пока настоящий рот извергал комки зеленой слизи.

Кирпич выстрелил в пасть. Правая рука у него еще болела, но он поддерживал луч в фокусе.

Тело андроида в этом месте потемнело, поглощая энергию, насколько могло, но изнутри накатила резкая вонь. В конце концов, Кирпичу пришлось отпустить спусковой крючок и дать отдых пальцам.

Вулч быстро оказался между Йи и Кирпичом. Два других инопланетянина, глядя паучьими глазками и щупальцами, уставились на неподвижного коллегу-соперника.

- Время кончилось, Кирпич, - сообщило радио голосом Вигнесса.

Все еще улыбаясь, Йи ровным голосом произнесла:

- Они убили меня, Вигнесс. Наш план раскрыт. Уничтожь нас.

- Пилот на связи, - раздался голос Киб. - Я что-то пропустила?

- Разгон на двух «g»! - взревел Кирпич. - Курс на столкновение с Кваваром.

- Столкновение? Но...

- Выполняй!

Кирпич вцепился в панель, когда корабль рванулся вперед. Новый курс еще больше увеличивал их скорость относительно «Пяти фатомов». Капитан всматривался в тактический дисплей, пока не настал нужный момент, и слил за борт водяную оболочку.

Внезапно Йи бросилась на него, сбив Вулча, и ударила по раненой правой руке. Кирпич взвыл и уронил оружие и невидимый предмет.

К ним метнулась Меза и вонзила в Йи нож-шприц. Обе с силой ударились о переборку. Из-за разгона то же произошло и с Кирпичом.

- Мои ракеты уничтожены! - рявкнул голос Вигнесса. - Не лазером... и мин на его корабле тоже не было! Что это были за штуковины, черт подери?

- Мгновенно замороженная тихоокеанская треска, - выдохнул Кирпич. «Не связывайся со старым марсианским рыбаком!»

Йи отшвырнула бесчувственное тело Мезы и метнулась к Кирпичу. Но теперь вмешались два других инопланетянина. Бог Шансов вцепился в Йи манипуляторами аквариума, а молодежь Винтергрю и их роботы-аналоги обмотали всех троих паутиным шелком и приклеили сражающихся к переборкам. Хотя орканец и кваварец выглядели хрупкими по сравнению с Йи, та прекратила сопротивление.

- Неплохо повеселились, - заметил Бог Шансов. - Мне понравилось мутить воду. Видите ли, мое правительство не доверяет разным культам, включая Ночных Читателей и евангелистов. Мы знали, что на борту «Восьмого шара» будут агенты и тех, и других. Я получил инструкции присматриваться и приглядываться, но не вмешиваться, пока события не достигнут нужной степени сумасшествия. Полагаю, такой момент настал. Ты заплыла в опасные воды, «посол Йи».

Мертва ты или только истекаешь кровью, но сегодня течение принесет тебя на Орк.

- Глупец! - воскликнула Йи. - Настанет день, и даже вы, дети ледяных миров, будете сожраны...

Щупальца Бога Шансов снова изобразили человеческую руку, и продемонстрировали средний палец и Йи, и всему помещению. Потом орканец исчез во вспышке света, а вместе с ним исчезла и Йи.

Винтергрю остался, примотанный ниточками паутины к десяткам выступов и щелочек в рубке управления. Кирпич сглотнул.

- Орканский крейсер улетел, - доложила Киб.

- Скажите, - поинтересовался Кирпич, - хотя бы один из пассажиров был просто дипломатом?

- Я был, - поведал Винтергрю, - хотя и собираюсь уйти в отставку, так или иначе. Поэтому напому самым дипломатичным образом, что вы держите курс на столкновение с колонией моего народа, и поэтому скоро умрете.

- Ну, это уже перебор, - заметил Кирпич, с трудом поднимаясь на колени. - Уж я-то знаю, что вам нужно поддерживать драконовскую репутацию. Главное, что у нас на борту есть артефакт, который ваш народ попросил нас привезти. А мы всего лишь... гм-м... доставляем его более эффективным способом.

Кирпич по-дружески улыбнулся дипломату и задумался, не станет ли эта улыбка последней в его жизни. Впрочем, имелись и худшие способы расстаться с жизнью...

- Капитан, - осведомился Винтергрю, - мне показалось, что вы могли уничтожить «Пять фатомов» еще до того, как он стал представлять серьезную угрозу. Почему вы этого не сделали?

- Стрелять по невинным - это гвай... Мне показалось более справедливым толковать сомнения в их пользу, ваше превосходительство.

- Интересно, - сказал Винтергрю.

Неожиданно ускорение сменилось легкой тягой. Подобно человеку, предполагавшему, что он будет поднимать полный чемодан, а поднявшему пустой, Кирпич потерял равновесие.

Экран наружного обзора показал ему ледяной потолок, вспышки света и блеск металла. Корпус застонал и затрещал.

- Капитан, - изумленно доложила Киб. - Мы совершили посадку. В ангаре. На Кваваре.

- Эйя, - прошептал Кирпич.

- Похоже, справедливым решением стало толковать сомнения и в вашу пользу, - сказал Винтергрю. - Ваш корабль конфискован за безрассудство, капитан Чин. То, что данный поступок спас вас от «Пяти фатомов», - чистое совпадение. - Винтергрю начал подтягивать к себе крепившую его молодь и освобождаться. - Для меня настало время

освободить своего старшего отпрыска, пока он не восстал против меня окончательно. Скоро за вами явятся и отведут в тюрьму.

- Вы же никогда прежде никого не сажали в тюрьму... - Кирпич оценил мудрость возражений против того, что он не погиб, и заткнулся.

- Мы существа творческие. Как и вы. Вашему виду, похоже, время от времени приходится, образно говоря, избавляться от рогов дилеммы, перепрыгивая через быка. Мне будет любопытно узнать, сможет ли человечество увернуться от этих рогов.

И Винтергрю тоже исчез во вспышке, пусть и менее эффектно, чем Бог Шансов.

- Ну и бык с тобой, - буркнул Кирпич и сразу вспомнил: - Меза...

Над ней уже склонился Вулч. Капитану пришлось сдержать желание оттолкнуть стервятника. Эридец уже снял с Мезы плащ, и, хотя серое платье под ним никто бы не назвал откровенным, Кирпич слегка поморщился из-за такого вторжения в ее интимное пространство. И снова поморщился, увидев глубокую резаную рану у нее на груди и вывернутую руку.

Другая рука сжимала что-то невидимое, до сих пор расплывающееся в очках Кирпича наподобие струек нагретого воздуха.

- Я ввел ей обезболивающее, - сказал Вулч. - И помогу перенести в ваш медицинский отсек.

- Спасибо.

- Подождите... - Меза застонала, посмотрела на Кирпича. - Вот старый развратник! Я всегда знала, что ты хочешь взглянуть на меня...

- Не мели чепухи, первый помощник. Я само воплощение чертовой морали...

- Заткнись. Справедливость за справедливость.

Она выронила то, что держала в здоровой руке, и протянула ее к лицу капитана. И подняла его очки выше глаз.

Словно сквозь туман он увидел своего первого помощника, а рядом с ней... ту часть «Келлской книги», что путешествовала на его корабле. Ее обложка была - по современной моде - прозрачной, и сквозь нее он разглядел расплывчатые символы четырех евангелистов на первой странице евангелия от Иоанна - человека, льва, тельца и орла. Все они смотрели на него - пожалуй, с легким упреком. И еще он увидел, что обложка рукописи влажная, а от одного из углов откушен большой кусок.

- Теперь мы в расчете, - сказала Меза. - У тебя красивые глаза, хотя они почти ничего и не видят. Но вот как ты увидел...

- Все потом. Вольно, Киб.

- Это плохо для моей паранойи, капитан, - услышал он голос Киб. - Я была в заточении...

С помощью Вулча капитан спустил Мезу по лестничной шахте так, как это делают пожарные. Управлять кораблем он мог почти так же

хорошо, как и Мерк. Проклятье. Он едва не потерял Мерка, да и все они едва не погибли...

- Нет, все-таки скажи, как ты понял, что это Йи, - не унималась Меза.

- Чистое везение.

- А если честно?

- Ладно. Она была членом культа, а не работала на правительство Иксиона. Похоже, что, даже нарушив запрет на технологии, она не имела инструментов, способных вскрыть криптофутляр. И тогда она - или культ - наняла Вигнесса. А он хакнул мои очки... после чего они перестали показывать мне на экране изображение книги. Замутил воду. Он надеялся, что я увижу, будто футляр «пуст», и оставлю его открытым. Или же соглашусь с его требованием отдать *футляр*. Можно подумать, я такой уж полный идиот... Ну, а если бы эти уловки не сработали, Йи была готова применить ко мне грубую силу. - Кирпич улыбнулся красными губами. - Но Вулч погубил все их планы.

- Да, - каркнул эридец. - После того как ваш благородный капитан пырнул меня ножом и накачал транквилизаторами, он открыл футляр и, решив, что тот пуст, захлопнул его. От толчка книга выскочила из футляра, однако он этого не увидел. Теряя сознание, я пытался сообщить ему о «восходящей славе» реликвии у него за спиной. Но этого оказалось недостаточно, чтобы предупредить моего героического противника.

- Поменьше пафоса, - пробормотал Кирпич.

- Держи себя в руках, Кирпич, - напомнила Меза. - Продолжайте, посол...

Они добрались до вращающегося кольца.

- Позднее я пришел в себя и увидел иксионца, пожирающего книгу. Несомненно, что сама судьба предназначила эридцам оказаться свидетелями насилия. Но столь же несомненно, что евангелистка энтропии не смогла удержаться от искушения отведать свою добычу, прежде чем доставить ее своим хозяевам. Но тут, прямо у меня на глазах, ее стали бить конвульсии, а потом стошнило. Тут я и застал ее врасплох, схватив единственное оружие, оказавшееся поблизости - нож в моем плече. В схватке с ней я потерял нож, но сбежал вместе с книгой.

- Понятно, - пробормотала Меза. - Наверное, Йи пробралась туда через рубку управления, пока мы были заняты возле шлюза...

- Я потом нашел этот нож, - сказал Кирпич. - На нем были пятна двух видов. Сперва я предположил, что зеленое вещество - это ваша кровь, Вулч. Но помнишь Титан, Меза? Иксионцы любят земную целлюлозу, а любая животная ткань буквально выворачивает их наизнанку. Видите ли, те кельтские монахи не пользовались для рукописей бумагой из растительных волокон. В наши дни словом «пергамент» называют любую плотную бумагу, но первоначально так назывался листовой

материал из телячьей кожи.

Он взглянул на Мезу, проверяя, оценила ли она его знания о книгах и хитроумие, но обнаружил, что она спит.

- Спокойной ночи, - прошептал он, укладывая ее поудобнее. К ней тут же с шипением потянулись медицинские приборы. Капитан посмотрел на Мезу, лежащую рядом с Мерком, как мог бы смотреть на редкий том за музейным стеклом. Иногда ему нелегко давалась такая отчужденность - восхищение без обладания. Он уже прожил долгую жизнь, работая над этим. И продолжал работать.

Вулч топтался у входа, прижимая покусанное евангелие от Иоанна.

- Капитан. Я сожалею о вреде, причиненном вашему кораблю и экипажу.

Кирпич тяжело вздохнул.

- Я тоже в этом виноват, - признал он наконец. - Но почему вы мне ничего не рассказали, как только оказались на борту?

- А вы бы поверили гвай ло? С вашей-то репутацией...

Глаза Кирпича вспыхнули. Но Вулч заслуживал честного ответа:

- Нет. Скорее всего, не поверил бы. Наверное, к моему стыду. И наверное, будет лучше, если я кончу свои дни в пещерах Квавара.

Кирпич застыл, и теперь уже Вулч разглядывал его, как падаль. Но слова инопланетянина не стали утверждением смерти:

- Вы, капитан, любитель книг. Поэтому вы множество раз заглядывали в глубины других разумов, в другие времена и места. И я знаю, что вы способны заглянуть под оболочку плоти, пусть даже причудливой плоти.

Кирпич не разделял мистицизма посла. Черт побери, он не вложил бы и ломаного гроша в человеческий мистицизм. И все же...

Он знал, что в евангелии от Иоанна говорится о Слове, породившем плоть. Кирпич не назвал бы его своим священным текстом... но, вероятно, он сможет, образно говоря, откусить от него кусочек. Может быть, он, и Вулч, и Меза, и Мерк, и Киб - все они где-то в глубине лишь слова, ставшие плотью. Во Вселенной пока еще лишь утро, и она по-детски лопочет сама с собой, упорно стараясь постичь себя, пока не настала ночь.

Он протянул руку и взял книгу. Затем, прижав ее локтем к груди, взял и щупальце, словно пожимая руку. «Но пышно, чудно превращен в сокровища морские он», - вновь вспомнил Кирпич. Когда к его коже прижались присоски щупалец, по телу пробежали мурашки, словно он претерпевал полную трансформацию. Словно боялся надвигающейся бури.

Но пальцев он не разжал.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Chris Willrich. Sails the Morne. 2009. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's» в 2009 году.

ТЕД КОСМАТКА, МАЙКЛ ПУР

КРАСНАЯ ОСА

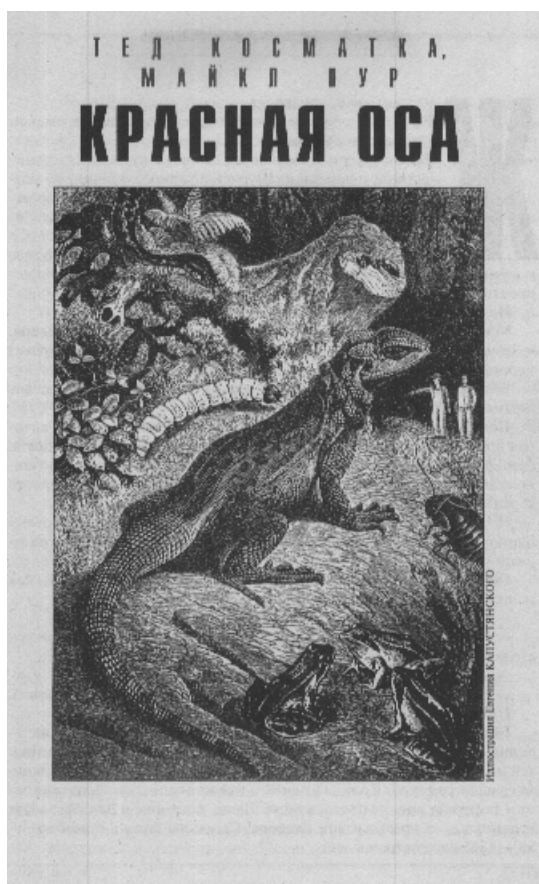

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Животные тебя ненавидят.

Работая в зоопарке, к этому привыкаешь, а со временем начинаешь и уважать.

Белл с трудом толкал перед собой тачку, потев под униформой цвета хаки. Щурясь от яркого солнца, он разглядывал животных: козлов, глупых озабоченных обезьян, ленивых бинтуронгов. Завидев его, все они подходили к своим ограждениям.

Рано или поздно большинство животных приходило к взаимопониманию с теми, кто приносил им еду, соглашаясь на непростое перемирие.

Но Белл знал, чего оно стоило. Он видел шрамы.

У Мэри - рубцы на руках. У Гарланда не хватает кончика пальца, у Джона - куска правой икры. Если спросить его об этом, он ответит коротко: «зебра».

Белл работал здесь не так долго, поэтому еще не успел обзавестись шрамами, но уже стал весьма осмотрительным.

Поднимаясь на холм тем утром, он заметил впереди Шону, которая шла по асфальтовой дорожке. Ее носки оказались разного цвета: один белый, другой красный. Белл еще не успел толком с ней познакомиться, поэтому стал размышлять о том, рассеянная она или просто странная.

Подойдя ближе, он увидел, что Шона плачет. И понял, почему один из ее носков сделался красным. Кровь ручьями текла из ее разорванной икры.

Он проводил ее до комнаты персонала, и она рассказала о том, как на нее напал молодой павиан. Как ее оскорбили. Предали.

- Зачем ты вообще зашла в клетку? - спросил Белл.

- Я всегда туда захожу, - ответила Шона. - Я присутствовала при его рождении. Я вырастила его.

- Животные непредсказуемы.

- Он никогда раньше такого не делал, - девушка покачала головой. Никогда такого не делал.

Белл думал об этом, возвращаясь домой. Эти неожиданные нападения ставили его в тупик. С одной стороны, никаких неожиданностей не должно быть. Ведь мир стремится к порядку, не так ли? Планета вращается вокруг Солнца с одной и той же скоростью. Вода закипает и замерзает вполне предсказуемо. Люди, живущие в Далласе, весят столько же, сколько жители Квебека. Скорость звука в сухом воздухе - 1235 километров в час.

Так почему, думал Белл, они с женой не могут уследить за деньгами, планировать все заранее и перестать жить в трейлере? В упорядоченном мире это не должно быть такой уж непосильной задачей. В упорядоченном мире человек не должен выбирать между покупкой еды и продлением автомобильной страховки.

Конечно, Белл знал, что многие вещи на самом деле куда сложнее, чем кажутся. Вода замерзает предсказуемо, но необычно. Она расширяется. Кристаллы раскалываются и ломаются. Звук под водой распространяется быстрее.

- И просто невозможно не покупать дерьмо, - произнес он вслух, направляя машину к дому.

Перебравшись через «лежачего полицейского», он въехал на парковку.

На этой неделе они с Лин договорились не тратить ни цента. Им ничего не понадобится. В холодильнике есть еда, обе машины

заправлены. На этой неделе они будут экономить.

Утром закончилась туалетная бумага.

- Это не такая уж неразрешимая проблема, - сказал он жене. - У нас есть бумажные полотенца.

- Мы, - ответила Лин, - не должны бросать в унитаз ничего, кроме туалетной бумаги.

- Но мы можем, - не согласился Белл, - если придется.

Белл считал, что все дело в тратах. Свои доходы они считали. Если расходы тоже удастся проконтролировать, их финансовое положение придет в порядок и улучшится. Лин с этим не соглашалась.

- Дело в заработках, - говорила она. - Твоя работа должна приносить больше денег.

- Как и твоя, - Лин работала продавщицей в торговом центре.

В ее взгляде блеснул лед. Осколки кристаллов.

В мире Лин допускалось критиковать Белла сколько угодно. А вот он ее критиковать не мог - от этого ее мир становился неупорядоченным. Белл знал, что из двух спаривающихся животных одно всегда кусается сильнее другого. В их паре сильнее кусалась Лин.

В их мире, населенном всего лишь двумя млекопитающими, где царила постоянная, изматывающая бедность, Лин, кажется, кусалась не переставая.

Когда-то они договорились о том, что любить свою работу - очень важно. Важно заниматься именно тем, что тебе нравится.

- Я люблю свою работу, - он говорил это уже тысячу раз. Говорил и в прошлом месяце, когда они лежали в постели. Тогда они поссорились, и она поцарапала его так, что у него пошла кровь. Ему захотелось ударить ее, и он чуть этого не сделал.

Не сделал. Ведь от желания ударить женщину до воплощения этого желания - тысячи световых лет, а Белл не такой человек. Не такое животное.

А кстати, какое? Интересно, знала ли она ответ на этот вопрос? Прочла ли в его взгляде то намерение?

С тех пор он перестал распространяться о том, как ему нравится эта работа. Большинство знакомых ему работников зоопарка - женщины, чьи мужья зарабатывают хорошие деньги. Они могут себе позволить любить работу.

Лин тоже знала об этом.

- Муж Шелли Каприатти продает гитары, - сообщила она ему накануне. Лин, кажется, работала вместе с этой Шелли. - Товар высокого класса, для настоящих профессионалов. Если, скажем, Эрик Клэптон захочет купить новую гитару, он вполне может обратиться к нему. Ты тоже мог бы заняться чем-нибудь в этом роде. Ее муж зарабатывает кучу денег.

В такие минуты он в очередной раз почти готов был признать, что хотел бы остаться холостяком. Но потом жена усаживалась ему на

колени, заслоняя старый, одиннадцатилетний телевизор, и на какое-то время добрела. И этого времени оказывалось вполне достаточно, чтобы он успел замести всю горькую истину под ковер. Снова. Потому что так проще.

Оплачивая стоянку, он думал о ее доброте. Она могла быть милой. Жизнь вообще оказывалась порой не такой уж плохой.

Иногда Лин вела себя предсказуемо - тогда ему, конечно, приходилось намного легче. Но готовиться следовало ко всему. Он думал об этом, подъезжая к трейлеру.

Павиан никогда ни на кого не бросался. А сегодня вот бросился. Все когда-нибудь происходит в первый раз.

- Ты симпатичный... - сказала Лин, сидя перед телевизором, - такой, знаешь, вроде добродушного пса.

Туалетная бумага заканчивается.

И все начинает разваливаться.

* * *

Проблема бедности проходила через всю жизнь Белла красной нитью. Даже зоопарк, в котором он работал, финансировался из рук вон плохо.

Иногда люди жаловались. Как-то раз одна женщина, увидев условия, в которых содержатся львы, здорово разозлилась. Люди ведь любят львов.

- Это клетка, - констатировала она.

Белл с ней согласился.

- Зоопарки должны быть... естественными, - продолжала она. - Они должны создавать для животных естественную среду, чтобы те даже не подозревали, что находятся в неволе.

Белл понимал. Сочувствовал. Он бывал в таких зоопарках, в других, не вымирающих городах.

- Думаете, они об этом не знают? - спросил он.

Она уставилась на него.

- Думаете, в других зоопарках животные не знают, что находятся под замком?

- Позор, - сказала дама и пошла прочь.

* * *

Когда речь заходила о кормлении животных, руководству, с учетом недостаточного финансирования, приходилось проявлять изобретательность. Запасы провизии, приобретаемые на открытом

рынке, пополнялись благодаря договорам с местными продовольственными магазинами и мясниками. Каждый день к воротам приезжал грузовик, доверху набитый едой: подсохшими буханками хлеба, начавшими портиться кусками мяса, галлонами просроченного молока. Иногда привозили и мертвечину - например, оленя, сбитого на шоссе. Все это бесследно исчезало в ненасытном брюхе зоопарка.

Грузовики разворачивались, и их содержимое выгружали на кухню.

Хотя это помещение и называли кухней, таковой оно, в общем-то, не являлось - просто комната с несколькими огромными столами из нержавеющей стали, на которые сваливали еду. Затем ее делили и сортировали.

Белл направлялся к замку, но остановился, услышав из своей рации голос Люси:

- Белл, ты должен это увидеть.

Быстро добравшись до кухни, он прошел через заднюю дверь.

- Там жук, - сказала Люси, прижимая руки к груди.

- Какой жук? - поинтересовался он. Девушка пожалала плечами.

- Жук, - она указала на перевернутую чашу, стоявшую на столешнице.

Белл поднял чашу. Затем опустил ее.

Вновь поднял чашу и быстро заглянул под нее.

- Хм... - произнес он, опуская чашу.

Все, кто работал на кухне, уже собрались вокруг стола.

- Ну что?

- Я работаю над этим, - ответил он и посмотрел вдаль. - Думаю, это какая-то личинка.

- Не знала, что личинки бывают такими большими, - заметила Люси.

- Я тоже, - признался Белл.

Он вновь заглянул под чашу. Огромная, мясистая, кроваво-красная личинка, сантиметров пятнадцать в длину.

- Откуда она взялась? - спросил Белл.

- Со стола, - Люси пожалала плечами.

Белл оглядел стол. Там лежали арбузы, яблоки, хлеб и рассеченная оленья нога. В центре громоздилась гора почерневших бананов, а рядом с ними - куда более скромная кучка фруктов, привезенных бог знает откуда.

- Ее могли привезти откуда угодно, - сказала Люси. - Я увидела, как эта штука ползет по краю стола, - она вздрогнула. - И двигалась она быстро.

Белл достал из шкафа стеклянный сосуд и снял с него крышку, после чего смахнул в него странную личинку, протаскивая чашу до края стола. Выйдя из кухни, Белл нарвал немного травы и бросил ее внутрь сосуда, а затем закрыл крышку и проделал в ней дырочки.

Этот сосуд он пронес по зоопарку до самого замка, где поставил его на полку в задней комнате. Замком называлось здание, где

содержались насекомые и пресмыкающиеся. Блочная конструкция, странные башенки - Беллу оставалось только догадываться об изначальном назначении этой постройки. Впрочем, каков бы ни был замысел архитекторов, теперь здесь обитали разные малоприятные существа: муравьи, тараканы, мокрицы, змеи, ящерицы и лягушки.

По своей планировке здание напоминало две вложенные одна в другую коробки. В центре располагалось обширное открытое помещение, три стены которого занимали террариумы, а за стенами находился скрытый от публики узкий коридор, называвшийся задней комнатой. Из этого коридора открывались стенки клеток. В самом дальнем от входа тупике стояли стол со стульями, телевизор и несколько террариумов. Террариумы предназначались для заболевших и непригодных к публичному показу пресмыкающихся.

Весь остаток дня Белл занимался рутинной работой, а вечером проверил личинку. Она извивалась и, похоже, чувствовала себя прекрасно, карабкаясь по стеклянным стенкам. Когда Белл изучал энтомологию в колледже, он не слышал ни о чем подобном. Ему даже в голову не приходило, что насекомые могут быть настолько крупными. Когда Белл поднял крышку, личинка потянулась к нему, встав вертикально. Ее странный ротовой аппарат двигался.

* * *

Белл отвечал за замок, за детский зоопарк и за осужденных. Такое положение дел сложилось со временем. Замок был ему вверен потому, что он являлся единственным работником зоопарка, изучавшим энтомологию в колледже. Детским зоопарком его хотели обидеть. А осужденные достались ему в наказание.

Они стояли у входа почти каждый день. Эти мужчины и женщины, приходящие слишком рано, за несколько часов до открытия. Белл кормил насекомых, выпивал чашку кофе, а затем шел открывать ворота.

- Пожаловали на общественные работы? - спрашивал он.

- Ага, - отвечали они.

Иногда их оказывалось двое или трое. Они протягивали Беллу свои документы, а он в конце дня передавал их начальнице зоопарка.

Самое важное для них - количество часов, которые они должны отработать. Сто часов, сто пятьдесят часов, двести часов.

Иногда они рассказывали о своих преступлениях, а иногда - нет. Белл никогда их не спрашивал. Не его это дело.

* * *

Иногда, в ванной, Белл разговаривал со своим отражением в зеркале.
- Ты в этом мире - не высший хищник, - говорил он. - Люди как вид - да, а ты - нет. Ты выигрываешь далеко не всегда. Разрешаешь не все проблемы.

Происходят поражения и капитуляции - маленькие, но существенные.

Прошлой зимой они отказались от отопления спальни. Они закрыли заднюю часть трейлера и стали спать на диване. Овладели искусством приседания в ванной. Ванна ведь металлическая, она опущена на несколько сантиметров ниже пола. Прямо под ней - ледяной воздух. Сколько ни обливайся - ноги и задница все равно начнут замерзать, если просидишь слишком долго. Поэтому нужно вставать, пропуская под себя горячую воду, затем снова садиться и ждать. И повторять все сначала.

- Такое ощущение, что ты даже неходишь в пищевую цепь, - сказал как-то Белл холодной ночью, сидя на кухне и поедая буррито.

Это его высказывание о пищевой цепи стало одной из двух фраз, произнесенных за весь день. Иногда он открывал дверь спальни и наблюдал за тем, как его дыхание превращается в облачка пара.

Он хотел, чтобы она спросила его о пищевой цепи. Он хотел объяснить, хотел, чтобы она поняла.

- Пищевая цепь... - начал он.

- Я поняла, - остановила она.

Это и стало второй фразой. Фраза зависла в воздухе облачком пара, даже несмотря на то что они находились на кухне.

* * *

После того как Белл перестал рассказывать Лин о любви к своей работе, он начал разговаривать с зеркалом.

- Я люблю свою работу, - говорил он. Отражение, кажется, с ним соглашалось.

Их жизнь, как и зоопарк, изобиловала притворством. Они притворялись, что у них есть деньги на бензин. Делали вид, что могут питаться лучше, но просто предпочитают этого не делать. Прикидывались, что Лин по-прежнему считает очень важным работать на той работе, которая нравится. Которую любишь. Ну, или что-то вроде того.

Однажды она перестала притворяться. Под привычной маской обнаружилась другая Лин, которая думала так: «Если бы ты любил меня, ты сделал бы все возможное для того, чтобы я жила лучше». И эта Лин всплыла на поверхность. Она сняла маску.

На холодильнике появились приклеенные скотчем объявления.

Продажи. Озеленение. Моечные машины. В общем, все то, чем можно заняться, имея диплом биолога.

- Забыть о том, что действительно важно - очень легко, - говорил ей Белл.

Она не рассуждала о том, что иметь в доме свет и тепло - тоже важно. Вместо этого она, не переставая глядеть на него, надевала пальто, брала свой вибратор и закрывалась в ванной.

Библиотекарь. Бариста*¹⁷. Любая работа, оплачивавшаяся выше, чем работа в зоопарке. Повар. Носильщик в аэропорту на мексиканских авиалиниях. Не обязательно мексиканец.

* * *

Белл думал о том, насколько же много притворства окружало его в зоопарке.

Посетители прикидывались, что клетки - это джунгли, саванна, пустыня или тундра.

Животные делали вид, что посетители их не интересуют. Совместными усилиями посетители и работники зоопарка показывали, что зоопарк не является по своей сути лишь тщательно продуманной жестокостью.

Иногда животные переставали притворяться. Например, когда новорожденные отказывались есть. Потому что малыши сразу же понимали: они находятся в неволе, чувствовали это. Они забывали притвориться, что жить все-таки стоит.

Так лама напала на Брию Вагадес.

На глазах у Белла.

В кино нападение животных показывают совсем по-другому, там всегда раздается сопение, рык, показывают кровь и шерсть. В реальности это выглядело почти комично. Бриа поднимала замаскированную под камень крышку люка, скрывавшую садовый шланг, и тут появился Нанез, самец, смешной и величественный, покрытый двухцветным черно-серым мехом. Он встал на дыбы и начал размахивать передними копытами, словно боксер. Женщина заметила его, когда животное уже стояло рядом.

- Ой, - вскрикнула она, прежде чем сумела взять себя в руки. - Да пошел ты, Нанез!

Зоопарк уже закрылся, но существовали строгие правила, запрещавшие терять хладнокровие, ведь посетители могли заметить это и запаниковать.

¹⁷ * *Специалист по приготовлению кофе. Итальянское слово, аналогичное слову «бармен».*

Нанез потерял равновесие и опустился на все четыре копыта, продолжая двигаться вперед. Затем он снова встал на дыбы. Бриа прикрыла голову и отступила, нащупывая дверную ручку.

- Он не хотел, чтобы она находилась в вольере, - сказал Белл Джону Лорэну в кафетерии на следующий день. - Это же очевидно.

- Да никогда это не бывает очевидным. Неправильно это - объяснять поведение животных человеческими мотивами.

- Территориальность - животное поведение, - ответил Белл, жуя крекеры с арахисовым маслом. - Это животный мотив.

- Неправильно, - продолжал Джон, - делать вид, что всегда их понимаешь. Понимаешь, почему они ведут себя именно так.

- У них период спаривания, - произнес Белл. - Вот почему.

Джон сощурился.

- И она пошла в вольер одна? Это тоже неправильно. Это тебе не домашние животные.

Но Белл знал, что некоторые животные вели себя почти как домашние. Опасные домашние животные, которым нельзя доверять.

- Ты бы написал себе памятку, - посоветовал он.

- Ты бы заткнулся.

- Ага, - согласился Белл.

* * *

Личинка на домашнее животное совершенно не походила. На следующий день после того, как Белл поместил ее в один из больших террариумов, она начала окукливаться. Вечером он засел в задней комнате и стал наблюдать за ней. Он перекопал все имевшиеся в зоопарке книги по энтомологии, но так и не нашел ничего похожего. Ни одна из картинок даже отдаленно не напоминала странное насекомое, копошившееся в террариуме. Кокон лишь добавлял загадочности. Чем бы ни являлась эта штука, она появилась на свет недавно.

Насекомые, проходящие через личиночную стадию развития, делятся на четыре группы: жуки, мухи, чешуекрылые бабочки и перепончатокрылые.

Находящееся в террариуме создание явно не являлось гусеницей, так что бабочек Белл исключил. Гигантский размер позволял вычеркнуть мух. Оставались жуки и перепончатокрылые. Тем не менее насекомое не походило ни на одну из тех личинок ос и жуков, которые он когда-либо видел. У большинства личинок нет ни глаз, ни такого ротового аппарата.

На третий день Белл обнаружил, что личинка закончила строительство своего бумажного кокона и таким образом отгородилась от мира.

* * *

Еще день спустя полку общественных работников прибыло.

Белл сидел на корточках и смешивал еду для лемуров, когда на ведро упала чья-то тень. Белл прикрыл глаза и поднял голову.

- Мне велели найти Белла. «Отметься у Белла» - так и сказали. И еще сказали, что Белл молодой. Так что ты вполне можешь быть Беллом.

Голос незнакомца вызывал ассоциацию с сырым песком.

Белл встал, пожал ему руку и тут же заметил шрамы. Ожоги, будто от брызг, покрывали всю кисть и запястье. Обе кисти и оба запястья, понял Белл, приглядевшись.

Грубая кожа. Редкие седые волосы. Глаза голубые, будто пламя горелки. Если бы бомба, взорвавшись, вдруг превратилась в человека, она выглядела бы именно так. Лишь взглянув на него, обожженного огнем и солнцем, Белл тут же захотел пить. В кафе, за кока-колой, Белл узнал, что бомбу зовут Коул. А еще Коул в свои шестьдесят лет оказался самым старым из всех, кого когда-либо направляли в зоопарк на общественные работы.

Затем Белл отправил его мыть пустые клетки, начиная с клетки африканского буйвола.

- Вот дерьмо, - проскрежетал Коул, заглянув внутрь.

Белл, наверное, выглядел удивленным.

- В буквальном смысле, - пояснил Коул, указывая концом шланга на пол. Он улыбнулся, обнажая похожие на булыжники зубы. А затем подмигнул.

Выглядело это так, будто Беллу подмигнула принявшая человеческий облик война.

* * *

Как львы привлекают туристов, так Коул стал привлекать персонал.

Такой же страшный... Как и лев, он, казалось, скрывал большую часть своей силы, сберегая и скапливая ее где-то внутри. И еще - тяжело смотреть в глаза льву. С Коулом люди испытывали подобное чувство.

Со львом, впрочем, не получится поговорить. Его не спросишь, как он очутился в зоопарке. А Коула спросить можно - если ты, конечно, очень любишь совать нос в чужие дела.

Белл предпочитал не затрагивать эту тему.

Они с Коулом стояли в темном туннеле.

- Павианы хитры, - наставлял Белл. - С ними нужно держать ухо остро.

Коул кивнул.

- Они могут швырнуть в тебя экскрементами, могут укусить. Закрывать нужно обе двери. Ты должен тщательно соблюдать правила и никогда не заходить в клетку.

Коул снова кивнул.

- Это очень важно. Понимаешь?

Коул кивнул еще раз, но Белл все-таки в нем сомневался. Вспомнился инцидент, произошедший несколько лет назад в кошачьих вольерах. Тогда выставка находилась на ремонте, и льва выпускали по ночам погулять. Это не вызвало бы никаких проблем, если бы соседний вольер не оказался недостроенным. Временную дверь сделали из толстой фанеры, и этого вполне хватало для того, чтобы не пускать ко льву рысей. Однако не хватило, чтобы изолировать рысей от льва.

На следующий день обнаружилось, что от двери остались лишь щепки, а лев спит в рысьем вольере с окровавленной мордой. Все рыси погибли.

Зоопарк - опасное место.

Как для животных, так и для людей.

* * *

Коулу назначили тысячу часов общественных работ. Никогда еще Белл не видел столь внушительной цифры - на отработку потребуется около года.

Неделю спустя после появления Коула начальница зоопарка отозвала Белла в сторону. Она недолюбливала Белла и сейчас к тому же выглядела серьезной.

- Этот старик, Коул, он хорошо работает? - спросила она.

- Нормально.

- Он ведь задержится здесь на какое-то время...

- Да, - сказал Белл. - Я знаю.

Он хорошо понимал мысль начальницы. *Бесплатный работник на долгий срок. Работник, которому не нужно платить.*

- Думаю, мы можем расширить круг его обязанностей, - сказала она.

* * *

Неделями Белл наблюдал за коконом, гадая, что же из него вылезет.

Произошло это в понедельник. Войдя в комнату, он тут же услышал жужжание, вроде того, которое издает лампа при перепаде напряжения, перед тем как погаснуть. Только эта лампа все гасла и гасла, не смолкая ни на секунду. Взглянув на террариум, Белл увидел.

Огромное.

Крылатое.

Ярко-красное, но с черными ротовыми придатками.

- Перепончатокрылое, - прошептал он. - Или что-то вроде того.

* * *

Лето шло. Белл продолжал учить Коула, делая из него работника зоопарка. Перерывы они проводили в задней комнате.

Когда насекомое вылупилось, встал вопрос о питании. Белл попробовал всего понемножку: нарезанные бананы и яблоки, маленькие кусочки мяса. Некоторые фрукты, лежавшие тогда на столе, прибыли из экзотических стран - легко представить, как личинка залезла в какую-нибудь дыню из Центральной Америки, а потом эта дыня быстро прокисла, сделалась мягкой и оказалась в зоопарке среди отбракованных продуктов.

Проходили недели, и насекомое развивалось. Оно заинтересовало даже Коула.

- Ручная оса? - спросил он.

- Я не уверен, что это оса.

Несколько дней спустя Белл увидел, как Коул заглядывает в террариум через стекло. Он заметил это первым.

- Что это? - спросил он. Белл посмотрел.

- Будь я проклят!

Оса сидела на небольшой ветке, конечности ее странно выгнулись, крылья стремительно резали воздух, словно кинжалы. С ветки на тонкой нити свисал кокон, напоминавший засохшую коричневую пену.

- Что это? - повторил Коул.

- Думаю, это яйца.

Коул тщательно осмотрел террариум.

- Их там что, две?

- Нет, всего одна, - Белл покачал головой.

- Может, ее уже оплодотворили до этого?

Этот осужденный оказался умнее, чем думал Белл. В стекле он увидел отражение глаз, напоминающих пламя горелки. Взгляд Коула стремительно перемещался по террариуму.

- Маловероятно, - констатировал Белл. - Это действительно самка, но репродуктивная стадия обычно начинается после метаморфозы, а не до. А с тех пор как эта штука вылупилась, она оставалась одна.

- Это их Дева Мария, - произнес Коул и улыбнулся. Его улыбка походила на трещину в борту корабля, потерпевшего кораблекрушение.

Белл рассмеялся.

- В мире насекомых это не чудо, - объяснил он. - Это называется партеногенез. Некоторые виды перепончатокрылых могут...

- Перепончато-кого?

- Есть такая группа насекомых, предположительно произошедших от одного предка. Муравьи, пчелы, осы. Некоторые виды могут размножаться без самцов. Еще так могут делать черви и некоторые ящерицы. Но перепончатокрылые в этом чемпионы.

Коул выпрямился.

- Будем надеяться, что это не войдет в моду.

Белл задумался - о размножении, свадьбах, женах и прочем.

- А может, это не так уж и плохо, - пробормотал он.

- Что ты имеешь в виду?

- Ничего.

* * *

Белл связался с университетом. Он написал письмо на биологический факультет, привел описание насекомого и обстоятельств его прибытия в зоопарк. Через неделю пришел ответ, короткий и вежливый: «Вероятно, это роющая оса».

Белл смял письмо и выбросил его в корзину.

- Я знаю, как выглядит роющая оса.

Однажды вечером несколько недель спустя он нашел насекомое мертвым. Даже после смерти оно выглядело пугающе: голова размером с монету, гладкое и блестящее тело, будто выточенное из красного дерева.

Впервые Белл осмелился прикоснуться к нему. Насекомое оказалось почти такой же длины, как его кисть - от запястья до кончиков пальцев. Он наколол его на булавку, и конечности обвисли под собственной тяжестью. Затем Белл посмотрел на яйца в террариуме и задумался о том, вылупятся ли из них что-нибудь.

* * *

Прошли месяцы, и Белл забыл о произошедшем. Они с Шоной продолжали обучать старика. Шоне новичок не нравился, и она даже не пыталась это скрыть.

Весной из яиц вылупилось множество личинок, похожих на первую как две капли воды, только размером поменьше. Белл наблюдал за тем, как червячки ползают по опилкам в террариуме.

- Опять твои осы? - спросил Коул.

- Да, - несколько минут они смотрели на содержимое террариума.

- А что они едят? - любопытствовал Коул.

На мгновение Белл задумался. Взрослое насекомое зачастую питалось совсем не так, как личинка.

- Понятия не имею, - ответил он.

* * *

Иногда кормление - непростая задача.

Когда Белла только взяли в зоопарк, ему поручили кормить хищных птиц. Чертовски больших хищных птиц, одной из которых оказался беркут.

Первые несколько дней все шло хорошо. Беркут съедал примерно пять крыс в неделю, но кормили его каждый день. И это, в общем-то, не вызывало проблем, вот только недоеденных крыс требовалось убирать из клетки.

Белл не задумывался об этом до тех пор, пока ему не пришлось этим заняться. Стоя перед дверью клетки, он смотрел на чертовски большого беркута и понимал, что сейчас зайдет внутрь, чтобы забрать его пищу. До Белла внезапно дошло, что будет, если этот чертовски большой беркут не пожелает отнестись к нему равнодушно.

Он смотрел на хищника. Смотрел на его когти - пятисантиметровые кинжалы, способные расколоть кость.

Белл отправился в офис начальницы, но его доводы не произвели на нее впечатления.

- Не могу сказать, что меня это не беспокоит, - сказал Белл.

- Волноваться тут не о чем, - отмахнулась дама, возвращаясь к своим бумагам.

- Но почему вы уверены, что беркут на меня не нападет?

- Все будет в порядке, - сказала она, не поднимая головы. - Такого еще никогда не случалось.

С этих слов начиналась история каждого шрама в зоопарке.

- Я не буду этого делать, - заявил он.

Начальница оторвалась от бумаг. Обдумала возможные варианты.

- Хорошо, - сказала она.

Со следующей недели ему поручили детский зоопарк. Это должно было его оскорбить.

Когда он стал жаловаться, указывая на то, что его навыкам можно найти лучшее применение, начальница лишь сочувственно покивала.

И повесила на него работу с осужденными.

* * *

Белл разделил личинки на три группы, расселив их по трем террариумам. В один террариум он бросал только фрукты. В другой - куски хлеба. В третий - мясо.

Насекомые обычно требовали строгости рациона, поэтому он ожидал, что два террариума, скорее всего, вымрут от голода. Но так он, по крайней мере, выяснит, чем же они питаются.

Однако личинки его удивили. Все три террариума продолжали развиваться - и мясоеды, кстати, росли быстрее.

Два месяца спустя началось строительство коконов. Будто по некоему соглашению все личинки приступили к этому в один и тот же день.

* * *

Вечером, желая отпраздновать этот новый этап, Белл пошел на преступление против бюджета. Зная, что в холодильнике не найдется ничего, кроме салата из тунца, по дороге домой он заехал в «Макдоналдс».

Потратив деньги, он загнал сам себя в западню, обрекая на наказание.

- Трать сколько нужно, - говорила Лин. - Только не забывай предварительно сообщать мне.

Семейным бюджетом занималась жена. «Предварительно сообщай мне» - вот в чем заключалась ловушка. Если он сперва тратил деньги, а после говорил ей, она злилась. Могла раскричаться, а могла и говорить тихо. В любом случае, когда Лин злилась, она напоминала подпитывающий сам себя шторм, с каждой секундой становящийся громче и свирепее. Шторм, как правило, длился до тех пор, пока она не хлопала дверью и не уезжала, все еще продолжая кричать. Через несколько часов она возвращалась: иногда все еще злая, иногда нет.

Однажды, когда она вот так вернется, Белла она уже не застанет.

Эта мысль все чаще приходила ему на ум. Она возникала в той самой части сознания, которая заметала проблемы под ковер.

Неделю спустя после преступления, когда он читал, она бросила ему на колени выписку с банковского счета. Тогда они много читали, потому что у телевизионщиков закончилось терпение, и их отключили от кабеля.

- Что? - спросил он.

- Там подчеркнуто.

Проклятье. Он забыл.

Магазин MCD № 1635.

- Ты не показывал мне этот чек.

- Правда? Прости, я думал, что отдал его тебе.

Он и вправду сожалел о своем поступке. Ну что еще он мог сделать?

«В этот момент, - подумал он, - любой разумный человек махнул бы рукой». Но только не Лин.

Она начала кричать. Штормовой ветер набирал силу. Как, по его мнению, она должна высчитывать, сколько потратить на аренду, на машину, на электричество, на телефон, на чертовы продукты, если она не знает, сколько *он* тратит на всякие большие и важные вещи? То есть, как выясняется, на «биг маки». Она не припомнит, чтобы он спрашивал, любит ли «биг маки» она, потому что его, похоже, слишком занимали другие дела: сначала он вел себя как безответственный, эгоистичный козел, а потом прятал чек.

Он умел игнорировать ее вопли, но лишь до тех пор, пока она не выдвигала подобных обвинений.

- Я забыл, - напомнил он ей. Он тоже начинал злиться, и это обещало плохо кончиться.

Она стала орать громче, он последовал ее примеру, и в итоге она сорвалась на визг. Голос ответственности в его голове сделался беспокойнее. На этот раз она действительно взбешена. Этот тихий голосок подсказывал, что в таком состоянии ей нельзя садиться за руль, потому что она может ранить себя. Или кого-то еще.

В нем говорил работник зоопарка. Он знал, что животным, что бы ни случилось, нельзя позволить взбеситься.

Она вышла в ванную, не переставая орать, а Белл воспользовался этой возможностью и спрятал ее ключи. Глубоко в коробке с засохшим печеньем.

Вернувшись, она, конечно же, принялась рыскать по комнате в поисках этих самых ключей. Лин постоянно забывала, где их оставила. Находиться они могли где угодно.

Она прочесывала комнату.

Десять, пятнадцать минут, она искала повсюду. Она перестала орать на Белла и начала утихать.

Однако он знал: эта тишина бывает очень обманчива. Это ведь не спокойствие. Лишь тишина. Слово огонь, пробирающийся внутрь стен и невидимый до тех пор, пока кто-нибудь не откроет дверь.

Белл понял, что совершил ошибку. Она так и будет рыскать по комнате целую вечность, вот в чем проблема. Рано или поздно ему придется признаться, что он спрятал ключи. И тогда все сделается еще хуже. Она начнет орать громче. Разразится шторм века.

Иногда ему становилось жаль ее. В конце концов, она же почти сумасшедшая. Даже более чем почти. Бедная девочка. Но какая же стерва.

Он чуть не произнес это вслух.

В конце концов она снова скрылась в ванной, а Белл, тихо, как ночной вор, положил ее ключи в ящик стола.

Лин вернулась, но в ящик заглянула не сразу. Она уже заглядывала

туда. Несколько раз. И она знала это, а Белл знал, что она это знает.

- Ублюдок, - прошептала она, задыхаясь. Она почти плакала.

Белл испытал угрызения совести.

Противостоять слезам он не мог. Он растаял, двинулся к ней. Ему захотелось ее защитить.

Когда она швырнула в него ключами, он пригнулся, но левое ухо все же задело.

На какое-то время опять стало шумно. Белл поднял ключи и открыл дверь трейлера.

Лин схватилась за сумочку.

- Дай их сюда! - закричала она.

Белл не обратил на это никакого внимания.

На этот раз уехал *он*.

Нарезая круги, он потратил бензина на десять долларов. Он наслаждался этой растратой. Наслаждался поездкой. Разговаривал сам с собой.

Когда он все же вернулся, то увидел, как она дрожит, стоя на ступеньках.

Дверь захлопнулась, и она осталась на улице перед закрытым трейлером холодным осенним вечером.

Вновь угрызения совести.

Поездка не помогла.

Все-таки брак - сложное дело.

* * *

Млекопитающие щелкают.

Они сходятся, и иногда раздается щелчок. А иногда нет.

На следующий день после того, как Белл оставил Лин мерзнуть у трейлера, нечто вроде щелчка произошло между ним и Коулом.

Белл не мог объяснить, как именно это произошло. Стоя на крыше, он наблюдал за моржами - лаконогие волокни свои туши по мокрому асфальту.

Коул взобрался по лестнице и присоединился к нему. В вольере два самца с ревом бросились друг на друга и столкнулись.

Тот, что поменьше, отступил и ретировался в бассейн. Более крупный последовал за собратом. Скользя в воду, он внезапно преобразился, словно превратившись в совершенно другое животное.

Люди молча наблюдали за питомцами, а потом Коул сказал просто:

- Черт возьми, - и улыбнулся.

Белл тоже улыбнулся, а Коул продолжал:

- Напомнило сцены с отцом из моего детства, - пояснил он. - Он был такой большой и упрямый. И мне почти никогда не удавалось уйти от

наказания.

Белл поднял бровь.

- На редкость крутой парень, - продолжал Коул. - Колотил меня до тех пор, пока я не стал больше его, - он вновь улыбнулся так, будто являлся живым воплощением войны.

Белл не удивился, когда Коул достал серебряную фляжку и предложил глотнуть.

И Белл сделал глоток - всего один.

Но этого оказалось достаточно, чтобы после закрытия зоопарка они зашли в находившийся неподалеку бар. Белл не хотел возвращаться домой, к Лин, а Коул не торопился в свое реабилитационное учреждение - у него оставался еще час в запасе.

Сидя за стойкой, Белл зажег сигарету и вдруг понял, что рассказывает о Лин. Он рассказал Коулу все: о проблемах с деньгами, о ссоре.

Коул слушал, и в его глазах горели голубые огоньки. Внезапно он стал казаться пугающе мудрым.

Два пива спустя Белл обнаружил, что высказывает вслух то, в чем едва признавался даже себе самому:

- Лучше бы я остался холостым. Ох, как бы я этого хотел...

В бар вошла женщина, основательно наштукатуренная косметикой, стучавшая по полу квадратными каблуками. Коул подмигнул ей.

Женщина сказала что-то бармену и вышла.

Белл посмотрел ей вслед. Сквозь входную дверь заглянуло яркое заходящее солнце. Белл вздрогнул и - слишком поздно - прикрыл глаза. Моргая, ослепленный, он кое-как нащупал свое пиво.

В этой временной тьме Коул произнес:

- Я разбил вертолет, если тебе это интересно.

Белл снова моргнул. В темноте проявились глаза Коула, напоминающие два уголька.

- А?

- Я заметил, что ты ничего не спрашиваешь про мои руки. Как и про то, почему я оказался в тюрьме. Ты никогда никого не спрашиваешь. Это бросается в глаза. Ты никогда не спрашиваешь людей о том, как они попали на общественные работы. Просто поручаешь им всякое дерьмо и отмечаешь рабочие часы.

Белл, наверное, выглядел обеспокоенным. В темноте перед ним вращались фиолетовые круги.

- Нет, это здорово. Хорошо, что ты ведешь себя именно так. Ты позволяешь людям почувствовать себя нормальными. Но ты не спрашиваешь так, что становится очевидным, насколько сильно тебя интересует ответ. Поэтому я отвечаю. Я разбил вертолет.

Коул оказался прав. Белл хотел знать. Хотел очень сильно, но не осознавал этого раньше.

- Ну, хорошо, - сказал он, подбадривая своего собеседника.

На рассказ о Бразилии Коулу потребовалось пятнадцать минут.

Он был пилотом.

Сначала в армии, затем стал возить президента компании, продававшей замороженных кур, а после устроился в «Юнайтед эрлайнс», заключившую контракт с канадскими железнодорожниками. Он развозил инженеров по контрольным точкам и наслаждался этой работой для одиночек. Инженеры, как правило, попадались уставшие до смерти. И потому тихие.

А потом он разбил вертолет, принадлежавший компании. Такое могло случиться с каждым - накрылся хвостовой винт, и вращающийся вертолет с перепуганными пассажирами пришлось опускать с высоты двух с половиной километров. В последнюю секунду машина перевернулась на бок, винт раскололся и разорвал топливный бак.

Обошлось без жертв. Единственным, кто получил серьезные травмы, оказался сам Коул, остававшийся в кабине до тех пор, пока все три пассажира не выбрались и не отбежали на безопасное расстояние. Ожоги покрыли двадцать пять процентов его тела, так и появились шрамы на левой руке.

Белл собрался задать вопрос, но Коул его опередил:

- Правая рука - это другое. Позднее.

В «Юнайтед эрлайнс» его подвига не оценили, и потому лечение вконец разорило Коула. Он едва смог позволить себе операцию, давшую ему возможность использовать руки. О косметике речь уже не шла.

И поэтому он начал сливать топливо. Можно делать неплохие деньги, продавая авиатопливо на черном рынке за полцены.

Бизнес этот, впрочем, рискованный. Коула кто-то заложил, и федералы выдали ордер на его арест,

Они связались с ним во время полета. Это произошло в Вирджинии, рядом с побережьем - он как раз летел в Ричмонд за пассажиром. Ему приказали приземлиться в аэропорту Ричмонда, но вместо этого Коул полетел к морю. Неужели они и правда думали, что он такой идиот? Идиот до такой степени, что позволит поймать себя с подсудным количеством вертолетного топлива.

Коул долетел до моря. Вернее, влетел в море. Если уж он им так нужен, федералам придется попотеть.

Белл, наверное, посмотрел на его правую руку.

- Бак взорвался, когда я врезался в волны, - сказал Коул, попивая пиво. - Вода загорелась. Мне оставалось либо барахтаться в горящем топливе, либо вырастить жабры. Мне тогда было двадцать семь. Дали девять лет.

Белл начал подсчитывать возраст, но Коул снова его опередил:

- О, с тех пор я там стал частым гостем. В основном за нападение. В последний раз - за драку в баре. Парень лишился глаза, и судья

добавила мне срок - эти женщины-судьи, они хуже всех. Она сказала, что когда-нибудь мой гнев сожжет меня изнутри, - Коул вновь улыбнулся своей зловещей улыбкой. - Но этого ведь уже не изменишь, не так ли? И кроме того, - добавил он, сделав хороший глоток, - не все, что горит, сгорает дотла.

Он грохнул по столу опустевшим стаканом.

- Надо бежать. Если меня снова закроют, я здорово влипну.

Коул стремительно поднялся и вышел. Белл обернулся, и солнце, еще не скрывшееся до конца, ослепило его во второй раз.

«Слепой, как летучая мышь», - подумал Белл.

Впрочем, такой хороший работник, как он, не мог не знать, что летучие мыши на самом деле не слепы. Об этом он и заявил вслух.

- Чего? - переспросил бармен. «А ведь он тоже работает в зоопарке. В каком-то смысле», - подумал Белл.

- Летучие мыши на самом деле не слепы, - повторил Белл.

* * *

«Никогда не пей с осужденными», - отчитывал он сам себя.

Это плохая идея по целому ряду причин. Это непрофессионально. И потом, если ты станешь его собутыльником настолько, что даже будешь потягивать виски на крыше вольера с моржами - а за это ведь увольняют, - то что ты будешь делать потом, если осужденный совершит нечто такое, о чем ты обязан сообщить? Что-то другое.

Неделю спустя после посещения бара Белл пришел на работу и увидел, что возле ворот его поджидает Гарланд, главный механик.

- У нас проблема, - сообщил он.

- Проблема?

- С твоим другом. Он пьян.

- Где он?

- Я отправил его чистить верблюжий вольер. Так он не попадетя никому на глаза до тех пор, пока не протрезвеет хотя бы чуть-чуть, - Гарланд помолчал. - Только он, кажется, набрался сильнее, чем я думал.

В висках тяжело застучало. Белл вздохнул.

Гарланд тоже выглядел неважно. Новость и впрямь оказалась плохой. Особенно с учетом того, что Гарланд заметил состояние Коула, но все равно позволил ему работать. Намечался почти Уотергейт. Если правда всплывет, многие люди могут пострадать.

- Я решил подождать и посмотреть, как ты поступишь, - сказал Гарланд. - Не хотелось заявлять на него, ведь это... ну...

Белл понимающе кивнул:

- Я разберусь.

Остановившись у вольера с верблюдами, Белл позвал Коула. Тот подошел к нему с лопатой в руках. От него несло ромом.

- Да? - по тону стало понятно: Коул знал, что назревают неприятности. Взглянув на заключенного через прутья клетки, Белл заметил в его глазах что-то агрессивное. Что-то львиное.

Белл объяснил, что нужно делать.

Коул положит лопату.

Не будет ни с кем разговаривать.

И уйдет через задний вход. Немедленно.

- Значит, я попал, - сказал Коул. Белл покачал головой.

- Ты позвонил и сказал, что заболел, вот и все. Ничего больше.

Белл знал, что обязан уволить провинившегося. Так почему же он этого не сделал?

Что ж, тут все понятно. Он скажет Коулу, чтобы тот выметался к чертовой матери и никогда больше сюда не возвращался, а Коул пойдет к начальнице зоопарка и скажет: «Знаете, а я пил с Беллом виски на крыше в рабочее время».

- Я попал, - повторил Коул и покачнулся.

Белл нахмурился. Долгое время они молчали, затем Коул прошептал:

- Я не вернусь в тюрьму. Не вернусь.

Белл вывел его из зоопарка.

- Приходи завтра, - напутствовал он. - Трезвым.

* * *

Кокон пролежал ровно четыре недели. А затем, когда Белл вошел в заднюю комнату, он услышал звук множества гаснущих электрических лампочек. Долгое время он просто стоял и смотрел. В террариумах кишела странная новая жизнь. В каждой из стеклянных коробок, казалось, жили абсолютно разные существа. Странные осы и создания... не похожие на ос. Безымянные создания. Одни крупнее, другие мельче. Одни с крыльями, другие без. Все - красные с черным.

- Невозможно, - пробормотал Белл. Они не могли являться одним и тем же биологическим видом.

В первую очередь, почти инстинктивно, он захотел позвонить в университет. Но вспомнил их ответ о роющей осе. К черту университет.

К тому же инстинкты - они для животных. Белл сам разберется с этой загадкой.

* * *

Белл не сомневался в том, что справится. Он многое знал о

насекомых.

Знал, что насекомые одними из первых выбрались на сушу. Они видели рассвет и закат динозавров, рождение цветковых растений. Не люди первыми начали вести хозяйство, приручать животных или воевать. Эти достижения принадлежат насекомым. Когда человечество еще только делало свои первые неуклюжие шаги в области земледелия, южноамериканские муравьи уже давно довели эту науку до совершенства - в подземных камерах своих муравейников они аккуратно засеивали обширные, тщательно ухоженные сады грибами, существовавшими уже более тридцати миллионов лет.

Другая разновидность муравьев, *Lasius flavus*, содержала стада прирученных тлей. Они жили в подземных загонах, кормились корнями растений, а муравьи выдаивали из них богатый питательными веществами нектар.

Некоторые термитники достигали более девяти метров в диаметре, их населяли десятки миллионов жителей, подчиняющихся сложной системе каст. Солдаты *Macrotermes bellicosus* обладали настолько огромными челюстями, что не могли питаться самостоятельно. Вместо этого они полностью полагались на помощь рабочих низшей касты, поднимающих пищу к их ртам.

Насекомые строили города, фермы, высококлассные магистрали. Опустите глаза, взгляните лучше и вы увидите уровень организации, который можно назвать только цивилизацией.

Белл часто думал о том, что люди достигли столь высокого положения не из-за того, что они прекрасно адаптированы к этому миру, а из-за того, что они слабы, неуклюжи и уязвимы. Не приспособлены к существованию.

Один из видов доивших тлей муравьев выделял фермент, тщательно втираемый в тлей во время доения. Этот фермент останавливал у них развитие крыльев, не позволяя тлям улететь.

Там, где люди использовали внешние средства - вроде заборов, - насекомые зачастую находили более элегантное решение. Биологическое решение.

У них ведь имелось достаточно времени.

* * *

Четко следуя своему плану, Белл каждый день кормил личинок и записывал свои наблюдения. И все равно первым это заметил опять же Коул. Когда Белл наконец понял, у него отвисла челюсть.

- Офигеть, - пробормотал он, глядя в свои записи.

Он кормил их по-разному. Насекомые, которые, будучи личинками, ели хлеб, теперь не имели крыльев, зато кое-как обросли хитином. Цвет у

них получился тускло-красный, как ржавчина. Они скорее походили на жуков, чем на ос. Теперь, выбравшись из коконов, они по-прежнему предпочитали хлеб. Вегетарианцы, как и раньше, ели фрукты. Они отличались крупным телом, короткими конечностями и маленькими крылышками. Когда они совершали неуклюжие перелеты по террариуму, их крылья издавали громкое жужжание. Белл представлял, как они вот так перелетают между столами с фруктами.

Мясоеды оказались самыми странными - кроваво-красными, с похожими на клинки крыльями, их ротовой аппарат отличался внушительными размерами и острыми краями.

- Они адаптировались, - произнес Белл. - Адаптировались к той пище, которую ели до этого, - он недоверчиво покачал головой.

- Быстро же они учатся, - заметил Коул. Он двинулся к террариуму, собираясь любопытства ради засунуть палец к мясоедам, но Белл остановил его:

- Не надо.

Когда он показал этих существ Шоне, та спросила:

- Такое возможно?

- Они прямо перед тобой, - ответил Белл, хотя в глубине души и понимал: ее сомнения вполне оправданны. Миллионы лет эволюции в одном-единственном поколении. Ни один вид не может адаптироваться так быстро. Это напоминало какое-то дрянное кино. Лженауку. Невероятно.

- Но вот они, перед тобой, - повторил он.

* * *

Насекомые жили больше месяца. Они жужжали, ползали или перелетали с места на место внутри своих террариумов. Затем они начали умирать.

Дольше всех прожили мясоеды. Вымирая, каждая популяция оставила яйца. Очистив террариумы, Белл вернул эти яйца на место и принялся ждать, что же из них вылупится.

Как-то вечером он возился на чердаке, проверяя, не загнило ли сено. Шона забралась к нему по лестнице и стояла за его спиной до тех пор, пока Белл не повернулся. А потом встала на цыпочки и поцеловала его.

Если бы зоопарк к тому времени не закрыли, все посетители бы не ушли, а Белл не знал бы наверняка, что никто не зайдет в конюшню, не говоря уже о том, чтобы вскарабкаться на чердак, все, возможно, произошло бы иначе. Возможно, Белл тоже поцеловал бы ее, потому что поцелуй - самое большее, что могло между ними произойти.

Но зоопарк был закрыт. Белл знал об этом. И все сложилось по-

другому.

- Я не могу, - сказал он.

Она отстранилась.

- Но хочу, - добавил он.

Она смотрела на него, ожидая.

Внизу шумели лошади. Они пинали дверцы и разговаривали друг с другом на своем, лошадином языке.

Белл подумал о Лин, об их доме-трейлере.

- Не могу, - повторил он.

* * *

Когда Белл возвращался домой, его охватила тоска. Он ехал по темнеющему шоссе, следуя за светом фар своего автомобиля. Разгонял старую развалюху и наблюдал за тем, как стрелка спидометра подползает сперва к семидесяти, а затем к восьмидесяти. Входил в повороты, не переставая давить на газ. Шины визжали, но не теряли сцепления с дорогой.

В голове Белла крутилось кино о любви и ненависти. Он любил и ненавидел свою работу. Любил животных, но ненавидел условия их содержания. Ненавидел тот факт, что он не может жить на свою зарплату. «Когда ты молод, - думал он, - тебе говорят, что достаточно лишь получить диплом - и все остальное сразу станет на свои места. Но на самом деле все не настолько просто, не так ли?»

Все - абсолютно все - сложилось как-то не так.

Он подумал о своей семейной жизни, оказавшейся еще одним лабиринтом противоречий. Он устал от этого одиночества вдвоем. Он жаждал свободы, но не видел ни ее, ни даже выхода из сложившейся ситуации. Он чувствовал себя зверем, попавшим в капкан. Понимал, почему животные в таких случаях могут отгрызть себе ногу. Он постоянно представлял, как на него нападают грабители, а он начинает сопротивляться. И когда на него наводят пистолет, он все равно отказывается подчиниться.

Он пока еще не знал, что думать о Шоне. Поэтому он о ней и не думал. Совсем.

* * *

Личинки оказались красные, будто брызги выплеснувшейся из раны крови сворачивались на коричневых камнях террариума. Яйца пульсировали, словно живые сердца, расплескивая странную новую жизнь. Белл смотрел на них через стекло. Везде одна и та же история.

Личинки около сантиметра в длину. Даже с учетом их маленького размера Белл видел, как движется их ротовой аппарат. Абсолютно одинаковый у всех. Различия, ставшие столь очевидными у взрослых насекомых, содержащихся в разных террариумах, похоже, исчезли у следующего поколения. Личинки казались идентичными, словно кто-то их перезапустил. Видимо, склонностью к изменениям обладала лишь их взрослая форма. Белл достал пакет со своим обедом. Извлек яблоко, которое разрезал на двенадцать частей. Одну из этих частей он бросил в первый террариум. Личинки среагировали мгновенно. Они кинулись к фрукту и жадно облепили его.

* * *

По утрам Белл первым делом кормил личинок.

Он решил превратить это в эксперимент. Стащил стикеры из комнаты персонала и наклеил их на каждый из шести террариумов. На каждом он написал по одному слову.

Личинок, помеченных как «фрукты», он кормил фруктами. Личинок с пометкой «мясо» - ломтиками мяса. А тех, кто получил метку «контрольные» - различной пищей.

Личинок со стикером «холод» он кормил так же, как и «контрольных», но каждый день оставлял на один час в холодильнике, пока сам занимался рутинной работой. Часа не хватило бы на то, чтобы их убить, а вот на их физиологию это вполне могло повлиять. Они росли медленнее своих соседей.

Если эти насекомые действительно способны адаптироваться к окружающей среде, Белл проверит, насколько далеко они смогут зайти. Увидит, только ли рацион влияет на их адаптацию.

Личинки с меткой «жара» жили в маленьком террариуме, стоявшем на полу у обогревателя. Белл дотронулся до стекла - на ощупь оно оказалось горячим. Температура определенно оказывала влияние на личинок, но они тем не менее продолжали расти, с каждой неделей увеличиваясь в два раза.

Жителей террариума, помеченного стикером «падаль» Белл кормил остатками крыс, которых приносили от беркута. Эти личинки оказались самыми интересными. Пробираясь в мертвую крысу, они выедали ее изнутри.

Чарлз Дарвин верил в Бога до тех пор, пока не изучил паразитирующую осу *Ibalia*. В своих заметках он писал: «В мире слишком много страданий. Я не могу убедить себя в том, что благодетельный и всемогущий Бог создал бы осу, питающихся изнутри живыми телами гусениц». Особенно мерзким Дарвин нашел тот факт, что личинки пожирали живую ткань постепенно и вся их трапеза

длилась целых три года. При этом они до последнего сохраняли жизненно важные органы, как будто хотели продлить страдания носителей возможно дольше. Дарвин не мог вообразить Бога, сотворившего это.

А Белл мог.

Он подумал о механизме перезагрузки. Вообразил единственный вид со множеством фенотипов, уже закодированных в геноме - целый каталог взрослых форм. Достаточно лишь толчка - и существо становится на один из возможных путей.

- Может, они, как слепые пещерные рыбы? - предположила как-то вечером Шона.

Он следил за ее лицом, пока она смотрела через стекло.

- В ДНК пещерных рыб есть большинство необходимых генов для развития глаз, - произнес Белл. - Все, что нужно для хрусталика, сетчатки и века, все гены, кроме одного важного ингредиента, который запускает сам процесс возникновения глаз. Но если скрестить две популяции слепых рыб, могут получиться рыбы с глазами.

- Это нелогично, - сказала Шона.

- Логично, если слепота рецессивная, а популяции слепы по разным причинам.

- Но ты же говорил, что эти штуки не спариваются.

Белл, погружившийся в свои мысли, проигнорировал эту фразу.

- Или они похожи на стволовые клетки, - продолжил он, - каждая из которых содержит гены для нескольких видов тканей, а затем, со временем, выбирает свой путь.

Он наклонился и постучал пальцами по стеклу.

- Как ты думаешь, откуда они появились? - спросила Шона.

- Наверное, завезли вместе с фруктами. С бананами. Из Центральной Америки. Я не уверен.

- Почему их нет в книгах?

- Миллионы видов насекомых не описаны и по сей день. К тому же, возможно, их уже описали. Одну из их разновидностей. Как тут можно быть в чем-то уверенным?

* * *

Выискивая причину не возвращаться домой, Белл решил по второму разу проверить клетки.

И обнаружил, что дверь туннеля, ведущего к лемурам, распахнута настежь.

Он сам запирает ее. И сам проверял.

Где-то в мозгу прозвенел тревожный звоночек.

Рано или поздно работники зоопарка обзаводились либо такими

звоночками, либо шрамами.

Белл постоял, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте длинного туннеля, приходившего под мостом к острову лемуру.

В конце туннеля сиял свет, потому что дверь к лемурам тоже оказалась открыта. На фоне дверного проема темнел силуэт. Кто?..

- Эй! - выкрикнул Белл.

Появилось еще несколько силуэтов поменьше. Резкие, трясущиеся тени. Пять или шесть лемуров подпрыгнули, взвизгивая. Тень размахнулась, как питчер, и бросила что-то. Раздалось поскуливание. Лемуры взвыли и разбежались.

- Коул? - позвал Белл, входя в туннель.

Один из лемуров не убежал. Он вертелся на месте и щебетал.

Глаза Белла привыкли к темноте. Тень обросла деталями и обрела плоть. Коул.

В руке он держал горсть гладких белых камней, зрачки его расширились от ярости.

- Какого хрена ты делаешь? - заорал Белл.

- Они бросались в меня дерьмом. Своим проклятым дерьмом.

- О черт...

Коул обернулся, и его рука резко выпрямилась во тьме. Камень просвистел у самого уха и громко ударился во внешнюю дверь. Туннель откликнулся гулким эхом.

Белл замер.

Коул подошел к нему.

- Думай, как со мной разговариваешь, - произнес он, и на мгновение мужчины уставились друг на друга, ожидая, что произойдет дальше. Затем глаза Коула изменились - ярость исчезла, будто ее сдуло порывом ветра. Коул оттолкнул Белла и пошел прочь.

Лемур искал на ощупь дорогу к свету, к своему острову.

Белл пришел в себя, но не сказал ничего. Но ведь он должен что-то сказать, не так ли? Что-то же нужно сделать?

Он написал самому себе воображаемую записку: «Никогда больше не пускать в свою жизнь сумасшедших». Ни в коем случае.

* * *

Метаморфоза - это магия. И Дарвин тоже об этом знал.

Иногда это черная магия.

Преобразование головастика в лягушку. Личинки - в осу. Друга - во врага.

Белл смотрел, как личинки едят. Они уже достигли приличных размеров. Некоторые - почти тринадцать сантиметров в длину, кроваво-красные, вымахавшие без всяких на то причин. Вскоре они начнут строить свои бумажные коконы. Превращаться в то, во что им

положено.

Белл размышлял о преимуществах такого механизма адаптации. Возможно, этот запас адаптационного потенциала охранял их от излишне узкой специализации. Эволюция - процесс медленный, и когда меняются условия, популяции реагируют далеко не сразу. Если отставание оказывается слишком сильным, не изменившиеся вовремя виды попросту вымирают.

Белл знал о нескольких видах островных ящериц, размножавшихся партеногенезом. Такие виды всегда оказывались юными и изолированными. Они - отклонение от основного пути эволюции. Большинство из них в конечном счете ждала гибель, потому что половое размножение куда лучше подходит для создания следующего поколения. При половом размножении гены смешиваются, возникают новые фенотипы, частота генов смещается. Половое размножение перетасовывает генетическую колоду из поколения в поколение.

Виды, размножающиеся партеногенезом, с другой стороны, вынуждены снова и снова разыгрывать одну и ту же карту.

Но только не насекомые в задней комнате.

Они, похоже, выбирали из целой колоды, несмотря на партеногенез. Они стремительно адаптировались, изменяясь за одно поколение. А следующее поколение откатывалось назад. Этот шаг выглядел вполне логично - получалась уже не просто эволюция, а эволюция эволюции. Но как такое возможно?

Белл подумал о Коуле и других, подобных ему. Вспомнил дискуссии о роли воспитания и природных факторов в формировании личности. В другом времени и в другом месте Коул вполне бы мог приспособиться. В другом времени Коул, возможно, стал бы совершенно другим человеком.

Сегодня потомки викингов и монголов носят костюмы и руководят корпорациями. Становятся ветеринарами, водопроводчиками или пророками. Возможно, завтра или тысячу лет спустя, им снова потребуется стать викингами или монголами.

Меняются популяции. Меняются нужды. Меняются оптимумы. И все это меняется куда быстрее, чем происходит отбор.

С точки зрения биологии, одни и те же виды людей должны воспроизводиться снова и снова. Стабильные люди. Хорошие люди. Поколение за поколением, с четкой корреляцией между экспрессией и набором генов.

Но на практике все происходит совершенно не так.

Вместо этого человеческая природа пластична. В ней есть тщательно откалиброванная восприимчивость к травмам.

То, что кажется слабостью нашего вида, на самом деле является его важной чертой.

Потому что в некоторых случаях детство должно пойти наперекосок.

Такова адаптационная реакция, вшитая в нас.

Те, кто не адаптируется, вымирают. Наборы генов, которые всегда производили одних и тех же людей - стабильных людей, хороших людей, вне зависимости от среды, вне зависимости от жестокости, - эти наборы генов всегда разыгрывали одну и ту же карту, снова и снова...

И они вымерли.

Остались лишь те, что способны меняться.

Мы не так уж и отличаемся от этих жуков.

Однажды за обедом Белл рассказал все это Шоне. Они сидели друг напротив друга, потягивая безалкогольные напитки.

- Эволюция эволюции?

- Да, - подтвердил он.

- Почему это произошло именно с насекомыми? - спросила она.

- Потому что они живут здесь дольше всех остальных, - ответил Белл.

И тут же подумал о муравьях и тлях. О ферменте, препятствовавшем развитию крыльев. О том, как насекомые разбирались со своими проблемами. - Потому что насекомые всегда выбирают биологическое решение.

* * *

Белл избегал Коула целыми днями.

Он убеждал себя, что ждет подходящего повода для встречи с начальницей, чтобы рассказать ей о произошедшем в туннеле. Говорил себе, что не боится Коула, который может рассказать об их посиделках на крыше. Иными словами, он занимался самообманом, но хуже того - он не мог справиться со страхом, который испытывал перед Коулом.

«Это смешно, - говорил он себе, - Ты взрослый мужчина, профессионал».

С другой стороны, Коул представлял угрозу.

Может, ему удастся сделать так, чтобы Коул ушел, изменить его контракт, чтобы не пришлось ничего говорить начальнице?

Поразмыслив, Белл решил, что это наилучшее решение, так как в этом случае он останется на прежней работе и избавится от проблем.

Размышлял он на диване, лежа в трусах перед телевизором.

Когда по комнате прошла Лин, он увидел в ее глазах свое отражение. Выглядел он уличным бродягой.

Он знал, о чем она думала. «Какой же ты козел, что купил себе пива».

Его это не волновало.

Ее, кажется, тоже.

Она села на диван рядом с ним.

Так кем же он стал? Когда он перестал говорить, перестал что-то делать? Во что он позволил себе превратиться?

* * *

На следующий день Белл зашел в сарай следом за Коулом и произнес:

- Надо поговорить.

Коул снял со стены двухметровый секатор и повернулся к Беллу.

- Ну, - сказал он.

Белл что-то промямлил, разом забыв все отрепетированное вступление.

Коул начал посвистывать и оперся на секатор, словно на колдовской посох.

- Я должен тебя заложить, - сказал Белл.

- Ты о чем?

- О камнях, которыми ты бросался в животных.

Коул посмотрел на Белла и сжал кулаки.

- Иногда я выхожу из себя. У меня крутой нрав, и я знаю об этом.

- Вот почему тебе нельзя здесь находиться.

- Слушай, я буду работать над этим. Я исправлюсь.

Белл покачал головой.

- Я просто предупреждаю тебя из вежливости. Я должен об этом сообщить.

- Нет, не должен.

- В противном случае ты уйдешь отсюда сегодня же и больше никогда не вернешься.

- Это не вариант.

- Ты можешь отработать свой срок в другом месте.

- Мне нравится здесь.

- Зато тебе здесь больше не рады.

- А знаешь, что мне не нравится? Мне не нравится, что ты пытаешься мной командовать.

- Так или иначе, сегодня ты здесь в последний раз, - заявил Белл. - Либо ты уйдешь сам, либо тебя вышвырнут.

- На самом деле ты же не хочешь этого делать.

- Ты прав, не хочу, - признал Белл.

- Предупреждаю тебя, - Коул переменялся в лице.

Не спуская глаз с заключенного, Белл достал рацию.

- Гарланд, - произнес он в микрофон. Из динамика раздался шум, затем голос:

- Да?

- Подойди-ка к сараю.

- В чем дело?

- Немедленно, Гарланд, - Коул оттолкнул Белла к стене настолько сильно, что у того клацнули зубы.

В горящих глазах Коула вновь вспыхнула ярость. Ярость настолько сильная, что все остальное, похоже, для него потеряло значение. В рубашку Белла вцепились испещренные шрамами руки.

- Последний шанс, - сказал Коул.

Белл лишь улыбнулся, чувствуя, как что-то внутри него изменилось. Он неожиданно осознал, что страх остался позади, и произнес:

- Пошел в задницу.

От первого удара удалось уклониться, зато второй разбил ему бровь. Белл попытался ударить локтем, не попал, оба потеряли равновесие, Коул вцепился в противника, и в результате они упали и покатались, сцепившись, по грязному полу. Коулу удалось взять верх - он придавил ноги Белла и прошипел:

- А я ведь предупреждал, - на Белла обрушился град ударов, прекратившийся, лишь когда подбежавший Гарланд его оттащил.

С этого момента они дрались вдвоем против одного, но Белл не испытал по этому поводу никаких угрызений совести.

* * *

Начальница зоопарка составляла отчет. За ее спиной, у стены, стоял аквариум, по которому кружила рыбка. Начальница сплела пальцы и наклонилась вперед. Она не очень-то допрашивала Белла - считала, видимо, что поведение Коула говорит само за себя.

- Тебе, похоже, придется наложить швы, - заметила она.

Белл кивнул и потрогал бровь. Вот он и получил в зоопарке свой первый шрам.

- Его, конечно же, выгонят из зоопарка, - продолжила начальница. - И я буду настаивать на том, чтобы его отработанные часы аннулировали.

- Что с ним теперь будет?

- Против него, наверное, выдвинут обвинение.

- Я не хочу выдвигать никаких обвинений.

- Жестокое обращение с животными. С лемурами. Он вернется в тюрьму, - начальница замолчала, потом добавила: - Как только его найдут.

Белл посмотрел на рыбку в аквариуме.

- Он говорил, что никогда больше не вернется туда.

* * *

Тем же вечером, закрывая зоопарк, Белл обнаружил прощальный подарок Коула. Сперва он заметил лишь приоткрытую дверь.

Задняя комната в замке.

После драки Коул поднялся на ноги, вытер кровь с лица и пошел прочь. Он направлялся к воротам. Даже несмотря на то что они дрались вдвоем против одного, силы оказались примерно равны, поэтому, когда он отступил и пошел прочь, Белл и Гарланд позволили ему уйти. Получилась ничья. Они думали, что Коул тут же покинет зоопарк. Но не тут-то было!

Он сделал крюк и вернулся к замку.

И залил в каждый террариум щелочь.

Несколько растоптанных ботинками личинок валялось на полу.

От других остались одни высушенные оболочки. Лишь немногие еще извивались в белом порошке. Белл сделал шаг вперед, не переставая осматривать эту бойню. Он должен был догадаться. Догадаться, что именно так все закончится.

* * *

На пути домой Белла начал беспокоить тревожный звоночек.

Единожды появившись, этот звоночек работал везде.

На этот раз Белл не столько ощущал тревогу, сколько чувствовал: что-то не так. По мере приближения к трейлеру это чувство усиливалось. Сперва казалось, что это как-то связано с Коулом, но когда он вернулся домой, стало ясно: Коул тут ни при чем. Что и говорить, Вселенная умеет выбрать момент.

Лин ушла.

Не так, как если бы она ушла в магазин. Ушла насовсем. Бросила его.

Она оставила записку, в которой все объяснила. Она винула его.

Белл выругался и услышал собственный голос будто издалека.

Поначалу он думал лишь об одном - она, похоже, ничего не взяла. Как будто во всей их жизни не нашлось ничего такого, что стоило забрать с собой. В своей записке она, похоже, выговорилась сполна. О нем. Об их жизни. Полный крах.

Он проворчал что-то.

Лин вполне может вернуться. Может, она еще передумает.

В конце концов, магнитофон действительно принадлежит ей. Она пользовалась им еще до того, как они переехали, а с тех пор они так и не смогли позволить себе купить новый.

Вздыхнув, он вынул шнур из розетки. Будто во сне поставил магнитофон в раковину и открыл кран. Двигаясь, как зомби, он оставил воду и пошел обыскивать трейлер на предмет мелочи, чтобы купить пива.

* * *

Следующий месяц прошел, как в тумане.

По округе циркулировали слухи. Поговаривали, что Коул покинул город. Полицейские продолжали поиски.

Нападение пережили лишь немногие личинки, да и те получили шрамы. Коул действовал очень тщательно, он залил щелочью даже тот террариум, что стоял на полу. В итоге коконы достроила лишь горстка личинок. Немного «контрольных». Несколько из террариума с пометкой «жара». Кокон у них, впрочем, получились кривые. Поврежденные. Эксперименту настал конец. Белл надеялся, что ему удастся хотя бы получить несколько жизнеспособных особей, чтобы начать все заново. Если из коконов вообще хоть что-то вылупится.

Поговаривали также, что Коулу, когда его поймают, придется несладко, ведь список обвинений продолжал расти, а ордер на его арест становился все страшнее и страшнее. Ему грозил срок, немалый срок. Белл знал, что Коулу потребуются козел отпущения.

И он обвинит Белла, а тот обвинит зоопарк.

Несколько недель спустя, заезжая на стоянку, Белл увидел пожарные машины. К холму тянулись шланги. В небо поднимался столб черного дыма. Белл побежал. Он уже знал, что ожидает его впереди.

Замок пылал. Пожарные пытались сбить пламя, но Белл понимал: слишком поздно. Он представил, как запекаются животные, оставшиеся внутри. Представил, как шипит и лопаются обожженная кожа, вообразил беззвучные крики умирающих змей, ящериц, жуков и лягушек. Представил, как его насекомые сгорают заживо.

Он огляделся в поисках Коула, на случай если мерзавец решил остаться и посмотреть на пожар.

Когда огонь потушили, Белл вошел в руины. Полный крах! Мертвые лягушки, змеи и ящерицы. В задней комнате он нашел почерневшие и треснувшие террариумы. Находившиеся внутри насекомые обуглились до неузнаваемости.

Все, кроме одного.

В террариуме, стоявшем на полу, с пометкой «жара», темнел кокон, лопнувший от высокой температуры.

Личинки внутри не оказалось.

* * *

Тело Коула нашли в тот же день, в траве за стоянкой. Белл смотрел, как его грузят в машину. Черный, распухший труп. Вряд ли он умер

легко.

На его руках темнели мелкие ожоги, будто он слишком близко подошел к своему детищу.

Ожоги - и что-то еще.

Что-то вроде укусов.

Судя по тому, как он распух, умер он от анафилактического шока.

Не все сгорело в огне.

«Не все, что горит, сгорает дотла», - так когда-то сказал Коул.

Белл еще долго стоял, прислушиваясь. Пытаясь услышать гудение, будто от электрической лампочки, но так ничего и не услышал. Только ветер шумел в кронах деревьев.

Что бы ни убило Коула, здесь его уже давно нет. Белл лишь хотел увидеть, во что превратилась личинка. Потому что на следующий год она уже станет чем-то другим.

На следующий год она превратится в плодоядку, осу или жука. Станет тем, чем потребуется.

Тем, чем ее сделает мир.

* * *

Приблизившись к дому, Белл вновь почувствовал, как внутри него шевельнулась тревога.

Кабель вновь отключили.

Эти придурки не знали еще, с кем связались. Белл пил уже вторую ночь подряд, и сейчас он почувствовал себя хищником.

Миновав девять трейлеров, он подкрался к кабельной коробке, открыл ее гаечным ключом и вернул свой кабель на место.

Вернувшись домой, он принялся щелкать по каналам в поисках чего-нибудь, напоминающего порно.

Спустя два часа заболел нажимавший на кнопку палец, а батарейка в пульте окончательно сдохла.

Он услышал, как открывается дверь.

Лин?

За секунду до того как дверь распахнулась, он вспомнил, что ее магнитофон все еще мокнет в кухонной раковине. Его охватил страх, нога дернулась. Но затем пиво вновь взяло власть в свои руки. Он откинулся на диване. Презрительно ухмыльнулся.

В дверном проеме обозначился силуэт.

Шона.

Ухмылка исчезла.

Она вошла молча. Какое-то время изучала его. Затем опустилась рядом, держа в руках пакет с готовой курицей.

Рука Белла, тяжелая и неторопливая, опустилась ей на бедро.

Она подняла ее еще выше.
Они не разговаривали. Даже телевизор сменял картинки в полном молчании.
Снаружи, за тонкими стенами трейлера, вылизывались и охотились.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Ted Kosmatka, Michael Poore. Blood Douber. 2009.
Печатается с разрешения авторов. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА

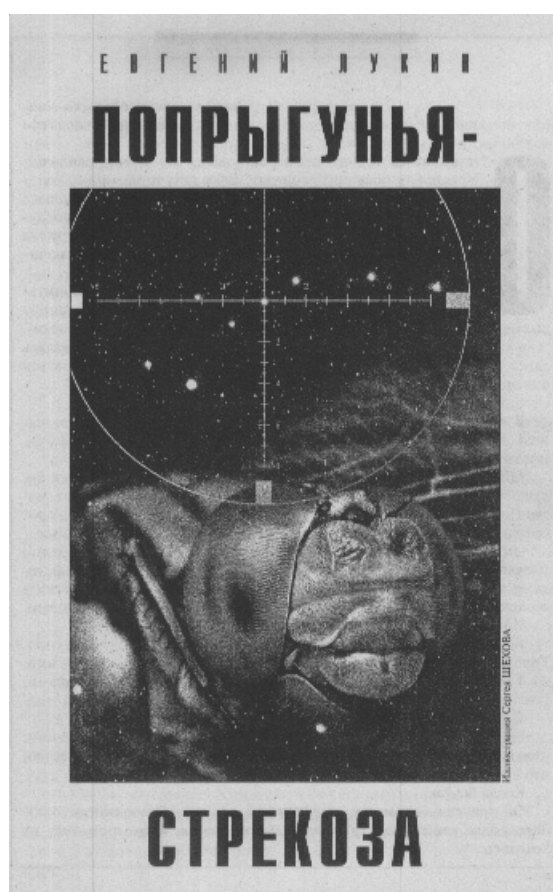

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Звезд в ковше Медведицы семь.
Осип Мандельштам

Он положил трубку и почувствовал, что сейчас заплачет. Удастся ли позвонить еще раз? Если нет, то маминого голоса ему больше не услышать. Разумеется, он ничего не сказал ей, да и вряд ли бы смог, поскольку любой разговор прослушивался. Стоит заикнуться о главном - связь наверняка прервется. Поэтому беседы приходилось вести исключительно о погоде и самочувствии.

В стеклянную дверь постучали - за ней уже успела скопиться небольшая очередь. Человека четыре. Все гражданские - со смены. Мобильники были под запретом (якобы создавали помехи), и комнатенка с телефоном, так называемая переговорная, оставалась здесь единственным местом, откуда простой смертный мог связаться с внешним миром.

С внешним обреченным миром.

Взялся за переносицу, изображая усталость и озабоченность, вышел. Выбравшись на свежий воздух, проморгался, ослабил галстук, потом и вовсе сорвал, сунул в карман.

Может быть, следовало плюнуть на все, в том числе на собственное будущее (какое теперь, к черту, будущее?), и заорать в трубку: прячься, мама! Под землю, в метро... Нет. Во-первых, больше одного слова не проорешь, а во-вторых, от того, что грядет, ни в каком метро не укроешься. Он с тоской оглядел территорию части: акации защитного цвета, плакаты вдоль асфальтовых дорожек, плац. Двое солдатиков с грабельками, поглядывая искоса на расхлюстанного штатского, доводили газон до совершенства. Они тоже ничего еще не знали. Не положено рядовым.

Или даже не так: знали, но не знали, что знают...

Воздух шуршал и потрескивал, как наэлектризованный. Стрекозы. Говорят, вылетели они в этом году неслыханно рано и дружно, да и вели себя необычно: вместо того чтобы барражировать парами, роились, собирались в армады, стелились над озерами.

Зато ни единого комара. Всех выстригли.

Грозное апокалиптическое солнце висело над бетонной стеной, почти касаясь проволочного ограждения на ее гребне. Такое чувство, что время остановилось и вечер никогда не наступит. Когда бы так...

Он присел на скамеечку перед урной, закурил. Слева розовато поблескивала решетчатая громада радиотелескопа, и смотреть туда не хотелось.

- Разрешите присутствовать, товарищ ученый?

Глеб поднял глаза. Перед ним, благожелательно улыбаясь, возвышался Ефим Богорад. Белая рубашка, галстук, на груди - ламинированная картонка, где каждое слово было заведомой ложью. Разве что за исключением имени и фамилии.

- Скорбим? - задумчиво осведомился он, присаживаясь рядом.

- Да нет, - помолчав, ответил Глеб. - Сижу, завидую...

- Кому?

- Вот ей. - И Глеб указал окурком на стрекозу, украшавшую собой краешек урны.

Богорад с интересом посмотрел на молодого технаря, потом на предмет зависти. Граненые глазищи насекомого отливали бирюзой.

- Вы со стороны затылка взгляните, - посоветовал Глеб.

- А где у нее, простите, затылок?

- А нету. Одни глаза. Под ними, как видите, пусто.

- Это что же вы... безмозглости завидуете?

- Да, - отрывисто сказал Глеб, гася окурком о край урны, причем в непосредственной близости от стрекозы. Та не шелохнулась. - И дорого бы отдал, чтобы стать безмозглым.

Взгляды их снова встретились. «Да знаю я, кто ты такой... - устало подумал Глеб. - А уж ты тем более знаешь, что я знаю... Тут жить-то осталось всего ничего, а мы комедию ломаем!»

Такое впечатление, что Богорад прочел его мысли. Дружески улыбнулся («Так ведь и ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь...») и вновь сосредоточился на стрекозе, пристально изучая то место, где фасетчатые глаза неплотно прилегали к тулову.

- Действительно, пусто, - согласился он. - Тем не менее одно из самых древних существ. Динозавров пережило...

- И нас переживет, - мрачно закончил Глеб.

- Без мозгов?

- Именно поэтому...

Над бетонной стеной вдалеке вздулся гигантский прозрачный купол. Он менял форму, то опадая и становясь византийски покатым, то яйцеобразно вздымаясь на манер итальянского. Затем распался.

- Ни хрена себе стайка! - заметил Богорад. - Как будто предчувствуют, правда?.. А что, интересно, по этому поводу говорит наш общий друг Лавр Трофимович?

- Ничего не говорит. Стрекозы - не его специальность.

- Да? А мне казалось, он и со стрекозиною переводит...

Глеб насупился и не ответил. Видя такое дело, боец невидимого фронта решил сменить тактику.

- Хотите пари? - неожиданно предложил он.

- На что?

- На коньяк, разумеется. Не на шампанское же.

- Нет, я имел в виду: о чем спорим?

- Если с нами ничего не случится, вы ставите мне бутылку «Хеннесси». Дайте руку...

Глеб подал ему вялую руку.

- Разбейте.

Глеб разбил. Пари было заключено.

- Ну-с, молодой человек, - ликующе объявил Богорад. - Вот вы и попались. Если планета уцелеет, вы мне ставите коньяк. А если и впрямь взорвется... Кто вам коньяк ставить будет, а?..

Все это было настолько глупо, что Глеб не выдержал и улыбнулся.

- Вот и славно, - сказал контрразведчик. - А то сидит тут... бука такая.

* * *

Собственно, Богораду и ему подобным надвигающийся конец света особых забот не прибавил. Секретная информация имела настолько сенсационный характер, что ее, чуток приукрасив, можно было безбоязненно выкладывать в Интернете. Да и выкладывали все кому не лень. Учиняли ток-шоу, приглашали уфологов, экстрасенсов, прочих проходимцев. Иногда на телепередаче присутствовал отставной космонавт. Сидел со страдальческим видом и откровенно ждал конца представления.

Официальные источники хранили брезгливое молчание, а если какой-либо особо приткий журналюга, окончательно утратив стыд, прямо просил представителя власти выразить мнение относительно угрозы из Космоса, тот обыкновенно морщился и либо оставлял без ответа, либо срывался: какой Космос? О насущном думать надо! Нефть вон опять дешевет...

Ученые также вели себя согласно инструкциям. С академическим спокойствием признавали, что да, обнаружен на внешних границах Солнечной системы излучающий объект, движущийся приблизительно в нашем направлении, каковой объект следует, пользуясь случаем, всесторонне изучать, а не устраивать по этому поводу неподобающей шумихи. Что же касается самочинных попыток расшифровки так называемых радиопередач, то тут затруднительно что-либо сказать наверняка. Это не к астрофизикам. Это к психиатрам.

А что еще оставалось делать? Взять и объявить во всеуслышание, что Земля, скорее всего, просуществует от силы месяц... неделю... день... Привести в полную боевую готовность все имеющиеся вооруженные силы... Зачем? Для борьбы с паникой, которую ты сам и вызвал дурацким своим признанием?

* * *

- Как насчет того, чтобы ящик посмотреть? - любопытствовал Богорад. - Вы ведь, насколько я понимаю, смену свою на телескопе сегодня отбыли...

Глеб сделал над собой усилие и разомкнул губы.

- Настроения нет, - безразлично выговорил он.

- А его и не будет, - утешил Богорад. - Вставайте, вставайте! Помните притчу о двух лягушках? В банке со сметаной.

Притчу Глеб помнил, однако смолчал.

- Одна сообразила, что из банки им ни в каком разе не выбраться, сложила лапки и утонула, - напомнил жизнелюбивый собеседник. - А вторая продолжала барахтаться. И сбила из сметаны масло...

Интересно, когда лопнет земная кора, хлынет магма, полыхнут города - он и тогда останется живчиком? Кстати, вполне возможно. Их ведь там наверняка специально школят: что бы ни стряслось, храни спокойствие, внушай уверенность, пошучивай себе...

- Да, господин ученый, - назидательно продолжал контрразведчик, - сбила твердое масло. Оттолкнулась от него и выпрыгнула из банки...

- Так это ж, наверное, деза, - с натужной ухмылкой предположил Глеб.

- Конечно, деза, - бодро согласился Богорад и, оглядевшись, конспиративно понизил голос: - Только между нами: вторая тоже утонула. Зато, пока барахталась, мышцы накачала во-от такенные... Ну вставайте-вставайте, хорош сидеть!

Поднял силком и повел к зданию. Розовое солнце, проплавив проволочное ограждение, наконец-то коснулось стены. Шуршали стрекозы, шаркали грабли. Мирный летний вечер.

- А кому вы сегодня звонили? - как бы невзначай поинтересовался контрразведчик.

- Маме...

- Понимаю... - Богорад кивнул. - Только галстук все-таки наденьте.. Или засуньте поглубже. Как-то он у вас из кармана больно уж пофрейдистски свешивается...

* * *

В комнате отдыха было прохладно и пусто, под потолком завелось крохотное эхо. Надо полагать, все отбывшие смену толпятся сейчас возле переговорной. Может, пойти да еще раз позвонить? Нет, не стоит... Мама наверняка встревожится. Чтобы ее оболтус и начал вдруг названивать по два раза в день? Значит, что-то стряслось. Или вот-вот стрясется.

- Даже здесь! - сказал Богорад, беря пульт. - Сюда-то она, скажите на милость, как попала? Не через кондер же...

На правом верхнем углу плоского телевизора всерьез и надолго обосновалась крупная стрекоза.

- Дверь открывали - и влетела. Их же там снаружи - тучи.

- Да уж... Чистый апокалипсис.

- В апокалипсисе саранча была, - хмуро поправил Глеб. - В броне и с

копытами...

Они воссели на диванчике, и Ефим нажал кнопку.

На экране возник отставной космонавт. С горестным выражением лица он неспешно наматывал на указательный палец какую-то ниточку. Намотал. Помедлил. Потом так же неспешно принялся разматывать. А вокруг бушевало ток-шоу.

- Ну?! - торжествующе взвизгивал взятый крупным планом кадыкастый подросток с худым костистым лицом. - И каких еще вам доказательств?

Кадр сменился. Объектив охватил аудиторию целиком. Кстати, обнаружилось, что привизгивающий молодой человек сидит в кресле, снабженном парой велосипедных колес.

- А что это вы нам тут показываете? - насмешливо звучало в ответ. - «Звездные войны» Лукаса мы все смотрели!

Действительно, то, что было предъявлено аудитории, сильно смахивало на искусственный планетоид Галактической империи.

Однако бойкого молодого инвалида смутить было трудно. Если вообще возможно.

- Да! Похоже! Очень похоже! И о чем это говорит? Только об одном: Лукас предвидел! В силу своего художественного таланта он предвидел!..

Отставной космонавт отвлекся на секунду, взглянул на изображение планетоида и, вздохнув, вновь принялся размеренно наматывать ниточку на палец.

- Хорошо! Вернемся к первому варианту расшифровки! К тому, что вы имеете дерзость называть расшифровкой!..

Оператор сосредоточился на говорящем. Уверенный в себе мужчина с упрямым подбородком и прекрасно вылепленным черепом. Естественно, бритым наголо. Грешно прятать такое совершенство под шевелюрой. В руке скептика трепыхалась бумажка с текстом.

- Итак, вот оно, это выдающееся послание инопланетного разума... - Мужчина сделал паузу и любовно оглядел собравшихся в студии, как бы предлагая насладиться вместе. - «Мы Вас уничтожим, - с удовольствием огласил он. - (Вариант - взорвем вашу планету.) Вы нанесли нам ущерб. Вы стали мельче. (Вариант - выродились.) Вы не сможете нам противостоять...» Из какого космического телесериала, позвольте спросить, выкопали вы эту ахинею, милый юноша?

Половина аудитории протестующе завопила.

- И обратите внимание, - возвысил голос бритоголовый скептик. - «Вас», «Вы» - все с прописной! Так, видимо, и передали из глубин Космоса. Стало быть, агрессивны, вежливы и безграмотны...

- Почему безграмотны?

- Потому что «Вы» с большой буквы употребляется только в эпистолярном жанре при обращении к какому-либо уважаемому лицу! А не к группе лиц!

- Так это же перевод!

- Простите, но если переводчик не владеет собственным языком, много ли он поймет в чужом?

- Значит, вы все-таки согласны, что это послание чужих, а не просто импульс?!

Глеб покосился на Богорада. Тот был задумчив и внимателен, словно не телевизор смотрел, а донесение изучал. Работал человек. Не исключено, что кто-то из их агентуры участвует в ток-шоу, мороча голову добрым людям. Который же из двух? Бойкий молодой инвалид или напористый бритоголовый скептик? Или оба разом?

- К черту подробности! За что они собираются нам мстить? Что мы им сделали?

- Мы? Ничего! Но до нас на Земле существовало как минимум четыре сверхцивилизации, чьими выродившимися потомками является современное человечество. - Юноша в инвалидном кресле торжественно загнул первый палец: - Атланты...

Сидящая на краешке экрана стрекоза вспорхнула, затрещала крылышками под потолком. Должно быть, и ее замутило.

Интересно, первый вариант перевода был умышленной утечкой в прессу или просто прошляпили американские Богорады?

- Пойду я... - с тоской сказал Глеб. - Курить хочется.

- Сидите-сидите, - машинально отозвался Богорад. - Скоро кончится... А курить вредно. Особенно перед армагеддоном.

Ну да, скоро... Судя по всему, склока на экране только еще заваривалась. Стрекоза, пометавшись по комнате, уяснила, что выхода нет, и присела на подлокотник.

- Третий вариант расшифровки еще пикантнее! - неумолимо гнул свое бритоголовый. - Вместо «Вы нанесли нам ущерб» следует читать: «Вы уничтожили наш военный корабль». Мне комментировать этот бред или как? Такое впечатление, что уровень дури растет от перевода к переводу... И что это значит: «стали мельче»? Ниже ростом, что ли? А как же акселерация?

- Да?! А кроманьонцы? У них средний рост был под два метра!..

- Так это, выходит, кроманьонцы корабль уничтожили? Чем?! Каменными топорами?..

«Господи, о чем они?.. - мысленно проскулил Глеб. - И почему я должен сидеть здесь и все это слушать?..»

Спасение пришло внезапно. Богорад со скучающим видом заправил мизинец в правое ухо - и замер. Пробыв в таком положении секунд пять, встрепенулся, взглянул на часы.

- Чуть не забыл, - озабоченно сказал он. - Мне ж еще... Извините, Глеб, вынужден вас оставить...

Не иначе пешеходная гарнитура мобильника таилась непосредственно в правом ухе контрразведчика. Хорошо устроились! А

тут дежурь возле переговорной, жди, когда трубку освободят...

Совпадение, конечно, но стоило Богораду подняться, вспорхнула и стрекоза. Зависла на миг посреди комнаты, затем метнулась к открывшейся двери и покинула помещение вместе с представителем спецслужб.

Неужто ему и стрекозы стучат?

* * *

Стоило остаться одному, страх навалился вновь. Не за маму, не за человечество - за себя. Потом стало очень стыдно.

- Х-х-х... - сказал Глеб.

Он всегда так говорил, когда ловил себя на нехороших мыслях. Возможно, это было робким подступом к матерному слову, каковых он, кстати сказать, не употреблял никогда. Разве что в письменном виде.

На полпути к переговорной Глеб столкнулся в коридоре с Лавром Трофимовичем. Породистое лицо академика выражало крайнее неудовольствие. Губы и брови - пресмыкались.

- Зря идете, - брюзгливо предупредил он Глеба. - Сдох телефон.

- Отключили? - беспомощно спросил тот.

- Нет... Смею заверить, нет. Сам...

- Вы это точно знаете, Лавр Трофимович?

- Точно... Вообще, насколько я слышал, со всей аппаратурой творится что-то непонятное.

Глеб вспомнил, как Богорад шерудил мизинцем в правом ухе. Может, и у него тоже связь накрылась? Не зря же он так стремительно отклонялся.

- Вы полагаете, Лавр Трофимыч... - Глеб не договорил и несколько боязливо указал глазами на потолок.

- Тоже вряд ли, - буркнул маститый собеседник. - Далеко они еще от нас. Далеконько... Хотя... - Он задумался.

- Что? - сдавленно спросил Глеб.

- А?.. - Академик очнулся. - М-м... Да понимаете, Глеб... Если не ошибаюсь, вояки собирались запустить им навстречу ракеты противокосмической обороны...

- Чьи вояки? Наши?

- А?.. Да. И наши в том числе... Вот я и думаю: может, нам помехи ставят?.. Впрочем, не берите в голову! - решительно прервал он сам себя. - Поскольку вопрос не из моей области, предположений мне лучше не выдвигать. А вам их лучше не слушать...

- А когда собирались?

- Запустить ракеты? Ну, думаю, точного времени вам никто не назовет. Даже те, кому оно известно... Скорее всего, давно уже

запустили...

Они вышли из здания - и оказалось, что снаружи вечер. Небо над стеной еще рдело, колючая проволока на розовом фоне чернела особенно выразительно. Чуть выше обозначилась Венера. На плацу мерно рушился строевой шаг, солдатиков вывели на прогулку. Вскоре они рявкнули песню, причем с такой страстью, что показалось, будто кто-то в отдалении оглушительно чихнул. Изначально объект был гражданский, а воинскую часть подселили примерно месяц назад - ради вящей безопасности.

- Странно... - с неожиданной грустью произнес Лавр Трофимович. - Не помню, в каком фильме... А может, во многих фильмах... Словом, кто-то кого-то спрашивал: если завтра конец света, как бы ты провел этот свой последний день?.. - Качнул головой, невесело посмеялся. - И вот выясняется, что точно так же. Ничего особенного...

- А он завтра? Конец света...

- Сегодня в ночь, - все с той же интонацией сообщил Лавр Трофимович - и Глеб обмер.

- Но... вы же сами говорили, что они еще далеко!

- Издалека чем-нибудь и шарахнут, - сказал академик. - Не думаю, чтобы они шли на таран...

- А... откуда вы...

- Откуда знаю? - Академик усмехнулся. - Вообще-то я давал подписку о неразглашении... Ну да какая уж теперь подписка!.. Радиосигналы с планетоида, как вам известно, поступают через равные промежутки времени и ничем друг от друга не отличаются. Кроме заключительного сигнальчика, который раз от разу идет на убыль. Таймер, Глеб. Таким образом они дают знать, сколько еще осталось жить.

- Зачем?

- Понятия не имею. Возможно, подергать нервы напоследок. Но суть-то не в этом, Глеб. Суть в том, что сегодня часа в два ночи сигнальчик станет равен нулю...

- И?!

Вместо ответа академик пожал плечами и поднял породистое свое лицо к темнеющему небу.

- Вон они, кстати...

В вышине проступала Малая Медведица, в которой теперь насчитывалось уже не семь, а восемь звезд. Восьмая - тот самый планетоид, по поводу которого недавно бранились на ток-шоу. На секунду бледные светила затуманились, словно по ночному небосклону прошел порыв пурги. Стрекозы.

- Ну? - скорбно молвил им Лавр Трофимович. - Мечетесь теперь?

Странные эти слова Глеб едва расслышал сквозь нахлынувший ласковый звон в ушах. Часа в два ночи... То есть жить осталось часа четыре...

Академик хмыкнул.

- А уж лягушкам-то, лягушкам раздолье! Слышите, заливаются? Харчатся... напоследок...

* * *

Кое-как справившись с предобморочной слабостью, Глеб обнаружил, что бредет по асфальтовой дорожке за Лавром Трофимовичем по направлению к солдатской курилке. «Так и не позвонил... - бессмысленно кувыркалось в опустевшей от страха голове. - Так и не позвонил...» Над громадой радиотелескопа стояла полная луна, делаясь все ярче и ярче. В зеленоватом полусвете были хорошо различимы и урна, и скамейка, и некто, на ней сидящий. Светлая рубашка, ссутуленные широкие плечи...

- Это не приятель ваш там медитирует?

- Вы о ком? - обессиленно выдохнул Глеб. Губы не слушались.

- Ну, кто вас опекает постоянно? Богорад...

- Д-да... кажется, он...

- Обо мне часто спрашивает?

- Кто?..

- Богорад.

- Д-да... иногда...

Услышав шаги, сидящий поднял голову.

- Так и знал, что вы сюда вернетесь, - сказал он Глебу. - Добрый вечер, Лавр Трофимович...

- Скорее, ночь, - заметил академик, присаживаясь с краю. - Не помешаем?

- Напротив... - Богорад достал из-под скамейки наплечную сумку, раздернул замок. - «Хеннесси», простите, не нашлось. Как насчет армянского, Глеб? Примете?

Глеб непонимающе посмотрел на него, потом вспомнил про недавно заключенное пари.

- Вы же вроде зажить хотели... - процедил он, закуривая.

- Хотел. - Богорад извлек из сумки блеснувшую в лунном свете бутылку и стопку пластиковых стаканчиков. - Потом раздумал. Не люблю оставаться в долгу... Лавр Трофимович, вы как?

- Спасибо, Ефим, не откажусь. Очень кстати.

Шагистика на плацу к тому времени прекратилась, brave песни смолкли. Отбой.

- За что? - хрипловато спросил Глеб, принимая стаканчик из рук контрразведчика. - За удачу?

- За чудо, - угрюмо поправил тот. - За удачу пить поздно. Теперь только за чудо...

Выпили за чудо. Богорад достал из бумажного пакета пластиковую тарелочку с нарезанным наспех сыром. Закусили.

- То есть, насколько я понимаю, - подал голос академик, - ракеты нам не помогли?

- Прошли мимо, - сипло сообщил контрразведчик. - Хоть бы одна попала! А он, сволочь, даже курса не изменил. Прет и прет по прямой...

Все трое подняли головы. Звезда Полярная. С виду она почти не отличалась от прочих звезд Малой Медведицы. Чуть потусклее Альфы, чуть поярче Беты. Самое забавное, никто до сих пор даже предположить не смог, что за чудовища ведут ее к Земле. Впрочем, почему обязательно чудовища? Вполне вероятно, что такие же милые интеллигентные люди... В конце концов, какая разница, кто именно тебя взорвет!

Темнота трепетала от лягушачьих трелей. На горлышко бутылки с коротким шорохом опустилась стрекоза. Лунный свет просеребрил сеточку крылышек.

- Можно подумать, для тебя покупали! - сказал ей Богорад.

- А представляете, - задумчиво произнес Лавр Трофимович, тоже глядя на стрекозу. - Они ведь были когда-то громадные. В карбоновом или в каком там периоде... Метровый размах крыльев, а? М-да... - Окинул горестным взглядом освещенный луной пейзаж. - И мнили себя царями природы. Как мы сейчас...

Все вновь взглянули на лишнюю, восьмую звезду.

- Ну что? За упокой мира сего вроде рановато...

- Лучше заранее. А то можем и не успеть.

- До двух часов ночи? На троих бутылки не хватит.

- У меня там еще одна... - успокоил Богорад. - На всякий счастливый случай... Лавр Трофимович!

- А?... - рассеянно откликнулся тот.

- Не хотите поделиться кое-какими научными сведениями?

Несколько мгновений ученые и контрразведчик внимательно смотрели друг на друга. Вдалеке над стеной всплыл огромный шарообразный рой, просвеченный луной насквозь, но ни тот, ни другой на него даже не покосились.

- Странно, - изронил наконец Лавр Трофимович. - А я-то полагал, что контрразведка знает все...

- Контрразведка - да, - согласился Богорад. - А отдельно взятый контрразведчик знает только то, что ему положено.

- А вам положено это знать? То, о чем вы спрашиваете.

- Нет.

- Тогда зачем это вам?

- Из любопытства.

- Послушайте! - взмолился Глеб. - Ну что вы тут словеса плетете? Вот же она, вот! - И он воздел к звезде-убийце пустой пластиковый

стаканчик. - Нас уничтожать летят... Понимаете? Нас! Людей! Человечество!

Оба собутыльника сочувственно поглядели на Глеба.

- Бедный мальчик, - как бы про себя молвил Лавр Трофимович. - Все еще надеетесь умереть с гордо поднятой головой? Боюсь, нам даже этого не удастся...

После таких слов Глебу стало совсем жутко.

- Что... еще?.. - еле выпершил он.

- Видите ли, - несколько даже виновато сказал академик. - Человечество, Глеб, тут вообще ни при чем. Уничтожать-то летят не людей... Вернее, и людей тоже, но... так, за компанию...

Глеб моргал. Окурочек обжег пальцы. Выронил. Поднимать не стал.

- Позвольте... А радиосигналы?

- А радиосигналы, которые мы перехватили и частично расшифровали, судя по всему, адресованы совсем другим существам.

- Но на Земле нет других разумных существ!

- Получается, есть...

Глеб очумело огляделся.

- Кто?!

- Вы будете долго смеяться. Стрекозы.

Лягушачьи трели за бетонной стеной, казалось, стали громче. И шорох бесчисленных перепончатых крылышек - тоже.

- Налейте-ка по второй, Ефим, - попросил Лавр Трофимович. - Глебу - побольше...

- Иди-иди отсюда, - пробормотал Богорад, сгоняя стрекозу с горлышка бутылки. - Нечего подслушивать...

Глеб машинально подставил стаканчик и так же машинально его принял. В три глотка. Помогло. Во всяком случае, оглушило.

- Я вас слушаю, - напомнил Богорад академику. - Как вообще раскопали, что это именно стрекозы?

- Видите ли, - сказал тот. - Монстрики наши... Или кто они там?.. - Он мельком бросил взгляд на Малую Медведицу. - Словом, они используют аналитический язык...

- Поясните.

- М-м... Как бы это попроще? Представьте знаковую систему, где каждый знак тоже состоит из знаков. И те, в свою очередь, состоят из знаков. Представили?

Контрразведчик хмыкнул - и задумался.

- Хорошо. Берем знак, соответствующий нашему обращению «вы», разнимаем его на составные. На знаки следующего уровня. Так вот уже на втором уровне становится ясно, что обращаются отнюдь не к людям... Вам в самом деле интересны эти подробности?

- Пожалуй... нет.

- А коли так, извольте поверить на слово.

- Верю, - сказал Богорад. - Но в таком случае возникает масса вопросов.

- Задавайте.

- Как им удалось уничтожить боевой космический корабль? И когда?

- Когда? Да, скорее всего, в карбоне... Задолго до появления людей. А вот как? Право, не знаю. Но уничтожен он был еще на подлете к Земле...

- Вы что, издеваетесь? - заикаясь от злобы, вмешался Глеб, утративший всякое почтение к возрасту, заслугам и службам государственной безопасности. - Какие стрекозы? Ими вон лягушки харчатся! Детишки сачками ловят!

- Выродились... - тихонько напомнил Богорад. - Мельче стали... Пока все по тексту.

- Ага! Мельче стали... Мозгов-то все равно нету! И не было никогда!

- Есть другое объяснение, - известил Лавр Трофимович, кажется, нисколько не обидившись на вспышку Глеба. - Одна стрекоза вообще ничего не значит. Так же, кстати, как и один отдельно взятый контрразведчик. Пусть ее хоть лягва ест, хоть юннат на булавку накалывает...

- То есть?

- Коллективный разум, возникающий на уровне стаи. Роя.

- Х-х-х... - сказал Глеб и снова полез за сигаретами.

- Что с вами? - спросили его.

- Да кто когда видел эти разумные стрекозиные стаи?!

- Не исключено, что мы с вами как раз это сейчас и наблюдаем, - с академическим спокойствием отозвался Лавр Трофимович. - Взгляните-ка...

Огромный плотный рой в вышине менял очертания. Казалось, чьи-то незримые руки пытаются вылепить из него подобие объемной лежащей восьмерки.

- И это, по-вашему, свидетельство разума?

- Скорее, его остатков. Так сказать, последние судороги. Между прочим, импульс «выродились» можно истолковать именно как «утратили разум».

- Нет, ну а смысл-то, смысл этих их... танцев под луной?!

- Предположим, ставят помехи.

- Кому?

- Ну не нам же! Хотя... Электроника-то забарахлила. Любопытное совпадение, правда?

- Бред... - пробормотал Глеб, тщето чиркая зажигалкой. Сдохла. Очень вовремя!

- Ну ладно... - снова вмешался Богорад. - А что за существа сидят в планетоиде?

- Не знаю.

- Нет, позвольте! Если удалось раскодировать импульс «вы», то, стало быть, импульс «мы» тоже, скорее всего, расшифрован...

- Импульсом «мы» занимался не я.

- А кто?

- Точно сказать не могу. Какая-то группа в Швейцарии...

- Давайте лучше выпьем, - угрюмо предложил Глеб, так и не закутив. - Устроили, блин, ток-шоу... напоследок!

Внезапно мелькнула догадка, что ток-шоу в курилке устроено старшими товарищами неспроста. Нарочно злят. А иначе пойдут истерические всхлипы и причитания, что так и не успел позвонить в последний раз... Мама! Боже мой, мама... Глеб задохнулся.

- Два наряда вне очереди! - неистово раздалось в отдалении.

Обернулись, посмотрели. На плацу угадывались три фигуры в камуфле. Две стояли навытяжку, одна жестикулировала.

- Звездочеты, блин! Астероида ни разу не видели? Бегом... марш!

Двое подхватились, кинулись к зданию казармы. Третий помедлил и, хищно оглядевшись, замер. Потом двинулся к курилке.

- Так, - зловеще молвил он, приблизившись. - А вы, орлы, что тут... - осекся, крякнул. Луна тускло высветила звездочки на пятнистых матерчатых погонах. - А-а... - разочарованно протянул старлей. - Товарищи ученые? Доценты с кандидатами... О! Еще и колдыряют! Гауптической вахты на вас нет...

- Выпьешь, лейтенант? - прямо спросил Богорад.

- Так а я к чему веду?.. - оскорбился тот, беря протянутый стаканчик. - Армянский? Хорошо живете... - выпил, закусил сыром. - Ну что? - осведомился он, поглядывая на Малую Медведицу. - Точно говорите, не столкнемся мы с ним?

- Точно...

- Ну, я на вас надеюсь. А то ведь мне в отпуск с завтрашнего числа... Так! - перебил он себя, вглядываясь в лунный сумрак. - Еще один звездочет...

Действительно, на втором этаже казармы открылось окно, и в нем смутно обозначился бледный солдатский торс. Старлей вернул опустевший стаканчик и устремился к зданию. Окно захлопнулось.

- Стрекозы, блин... - донеслось издали. Должно быть, сошелся с насекомым лоб в лоб.

Трое в курилке дождались, пока дверь за офицером закроется, и разлили по последней. Впрочем, Богорад сказал, у него в сумке есть еще одна бутылка. На всякий счастливый случай... На какой, интересно? Неужто он надеется, что на планетоиде тоже что-нибудь откажет?..

- Ну что? - произнес со вздохом Лавр Трофимович. - Хорошая была планета. Давайте помянем...

- Тогда уж не чокаясь, - негромко добавил Богорад.

Трое примолкли, оглядели напоследок подлунный мир, а в следующее мгновение порывисто встали, расплескав коньяк.

- Что это?!

Шорох стрекозиных крылышек стал пугающе громок. Он заглушил все - даже лягушек в прудах. Луна словно подернулась дымкой. Свет разом иссяк. Над головами вскочивших проносились нескончаемые потоки стрекоз. А вдали, на горизонте, куда, собственно, стремились эти несметные полчища, образовывалось постепенно что-то вроде гигантской призрачной воронки. Ворочаясь, увеличиваясь в размерах, она обретала подобие слегка наклоненной чаши. Если, конечно, слово «слегка» может быть применимо к этакому диву, достигавшему по меньшей мере нескольких километров в диаметре.

Затем (трое в курилке по-прежнему стояли оцепенев) из центра чашеобразного круговорота, состоявшего, очевидно, из мириада стрекоз, вскинулась наискосок всклокоченная борода молний, сквозь которую скорее угадывался, чем просвечивал некий темный луч, уходящий в звездное небо.

Земля под подошвами прыгнула - и на территорию части обрушился грохот. А через несколько секунд ударил ветер...

* * *

Казалось, страшный этот порыв никогда не кончится. Распластанный на бетонном дне курилки Глеб из последних сил цеплялся за железную опору скамьи, чувствуя, что, отпусти он ее, ветер скovyрнет его с бетона и ударит либо о стену, либо о дерево. А вокруг трещало и выло. Примерно так и представлялся ему конец света.

Все прекратилось, когда пальцы почти уже разжались. Сообразив, что остался цел и даже относительно невредим, Глеб в ватной тишине стал на колени, потом, придерживая ушибленную руку, кое-как поднялся на ноги. Судя по тому, что кроны акаций еще бурлили, а на плацу крутились мусорные смерчи, причиной тишины была временная глухота.

В лунном свете постепенно проступали подробности. С казармы сорвало часть крыши. Ближайшую акацию вывернуло с корнем. Радиотелескоп напоминал груды металлолома.

Потом рядом возник Богорад. Лоб рассечен, выражение лица - ошарашенно-восторженное.

- Ни хрена себе выродились!.. - скорее прочел по губам, нежели расслышал Глеб.

Вдвоем они извлекли из-под пластиковых обломков навеса оглушенного Лавра Трофимовича и лишь потом уставились в лунную серую даль.

Горизонт был чист. Куда делись стрекозы, сказать трудно. То ли

разлетелись, то ли большей частью сгорели в момент разряда.

Из разоренной казармы и чудом уцелевшего общежития выбегали в панике люди. А с вышины на весь этот человеческий переполох смотрели семь звезд Малой Медведицы. На месте лишней, восьмой, расплывалось крохотное тускнеющее пятнышко.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

ДАВИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Вот уж действительно благодатная и универсальная тема, понятная всякому обитателю городского или сельского жилья, постояльцу дешевых гостиниц и огородникам. Но любите ли вы и ненавидите ли насекомых так, как и умеют любить ненавидеть их фантасты? Не пугайтесь раньше времени. Перед вами не тест на арахно- и жуко-вменяемость, а всего лишь обзор одной из самых популярных тем в мировой НФ.

Если довериться цифрам и голым фактам, то подлинный хозяин планеты отнюдь не человек. Властелины нашего мира - насекомые. Судите сами: их более двух миллионов видов! Более 70% всех живых существ на Земле! В отличие от «самого разумного из животных», эти мелкие твари буквально обитают от полюса до полюса. А добавьте к этой устрашающей массе их родственников - пауков, насчитывающих более 25 тысяч видов! Впрочем, не будем запугивать читателя, тем более что арахнидов ученые из класса насекомых исключили с самого начала - лапок слишком много.

Издавна людей поражали удивительная расцветка насекомых, причудливая, фантастическая конструкция их тел, конечностей и мандибул, а также склонность к поразительным метаморфозам - из гусеницы в прекрасную бабочку, А еще упорядоченная жизнь «общественных» насекомых, вроде пчел, муравьев и термитов.

Но рядом с этим восхищением всегда коренился и стойкий страх перед неисчислимыми и агрессивными массами перемещающихся по земле существ, способных враз уничтожить не только посевы, но и вообще все на своем пути (как бразильские муравьи-кочевники). Ужас перед нашествиями саранчи отразился еще на страницах Библии (книга «Исход», гл. 10 и книга «Второзаконие», гл. 28). И не случайно имя одного из демонических князей ада звучит как Баал-Зебуб - Повелитель Мух. То есть Вельзевул.

Жизни насекомых посвящено огромное количество научно-популярных исследований, которые читать не менее интересно, чем

фантастические романы. Среди оказавших наибольшее влияние не только на публику, интересовавшуюся естественной историей, но и на литературу, назовем «Театр насекомых» Т.Моффета и «Энтомологические записки» Ж.Фабра.

Впрочем, многие авторы предпочитали использовать поразительный мир членистоногих только как условный прием или «кривое зеркало», в котором отчетливее отражались язвы современного общества. Одним из первых подобный метод использовал в поэме «Бал бабочек и праздник кузнечиков» У.Роскоу, а за ним последовали и другие знаковые фигуры мировой литературы: Р. де Гурмон («Физика любви»), М.Метерлинк («Жизнь пчел») и саркастичный К.Чапек с пародийной пьесой «Из жизни насекомых». Из наиболее заметных примеров современной прозы (в том числе и жанровой) упомянем роман француза Б.Вербера «Муравьи» и «Жизнь насекомых» В.Пелевина.

Но для нас, понятно, больший интерес представляют не литературные условности, а научно-фантастическая картина «насекомой жизни».

* * *

Научные фантасты давно проявляли повышенный интерес к миру насекомых. И если вы думаете, что первые НФ-сочинения на эту тему живописали ужасы вторжения кровожадных букашек в мир людей, то ошибаетесь. Это были практически научные повествования об удивительной жизни членистоногих - почти в духе книг Фабра. Разве что вымысла побольше для увлекательности: например, герои-люди вдруг уменьшались до размеров муравья и отправлялись исследовать мир насекомых.

Или, напротив, тараканчики и мошки вдруг увеличивались в размерах.

Одной из первых НФ-книг такого рода стал роман «Приключения микрочеловека» Э.Палландера (1902). А вот наиболее известным произведением по теме в американской НФ стал рассказ Р.Матесона «Уменьшившийся человек», запомнившийся читателям поистине эпическим описанием сражения героя с пауком.

Разумеется, основной аудиторией подобных просветительских книг были дети и подростки. Читатели нашей страны, несомненно, хорошо помнят блестящую книгу «Необыкновенные приключения Карика и Вали» Я.Ларри - детскую историю о приключениях уменьшившихся детей и их друга - профессора в мире насекомых (у книги был литературный предшественник - вышедший в 1920-е роман, увы, забытого сегодня фантаста В.Гончарова «Приключения доктора Скальпеля и фабзавуча Николки в мире малых величин»). Не меньшей известностью в свое время пользовалась и другая книга, в увлекательной, приключенческой, форме популяризовавшая

энтомологию и почвоведение - роман «В стране высоких трав» В.Брагина.

Постепенно истории о микрогероях превратились в настоящие сказки, вроде хорошо всем известной детской повести В.Медведева «Баранкин, будь человеком», где популяризации нет и следа.

Но открытие новых видов насекомых, которые и по сей день ежегодно совершаются энтомологами, вдохновляли писателей и на создание историй о невиданных членистоногих монстрах. Конечно, проще всего было представить таких насекомых в виде неопикуемых гигантов. Из ранней НФ вспомним цикл Э.Р.Берроуза о подземном мире Пеллисюдаре, расположенном в центре Земли, и роман отечественного ученого и фантаста В.А.Обручева «Плутония», героям которого массу неприятностей доставили гигантские муравьи.

Хотя в современной географической фантастике порой и случаются попытки реанимации старой темы «невиданных насекомых из джунглей», но в целом тема давно изжила себя. Отличной эпитафией теме стала великолепная стилизация под историю с загадочными термитами в романе С.Лема «Фиаско».

Отдельным направлением стала спекуляция в фэнтези и хорроре на фобиях перед насекомыми и арахнидами. Не случайно Дж.Р.Р.Толкин выбрал в качестве воплощения самого отвратительного изначального зла именно образ гигантской паучихи Унголиант.

Особенно активно спекулировали на арахнофобии мастера литературы ужасов. Например, С.Кинг в повести «Туман» изобразил, как людей в маленьком городке уничтожают монстры, походившие на чудовищно изменившихся членистоногих. А в романе «Оно» в американском городке Дерри окопался паукообразный оборотень, пришедший из иного мира и охотящийся на детей.

Иные авторы через страшилки пытались даже поведать некую моральную притчу. Так поступил, например, Дж.Мартин в рассказе «Короли-пустынники», который повествует о членистоногих обитателях террариума, сначала обожествлявших хозяина-негодяя, но потом возненавидевших и уничтоживших его.

Значительно реже в текстах фэнтези и хоррора насекомые появляются в качестве нейтральных действующих лиц, не помышляющих дурного по отношению к главному герою. Однако и здесь есть заметные примеры исключения из правил, вроде «Города поющего пламени» Кларка Эштона Смита, где персонажи встречаются с разумными насекомоподобными, впрочем, не проявляющими к ним никакого интереса.

В тех областях НФ, что близко соприкасаются с хоррором, авторы любили порассуждать на тему, что случится, если насекомые вдруг обретут разум. Самыми популярными антигероями в данном случае оказались разумные муравьи - либо появившиеся на свет в заброшенных уголках нашей планеты, либо эволюционировавшие где-то в иных мирах. Первым этот мотив развил еще Г.Уэллс в рассказе «Царство муравьев». Знамя «муравьиной опасности» подхватили Ш. де Риштер в «Невидимой угрозе» и Ф.Флагг в «Хозяине муравьев».

В произведениях этого ряда почти обязательно рассказывалось, каким путем муравьи обрели коллективный разум (неудачный эксперимент ученых, радиация, вмешательство инопланетных сил и т.д.), превративший их в неуязвимых и очень опасных противников. Такие пессимистические сценарии предлагали Б.Хечт в «Приключениях профессора Эммета», Б.Олсен в «Муравье с человеческой душой», А.Г.Беннет в «Полубогах», М.Лейнстер в рассказе «Судный день откладывается» и Ф.Браун в новелле «Приди и стань безумным». Сходную, хотя и менее пугающую ситуацию изобразил А.Мирер в рассказе «Будет хороший день!». В «Серых муравьях» К.И.Домбровского виновниками появления на Земле разумных насекомых стали США, проводившие ядерные испытания, после которых сам собой запустился механизм обширных мутаций.

У Ф.Ридли в «Зеленой машине» инопланетные муравьи планировали колонизировать Землю. В романе Ф.Хернамана-Джонсона «Полифемы: история о странных происшествиях со странными существами» развившиеся на тихоокеанском острове муравьи попытались завоевать мир людей, бомбардируя человеческие поселения.

Другие насекомые отчего-то пользовались меньшим успехом у фантастов. В «классический ряд» вошло лишь несколько произведений о том, как человечество покорили разумные пчелы - «Эмансипатрикс» Г.Е.Флинта, «Люди-термиты» Д.Н.Келлера и «Последний человек» Ф.Б.Лонга.

Впрочем, и не наделенные разумом пчелы способны были навести страх на читателя. Весьма впечатляющие картины нападения пчел-убийц рисовали Уилл Х.Грей в «Пчелах с Борнео», А.Херцог в «Рое», К.Робертс в романе «Фурии».

В создании историй о пауках, угрожающих человечеству, «пионером темы» также выступил Г.Д.Уэллс в рассказе «Долина пауков». Но самое, пожалуй, запоминающееся произведение создал английский «мастер катастроф» Д.Уиндем. В его посмертно опубликованной повести «Паутина» описан остров с пауками, которые в результате проведенных поблизости ядерных испытаний, превратились в агрессивных общественных насекомых, обладающих коллективным разумом.

Но если в нынешней НФ-литературе насекомые в ролях «главных

пугал» попадают все реже, то в кинематографе гигантские членистоногие по-прежнему остаются самыми желанными и востребованными «страшилами».

Иногда воображение фантастов шло дальше придумывания разнообразных версий страданий человечества от жал гигантских ос или комаров. У К.Харриса в «Последней борьбе» невероятно размножившиеся насекомые уничтожили всю растительность на Земле, тем самым вызвав глобальную экологическую катастрофу. А в романе Ф.Херберта «Зеленый мозг» коллективный разум всех насекомых начал борьбу с людьми как раз ради поддержания экологического равновесия. И людям пришлось с этим считаться. В романе «Улы Хеллстрома» Ф.Херберт попытался посмотреть на проблему взаимоотношения людей и насекомых с другой стороны, описав человеческое общество, построенное по схеме муравейника.

Любопытным ответвлением темы стали книги, в которых авторы предлагают при помощи генной инженерии либо преобразовывать существующих членистоногих, делая их полезными людям, либо вообще создавать новые виды. Описание подобного подхода можно найти у Б.Стейблфорда в «Беспозвоночном человеке», Р.Оре в «Игрушках Геи» и С.Шмидта в «Аргонавте».

Впрочем, фантасты, конечно же, отдавали отчет, что без насекомых ни человек, ни планета не смогут просуществовать. Д.Берсфорд в рассказе «Человек, который ненавидел мух» даже описал очередной всеобщий катаклизм, возникший после того, как был создан идеальный инсектицид, случайно истребивший всех опылителей растений. Текст оказался демонстрацией предельного экологического сознания...

А вот без людей и насекомые, и арахниды будут существовать вполне себе прекрасно. Эту гипотезу красочно проиллюстрировал К.Уилсон в цикле романов «Мир пауков»: разумные пауки и жуки стали в будущем господствующими видами на Земле, терпящими остатки вида «человек разумный» только из милости. А в некоторых НФ-произведениях человечество само мирно сходит с исторической сцены, без борьбы уступая насекомым планету. Так случилось в рассказе Э.Ф.Рассела «Мана» и в романе К.Саймака «Город», где Земля в итоге досталась разумным муравьям.

Но в НФ-литературе противостояние людей и насекомых не ограничилось пределами земной атмосферы. Оно неизбежно вышло сначала на просторы Солнечной системы, а затем и всей Галактики.

* * *

Впервые насекомые-инопланетяне появились в мировой литературе в очень необычном произведении - романе Ф.И.Дмитриева-Мамонова

«Дворянин-философ. Аллегория», увидевшем свет аж в конце XVIII века! В этой повести главный герой создал в своем поместье модель Солнечной системы, населив ее планеты различными существами, в том числе и разумными насекомыми. В итоге на условную Землю он отправил муравьев двух видов, символизирующих класс «рабов» и класс «господ».

Книжка Дмитриева-Мамонова, конечно, в некотором роде курьез, но уже в XIX столетии француз К.Фламарион вполне научно размышлял о возможности существования на других планетах насекомоподобных существ. Уэллс уже в «Первых людях на Луне» детально описал муравьеподобных селенитов, живущих в строго иерархичном обществе-улье и подчиняющихся Великому Лунарию.

После этого каких только разновидностей интеллектуальных космических насекомых не навывдумывали фантасты! У одного только О.Стэплдона в «Создателе звезд» можно обнаружить и миры, заселенные насекомоподобными, обладающими коллективным сознанием, и планеты арахноидов-телепатов. А у С.Снегова в романе «Люди как боги», этой советской кунсткамере всевозможных инопланетных существ, обнаруживаются «чужие», обладающие обликом пауков и кузнечиков. И даже Э.Э. «Док» Смит в цикле о «линзменах», образцовой космической опере первой половины XX века, вывел паукообразных разумных инопланетян - словно в качестве обязательного элемента антуража.

Вообще в первой половине прошлого века тема инопланетных членистоногих пережила подлинный расцвет. В это время другие планеты казались чем-то невообразимым. А значит, и насекомые, обитающие на них, тоже должны радикально отличаться от земных собратьев. Как минимум, они должны быть крупнее.

Здесь особо постарался Э.Р.Берроуз, «населивший» гигантскими насекомыми Венеру и Марс. А уж за ним - понеслось... О крупных инопланетных представителях чешуекрылых, перепончатокрылых и паучьего семейства писали Р.Фарли в романе «Радиочеловек», М.Лейнстер в «Безумной планете» и «Красной пылице», Т.С.Стриблинг в «Паутине солнца», Р.Хейс в «Жучином эксперименте», Ч.Л.Джексон в «На неоткрытом острове в далеком море» и Х.Уорнер Манн в «Городе пауков». Венерианских «тараканов с овцу» и огромных «горбатых пауков» можно встретить и в романе отечественного классика НФ А.Беляева «Прыжок в ничто». У братьев Стругацких в ранней повести «Извне» земной исследователь обнаружил гигантских насекомых («слоноподобных бронированных тараканов») среди экспонатов зверинца на корабле чужаков. А в рассказе М.Пухова «Картинная галерея» инопланетный паук воспринимает людей-космопроходцев как насекомых, которые должны прилететь на его изощренную приманку. Жутковатых подземных членистоногих гигантов, населяющих планету-

тюрьму, описал на страницах романов «Хтон» и «Фтор» П.Энтони.

Нередко в созданных фантастами воображаемых вселенных разумные насекомые странствуют по Галактике в виде космических роев, давно забыв о родной планете. Среди произведений, рассказывающих о таких межзвездных странниках, выделяются повесть Б.Стерлинга «Рой», а также цикл романов отечественного фантаста В.Васильева, начатый книгой «Смерть или слава».

* * *

Впрочем, уже к 1940-м годам благодаря усилиям армии авторов дешевых журналов насекомоподобный облик жителей иных миров быстро приелся читателям, а по страницам критических статей пошел гулять издевательский оборот «жукоглазые монстры». В 1947 году Э.Гамильтон написал юмористический рассказ «Невероятный мир», где вволю поиронизировал над образом насекомоподобных марсиан, населявших страницы многих НФ-сочинений того времени.

В современной фантастике насекомоподобные монстры, обладающие выдающимся интеллектом, с завидным постоянством появляются тогда, когда необходимо изобразить безжалостных и беспощадных врагов человечества.

Подобных инопланетян мы встречаем у А.Е.Ван-Вогта ближе к финалу романа «Оружейные магазины Ишера». У того же автора в «Войне против рулл» людям также угрожают разумные и жестокие насекомые. У.Тенн в рассказе «До последнего мертвеца» даже пытался научно обосновать, почему с человечеством сражаются насекомоподобные эотийцы, выступающие в роли абсолютного зла. Оказывается, ими движет та же биологическая ксенофобия, которая заставляет муравьев одного муравейника уничтожать любых пришельцев из другого.

Самым знаменитым произведением о войне с цивилизацией мыслящих насекомых, выступающих в роли непримиримых врагов людского рода, стал «Звездный десант» Р.Хайнлайна. Эта книга оказалась одновременно классикой фантастики и одним из самых жестко критиковавшихся текстов в истории НФ. Реалистически описанная война с цивилизацией жукоподобных инопланетян с планеты Клендату в книге Хайнлайна ведется беспощадно с обеих сторон. Герои романа не сомневаются в необходимости тотальной войны с нечеловеческим противником и его поголовного уничтожения. Такая принципиальная «установка на ксеноцид» вызвала массу возмущения в прессе, а затем и язвительные пародии, среди которых выделяется «Билл - герой Галактики» Г.Гаррисона.

* * *

Книга Р.Хайнлайна была не только вершиной текстов о войне с насекомыми, но и одновременно ее фактическим завершением. Последующие фантасты уже не пытались сочинять тексты с таким же накалом ненависти, беспощадности и пафоса. В итоге обычно получались сочинения скорее ироничные. Так, у Р.Асприна в «Войне с жуками» (в русском варианте - «Войны империи Тзен») сражения разумных ящеров и разумных насекомых представлены с явным привкусом пародии (в том числе и на Хайнлайна).

И хотя членистоногие монстры еще и появлялись в виде абсолютных врагов вида «хомо сапиенс», это не становилось главной темой НФ-книг. Например, у К.Саймака в «Заповеднике гоблинов» человечеству противостоят колесники - своего рода футляры на колесах, внутри которых копошатся насекомые. Однако герои одолевают этих вполне отвратительных существ совсем не в ходе кровопролитной межзвездной войны, а слово «нетерпимость» - это чувство, являющееся движущим эмоциональным мотивом в книге Хайнлайна, - в мире «Заповедника гоблинов» является настоящим ругательством.

В ряде произведений враждебные насекомые выступают скорее в качестве символов, чем в виде реально действующих сил. Например, у Ф.Лейбера в повести «Большое время» люди участвуют в бесконечной войне двух сверхцивилизаций, Змей и Пауков, но представители этих инопланетян так толком и не появляются в тексте. Иногда авторы просто следуют традиции, выводя жестоких насекомых. В книгах Д.Брина из цикла «Возвышение» описаны многочисленные звездные расы, среди которых выделяются ненавидящие человечество богомолородные танду. Но появляются эти фанатичные враги людей лишь в нескольких проходных эпизодах.

Большинству авторов современной НФ насекомые агрессоры представляются уже затертым ходом. Во всяком случае, они сильно уступают в популярности ящерам или осьминогам. Даже в самой известной кинокартине, где действует вроде бы насекомоподобный инопланетянин - «Чужой» Р.Скотта, - убийца, пробравшийся на космический тягач «Ностромо», похож не столько на членистоногого, сколько на кровожадную ящерицу.

Если же в книге в военном столкновении оказываются виновны и люди, и разумные насекомые, как в романе О.Скотта Карда «Игра Эндера», то безжалостное уничтожение насекомоподобных представляется несомненным злом. И поэтому главному герою в романах-продолжениях «Голос тех, кого нет» и «Ксеноцид» приходится предпринимать немалые усилия и по возрождению цивилизации чужаков, и по предотвращению новых жестоких поступков землян по

отношению к инопланетянам. А в рассказе Е.Лукина и Л.Лукиной «Вторжение» схватка советских пограничников с насекомоподобными пришельцами вообще вызвана недоразумением - посадкой корабля иномирян непосредственно на «священных рубежах» Советского Союза.

В более поздней НФ дружелюбные и даже симпатичные разумные жуки и муравьи встречаются не так уж и редко. Одним из первых миролюбивых букашек изобразил известный «иконоборец» НФ Ф.Х.Фармер. В романе «Любовники» действие разворачивается на планете мыслящих жуков, и, право слово, ее обитатели часто выглядят гораздо человечнее экипажа землян, отправленного в звездный путь жестокой и фанатичной религиозной диктатурой, воцарившейся на нашей планете.

Симпатичных и дружески настроенных насекомоподобных можно обнаружить у Х.Клемента в «Экспедиции тяготение», К.Черри в «Радиусе змеи», А.Кларка в «Раме-2». Таджикский писатель А.Бахори в целом цикле книг («Очкастая оса», «Чудеса планеты Нодар», «Возвращение») изобразил, как советский школьник не только сумел вступить в контакт с инопланетянином, похожим на осу, но и даже совершил путешествие на родную планету чужака.

В истории НФ настоящим гимном терпимости и взаимопомощи со стороны самых различных инопланетных рас стал цикл Д.Уайта о космическом госпитале. Среди персонажей этого научно-фантастического сериала читатель встречает множество разумных и доброжелательных насекомоподобных инопланетян, вроде эмпата-психолога доктора Приликлы, обитателя планеты Цинрусс. А вот А.Д.Фостер в трилогии о сироте Флинксе, начатой романом «Тарайимский кранг», изначально вывернул наизнанку привычную для ранней фантастики схему отношений между людьми и насекомыми. Земные путешественники, встретившие в космосе корабль жукоподобных инопланетян, не только моментально прониклись к ним самой искренней приязнью, но вместе с новыми космическими друзьями образовали межзвездный союз, начавший доминировать в Галактике.

И все же противостояние людей и насекомых в научной фантастике еще не закончилось. Фантасты продолжают рисовать новые сценарии самой последней битвы за место под солнцем. Об этом написал еще А.Кларк в рассказе «Пробуждение», герой которого, носивший прозвище Хозяин, оказывается замороженным на миллионы лет. И вот спустя невероятное количество времени его нашли ученые и вернули к жизни. Но изношенное сердце Хозяина этого не выдержало. «Ибо в последний момент своей жизни, увидев тех, кто стоял вокруг него, Хозяин понял, что долгая война между Человеком и Насекомым завершилась - и Человек не вышел из нее победителем».

ДВОЕ - ЭТО УЖЕ НАРОД!

Терри ПРАТЧЕТТ. НАРОД, или КОГДА-ТО МЫ БЫЛИ ДЕЛЬФИНАМИ.
Эксмо - Домино.

Роман Терри Пратчетта «Народ» предназначен для подростков и, не входя в цикл «Плоскомирья», сюжет предъявляет вроде бы бесхитростный. Но это только на первый взгляд. Как хорошо известно любому поклоннику творчества этого на редкость изобретательного писателя, у Пратчетта не бывает сугубо подростковых вещей - как не бывает и бесхитростных сюжетов. За каждой его книгой кроется серьезная, едва ли не «архетипическая» идея, упакованная в яркое, захватывающее повествование.

Мальчик Мау проводит месяц в одиночестве на дальнем острове (так положено) и возвращается домой, как раз когда через его родной остров прокатывается гигантская волна. Погибло все его племя: друзья и родичи ждали на берегу его прибытия.

Девочка Дафна, из очень-очень хорошей семьи, плывет к своему отцу, губернатору дальней колонии. Парусник «Милая Джуди» терпит катастрофу на родном острове Мау, в живых остается только Дафна.

Мау, человек, как бы оставивший на Острове Мальчигов прежнюю душу и не получивший новой, не может не спрашивать своих богов - почему? Белые камни -якоря богов - содержались в порядке, предков уважали. Чем же провинились его соплеменники? А если ничем, зачем тогда боги? И вообще, за что одинокому человеку «без души» держаться в этой жизни, после того как он потерял всех родных и близких?

Такие же вопросы задает себе и девочка. Почему, когда доктор ехал по лесу в грозу, торопясь принять трудные роды, молния попала в лошадь? Это ведь чудо, разве нет? Значит, зачем-то надо было, чтобы

доктор не доехал до места и ее мама и маленький братик были похоронены на семейном кладбище?

Проще всего было бы назвать «Народ» текстом если не антирелигиозным, то богоборческим. У Пратчетта все, как всегда, сложнее.

Во-первых, предки («дедушки») разговаривают с Мау. Они требуют, чтобы тот соблюдал обычаи. И делал все, как надо. Потому что пока Мау жив, жив Народ. Мау вообще визионер. Он способен даже говорить с богом - заместителем местного демиурга страшным Локахой. И прибывшие на остров такие же бедняги, потерявшие свою «малую родину», боятся Мау. И он, человек без души, становится вождем. Тому, у кого нет души, нечего терять. Но ему неведома и корысть. И вообще человеческие страсти.

К тому же предки чужого народа («бабушки») разговаривают и с Дафной. Они, конечно, вздорные старухи, но говорят временами дело. Значит, все-таки тонкий мир есть? И боги есть? А если так, почему в мире существует зло?

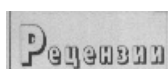
Пратчетта, похоже, уже какое-то время занимает природа зла - зла, не обусловленного ритуалами или традициями, а некоего абсолютного зла, носителем которого обычно выступает «рассудочный» маньяк, социопат, полный псих, но с мозгами. Ворбис в «Мелких богах», психопат Карцер в «Ночном дозоре» или безбашенный провокатор Энди в «Незримых академиках» страшны именно тем, что их влиянием прорастают ростки зла в душах у обычных, но слабых людей. В «Народе» носитель абсолютного зла - первый помощник капитана Кокс, убивающий слабых только потому, что это легко. Умный и пронизательный Кокс - что-то вроде змея-искусителя, потому что зло, как выясняется, развязывает руки и очень облегчает жизнь. Зло - в нем, а не в опереточных людоедах, приведенных Коксом на остров, где уже вроде бы начинается новая жизнь силами редких спасшихся с других островков.

Тут пора сказать, что мир «Народа» - все-таки не наш мир. Это иная реальность. Причем очень культуроцентричная (недаром Кокчик - друг Дафны, кок «Милой Джуди» плавал с капитаном Ахавом). Да и сама эта история - своеобразная версия голдинговского «Повелителя мух». Впрочем, гораздо более оптимистичная. Дафна и Мау слишком подвержены рефлексии, слишком полагаются на разум, чтобы скатиться в первобытный хаос. И вроде им вдвоем удастся сделать весь мир лучше.

Пратчетт попытался сконструировать мир, где наука как инструмент познание мира и самосознание идет рука об руку с религией. И мир этот получился чуть ли не идеальным - мир нефанатичной рефлексирующей теологии (ручной осьминог-древозлаз не даром кусает за ногу прибывшего на остров профессора Докинза). Пратчетт,

впрочем, отлично умеет снижать пафос: после каждого афористичного глубокомысленного высказывания или чересчур уж хорошего поступка кто-то из островитян глупость ляпнет или священные птицы-дедушки сблюют на головы героям... Даже после «главного» пафосного афоризма книги: «Один человек - ничто. Два человека - народ», простодушный и хитрый помощник вождя-Мау спрашивает: «А три человека?». «Тоже народ, - отвечает несколько озадаченный Мау, - только побольше».

Мария ГАЛИНА

Рецензии

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА - 2010

Москва: Эксмо, 2010. - 640 с.

(Серия «Русская фантастика»).

7000 экз.

Второй выпуск «Настоящей фантастики» объединил главным образом тексты участников конвента «Созвездие Аю-Даг» за 2009 год. Тут и те, кто учился на многочисленных семинарах, и те, кто учительствовал. Олди, Дяченко, Казаков, Амнуэль, Федотов, Веров, Дашков, Калугин, а рядом с ними - полтора десятка молодых имен. «Семинаровская» структура сборника породила невероятную пестроту по критерию литературного качества: от превосходных текстов до никаких.

Нет смысла делиться впечатлениями от двух дюжин повестей, рассказов и отрывков из романов. Наверное, правильнее в этой ситуации выделить несколько творческих удач. Продуманный, превосходно замотивированный приключенческий сюжет в повести Владимира Юрченко «Хорт». Печальный романтизм в новелле Павла Амнуэля «Голубой Альциор», уже знакомой читателям «Если». Эвереттика и переживание родителей, у которых захворал ребенок, совмещены в ней так, что текст по духу своему заставляет вспомнить «Легенды о звездных капитанах» Генриха Альтова... Разумный отказ сотрудничать с преисподней, пусть она и выгодный работодатель, - в рассказе Дмитрия Федотова «Корпорация Люцифер». Совершенно адекватное напоминание любителям поиграть в войнушку о том, что хороши эти игры, лишь когда на дворе эпоха мира и процветания - об этом рассказано в сатирической новелле Ярослава Верова «Боевой алфавит».

Но, пожалуй, сильнее литературного раздела вышел критический. Остроумная, злая, меткая статья Андрея Шмалько об отечественном сетевом фантастическом самиздате, уподобляющая его «альбому уездной барышни, размноженному усилиями современной техники». Это, вероятно, лучший текст сборника, настоящая жемчужина. А в рецензии Анны Игнатенко на роман Андрея Лазарчука «Мой старший брат Иешуа» гармонично сочетаются эмоции и аналитика. Помнится, оказавшись ведущим семинара по критике, автор этих строк, хотя и не мог согласиться с содержанием рецензии, с удовольствием признал качество работы.

Дмитрий Володихин

Джеймс КЛЕМЕНС

ХРОНИКИ УБИЙЦЫ БОГОВ. КНИГА 1: И ПАЛА ТЬМА

Москва - СПб.: Эксмо - Домино, 2010. - 592 с.

Пер. с англ. И. Колесниковой.

(Серия «Книга-фантазия»).

6000 экз.

С творчеством американского автора фэнтези Джеймса Клеменса (он же автор авантюрно-фантастических романов Джеймс Роллинс, а в бытовой реальности - бывший ветеринар Джим Чайковски, зарабатывающий ныне писательским трудом) российский читатель уже знаком. За последние годы на русском языке вышли почти все его романы - в том числе и первая фэнтезийная сага «Проклятые и изгнанные». Одновременно с новым переводом последней издательство «Эксмо» начало издавать и второй цикл Клеменса - «Хроники убийцы богов».

Романы Клеменса объемны и увлекательны, циклы обычно основательны и рассчитаны не на один год читательского интереса. «Убийца богов» - не исключение. Хотя с 2006 года сага новыми томами не прирастала. На сегодняшний день цикл состоит всего из двух романов. Завязка сюжета довольно затейлива. В фэнтезийном мире убивают не кого-нибудь, а одну из ста правящих им богинь. В роли подозреваемого оказывается единственный свидетель, вынужденный брать следствие в свои руки. Ну, а дальше по схеме: складывается команда героев, и начинается фэнтезийный квест, в ходе которого мифо-детективная интрига перерастает в космическое противостояние. Впрочем, ему сопутствует множество «малых зол» в мире людей и в мире богов - так что сражаться героям придется далеко не на одном фронте. Клеменс - мастер приключений и закручивать сюжет умеет на славу.

Автор занимается не разрушением шаблонов фэнтези, но грамотным их использованием. Его мир и происходящие в нем события достаточно стандартны, но вовсе не унылы. Ходы бесчисленных предшественников если и повторяются, то в оригинальной интерпретации. Так, очевидно, и должно быть, когда за перо берется мастеровитый литератор, набивший руку на паре десятков романов. Для тех, кто хочет видеть произведения жанровой фэнтези, но притом еще и в качественном исполнении, это вполне достойное чтение.

Сергей Алексеев

Николай ГОРНОВ

ОБЩЕСТВО МЕРТВЫХ ПИЛОТОВ

Омск.: ООО «Амфора» - ИП Сорокин Д. Н. 2010. - 208 с.

Н.Горнов, издатель легендарного фэнзина «Страж-птица» и автор нескольких рассказов и повестей в жанровой периодике, дебютировал и в крупной форме. Основное действие романа разворачивается на безымянной высоте. Впрочем, высота эта имеет государственное значение, что делает ее хоть и безымянной, но Высотой - астральным уровнем, куда с помощью летательных аппаратов НПО «Энергия» совершают боевые вылеты пилоты полка стратегической авиации. Сюжет книги раздвоен. Первая линия развивается в 1980-х годах, когда лейтенант Григорий Беляков, патрулирующий Высоту, оказывается замешанным в сложносочиненную интригу с агентами ЦРУ и генсеком Брежневым. Вторая, отнесенная в ближайшее будущее, связана с частным расследованием, которое предпринимает приемный сын Григория - Вадим, сталкиваясь со спецслужбами и Адептами психосферы.

Построения Горнова, связывающие иные, высшие уровни реальности и нашу повседневность, вызывают в памяти аналогичные конструкции А.Лазарчука.

Увы, новации и приметы «Четвертой волны» так и не стали магистральными для отечественной фантастики, что делает омского автора добросовестным продолжателем, но не преемником ее традиций, а сам текст - не столько несвоевременным, сколько несовременным на фоне большинства НФ-романов. Однако в нишу, созданную и затем оставленную авторами «Четвертой волны», роман Горнова вписывается отменно.

Впрочем, «Общество...» несколько проигрывает произведениям того же Лазарчука в действии и драйве. Да и углубление в бытовой психологизм героев книги отягощает повествование важными для писателя, но малоинтересными для читателя подробностями. Повесть

«Зародыш», недавно опубликованная в «Если», на этом фоне выглядит куда более зрелым и мастеровитым произведением, что дает серьезный повод с интересом ждать новых работ автора.

Сергей Шикарев

Дмитрий Володихин

Карина ШАИНЯН

ДОЛГИЙ ПУТЬ НА БИМИНИ

Москва - Владимир: АСТ-ВКТ, 2010. - 320 с.

(«Черная серия»).

4000 экз.

Карина Шаинян получила известность как один из лучших стилистов «Седьмой волны». У нее вышло немало рассказов, она выступала как соавтор в романном жанре, но «Долгий путь на Бимини» - первый ее сольный роман.

Он стал и удачей, и неудачей одновременно. С одной стороны, то, что превосходно получалось у Карины Шаинян в рассказах - точно схваченные движения, запахи, звуки, цепкость в описании предметов, полновесная лексика персонажей, своего рода романтический эстетизм, - на уровне романа подвело ее. Рассказы этого автора - прекрасная статика, картины, разрастающиеся во времени и пространстве при слабовыраженной сюжетной составляющей. Роман не может состоять из одной и даже нескольких отдельно стоящих картин, а попытки автора связать эти картины сюжетом показали, что она пока слабый строитель действия: мотивировки поступков и даже слов персонажей в романе иной раз выглядят искусственно.

Сюжет романа развивается в двух временах. Это, во-первых, прекрасная темная сказка на латиноамериканском материале XVIII века, и она чудо как хороша - сделана в эстетическом смысле очень цельно, на одном ровном ритме, увлекательно; она-то как раз представляет собой единое полотно. Во-вторых, значительную часть романа составляет действие, начавшееся триста лет спустя в городе Клоксвилле и соединенное со сказкой крупными стежками на скорую руку, от чего иной раз кажется: автор склеил две разных повести в один роман. Большая творческая удача состоит также в том, что угрюмая мистическая темень в духе вуду подсвечена и согрета спасительным выходом центральных персонажей в любовь. Вместе с романом, кстати, напечатана повесть «Амбра», где такого исхода, как спасение любовью, нет. Там величественная темная мистика, доходя до развязки, повисает в красивую... безвыходность.

При всех укоризнах, высказанных выше, большинству дебютантов о

таком романе остается только мечтать.

Дмитрий Володихин

Мария ВИЛЬГЕЛЬМ, Дирк МЭТИСОН

АВАТАР

СПб.: Азбука-классика, 2010. - 224 с.

Пер. с англ. О.Ратниковой.

(Серия «Книга по фильму»).

15 000 экз.

«Аватар» Камерона представил зрителям удивительно притягательный мир. Пандора, один из четырнадцати спутников газового гиганта Полифема, оказалась столь же красочной, сколь и незнакомой. Ее обитатели На'Ви, странные животные, величественные деревья стали необычным - и весьма зрелищным - фоном для простой истории. Однако, как водится, многое осталось за кадром. Теперь познакомиться с Пандорой поближе и раскрыть некоторые из ее загадок и тайн настала очередь читателей. Как земляне открыли Пандору? Как работают двигатели межзвездных кораблей? Почему добываемый на планете анобтаний стоит так дорого? И что ждет вернувшихся с Пандоры на Землю?

Книга с подзаголовком «Секретный доклад о биологии и истории Пандоры» содержит достаточно ответов для самого любознательного зрителя и читателя. В книге совсем нет разговоров, зато картинок в избытке. Ведь перед нами не роман, а иллюстрированный путеводитель по миру «Аватара». Издание содержит информацию о географии и геологии Пандоры, флоре и фауне, объясняет уникальные характеристики анобтания и местные артефакты: горы Аллилуйя (или Грохочущие Камни) и Каменные Арки. Отдельный раздел посвящен племенам На'Ви и их культуре, включен даже небольшой нави-русский словарь. Одним словом, сделано все, чтобы доказать: если вы не читали книгу, вы знаете только часть истории.

Действительно, описание земных бед и упоминание движение Сопrotивления дополняют картину мира, представленную в фильме (и дают еще несколько аргументов для спора о «предательстве» главного героя).

Еще более наглядной становится агитация создателей «Аватара» в пользу идей и ценностей New Age, призывающих к достижению гармонии с природой. Красной нитью проходит описание возможных способов применения даров Пандоры для восстановления и очищения земной окружающей среды. Eywa ngahu!

Валерий ОКУЛОВ

«МНЕ НЕЧЕГО СТЫДИТЬСЯ...»

Есть писатели, чье имя связывают, в худшем случае, только с одним произведением, в лучшем - с каким-то конкретным направлением. Имя Сергея Снегова, 100-летие которого мы отмечаем в этом году, у читателей НФ ассоциируется в основном с эпопеей «Люди как боги» и жанром космической оперы. Редкой космоопере удалось преодолеть испытание временем, поэтому, наверное, это неплохо, что читатели порой забывают о великолепной реалистической прозе Снегова, но всегда помнят о том, что именно ему удалось «официально» утвердить и закрепить космическую оперу в нашей литературе.

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия извечная «Золушка» советской литературы - научная фантастика - стала примерять более праздничные платья. В середине апреля 1988 года в Николаеве состоялись Первые Всесоюзные Ефремовские чтения - конференция, посвященная проблемам фантастики. Организация конференции по тем временам была поразительной со всех точек зрения. Но для меня самым запоминающимся, самым ярким моментом тех удивительных чтений стала часовая беседа с Анатолием Федоровичем Бритиковым и Сергеем Александровичем Снеговым в одном из николаевских кафе после пленарных заседаний.

Говорили не только о фантастике, но более всего как раз об использовании имени классика Ефремова по поводу и без повода, в благородных целях и не очень... И наибольшее мое внимание в разговоре-дискуссии, конечно же, привлекал 77-летний патриарх советской НФ, один из родоначальников отечественной космической

оперы С.А.Снегов.

Невысокий, плотный, наголо обритый, с крупными чертами лица - можно было бы даже сказать, сурового, если бы не улыбка, часто освещающая его. Речь мягкая, интеллигентная, чувствуется широкая эрудиция во многих областях знаний. Негромкий глуховатый голос. Очень сдержанный в движениях, жестах, в немодном костюме, воротник рубашки поверх лацканов. Внимательно слушающий, негромко говорящий писатель обладал несомненным даром общения и тем, что сейчас принято называть словом «харизма».

На чем основывалось многолетнее почтительное отношение к Снегову со стороны читателей? В равной степени на уважении к мужеству, проявленному писателем во время своей нелегкой жизни, и восхищении смелостью и фантазией его знаменитой трилогии. Почти 45 лет назад в популярнейшей тогда серии Лениздата «В мире фантастики и приключений» вышел сборник «Эллинский секрет». Среди авторов - маститые Иван Ефремов, Геннадий Гор, братья Стругацкие, Рэй Брэдбери, Роберт Хайнлайн. И рядом с ними мало кому тогда знакомый (даже въедливым любителям фантастики) Сергей Снегов с романом «Люди как боги». А название-то какво! «Я сознательно взял название уэллсовского романа. Прием полемический... Спор шел не художественный, а философский. Я уверен, что в человеке заложено нечто высшее...» - писал гораздо позднее автор.

«Я не люблю летать на драконах... А неповоротливых пегасов попросту не терплю...» - вот так непривычно для советской НФ начинался роман. Как писали в предисловии составители сборника Е.Брандис и В.Дмитревский: «Роман буквально ошеломляет масштабностью замысла и грандиозностью изображенных в нем событий... Вселенную бороздят Звездные Плуги - гигантские космические корабли, превращающие Пространство в вещество и достигающие огромных скоростей. Обнаружены многочисленные цивилизации с неповторимыми, своеобразными формами разумной жизни...»

Как космическая опера Снегова, несмотря на всевозможные придирки, все же увидела свет в Советском Союзе? Да ведь не только упертые ретрограды и недоумки тогда правили бал... А роман этот (с «философско-мировоззренческим ключом») изображает столкновение двух вполне аргументированных точек зрения: никакого благородства за счет интересов человека *versus* человек всему разумному и доброму во Вселенной друг и помощник (прогрессор)...

Летит время, юбилей за юбилеем... Этот все же особенный, вековой. Будущий писатель родился 23 июля 1910 года (по старому стилю) в Одессе и звался Сергей Александрович Козерюк, а вот советский

паспорт получил как Сергей Иосифович Штейн. Ну, а европейскую известность приобрел уже как Сергей Снегов. Запутанно?

Родился Сергей Александрович в рабоче-крестьянской семье: мать из крестьян, работала продавщицей газет; отец, полугрек-полунемец Александр Козерюк, был слесарем, а в 1920-е годы подался в чекисты. Но родители развелись, и мать будущего писателя вышла замуж за журналиста Иосифа Штейна, который, в отличие от родного отца, всерьез занялся воспитанием пасынка. Это он заставил парня, исключенного из второго класса гимназии, учиться дальше, с его подачи Сергей еще в юности решил добиваться успехов сразу в философии, физике и беллетристике.

Занимаясь на физфаке института, он самостоятельно стал изучать философию, писал стихи. В двадцать лет написал трактат «Проблемы диалектики», после изучения коего специалистами-философами последовал необычный даже для тех лет приказ наркомпроса Украины: назначить студента-физика преподавателем диамата в должности доцента кафедры философии! Два года Сергей Штейн «доцентировал» в различных вузах, совмещая преподавательскую деятельность с учебой на физфаке. Но времена наступали другие, вот и в его лекциях обнаружены были уклоны от «истинного марксизма», а оргвыводы последовали моментально: запретить преподавать марксизм-ленинизм, исключить из комсомола.

Образование закончить все же удалось. Специальность инженера-физика Штейн получил в 1932 году в Одесском химико-физико-математическом институте. В следующем году он переехал в Ленинград, работал на заводе «Пирометр» инженером-исследователем, не оставляя творческих устремлений.

Но внешне благополучная жизнь длилась недолго. В Ленинграде после убийства Кирова стало беспокойно... В июне 1936-го Сергея Штейна вместе с двумя «подельниками» (детьми видных родителей) арестовали по типовому обвинению в антисоветской пропаганде и подготовке терактов... Почти год в печально знаменитых Лубянке, Бутырке, Лефортове... «Потом потянулась цепочка «срочных» тюрем и лагерей - Вологда (1937-1938), Соловки (1938-1939), Норильский ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь, 1939-1945). После него поселение в Норильске (1945-1951)*¹⁸, превратившееся в 1951-м в бессрочную ссылку до 1954 года, - в общем, 18 лет под прессом», - вспоминал

¹⁸ * *Как писали в «застойные» времена: «принимал участие в строительстве прославленного Норильского металлургического комбината». Через полвека писатель Снегов опубликует свои знаменитые «Норильские рассказы», теперь можно узнать - как оно там было на самом деле, какова «фантастика реальной жизни»... (Прим. авт.)*

позже писатель.

Даже в лагерях и ссылках Сергей Штейн старался изучать достижения науки! Заинтересовался физикой дейтерия (тяжелой воды), в уме занимался расчетами. Когда начали строить дейтериевый завод, Сергея назначили начлабом. Штейн всерьез занимается ядерной физикой, можно сказать - «принимает участие в создании советской атомной бомбы». А главной отдушиной для него становится поэзия. «В эти годы я много писал стихов - почти 8000 строк, - набрасывал темы, ставшие потом сюжетами моих северных и фантастических романов и повестей. Стихи тщательно укрывались от досмотра тюремных стражей. Они имели для меня особое жизненное значение - являлись единственной возможностью продолжать интеллектуальное существование».

*Глухие голоса весны,
Мучительная мягкость ночи,
Горячечны, как в малярии сны -
Виденья, виденные воочью...*

*А за окном гудящий глухо клен,
Запутанные звездные дороги
И воздух, как питательный бульон
Бактерий беспокойства и тревоги^{*19}.*

В качестве поощрения Штейна досрочно освобождают из лагеря, и с июля 1945 года он работает (уже как ссыльный) в создающейся «атомке», но вмешательство бдительных чекистов и на этот раз разрушает планы, заставляя резко порвать с наукой, чтоб не получить новый срок как «американскому шпиону»... Просто инженером горно-металлургического комбината Сергей Александрович работает до 1954 года. После смерти Сталина с него сняли ссылку, летом 1955-го реабилитировали, но в науку он все равно не вернулся. С начала пятидесятых сосредоточил все творческие усилия на литературе, а одной из снежных зим родился и псевдоним, ставший его «настоящим» именем.

Первый рассказ (не фантастический) Снегова увидел свет, когда дебютанту исполнилось уже 45. В 1956-м вышла первая книга «24 часа», в 1957-м «Новый мир» опубликовал роман «В полярной ночи». С этого момента Снегов занимается только литературным трудом. В

¹⁹ * *Единственная поэтическая книжка С.А. Снегова, сборник «Явь и видения», вышла уже после смерти писателя - в 2001 году коллекционным тиражом в рамках поэтической серии «Альтернативный Пегас». (Прим. ред.)*

1959 году его принимают в Союз писателей СССР, одна за другой выходят книги, изображающие хорошо знакомые писателю картины: жизнь и труд в условиях Крайнего Севера, в экстремальных условиях ГУЛАГа. Правду писатель говорить не мог, но он и не врал, молчал в критических случаях...

В 1958 году Сергей Снегов со второй женой, которая была моложе его на 17 лет, и двумя маленькими детьми переехал в Калининград, где и прожил до самой смерти. В одном из калининградских сборников в 1964 году увидела свет его первая НФ-публикация - памфлет «Тридцать два обличья профессора Крена».

Говорят, в фантастику писатель подался не от хорошей жизни. После пары разгромных статей в «Литературной газете» Снегов попал в «черные списки», и его реалистическую прозу просто перестали печатать... Не желая лгать, он обратился к более нейтральному жанру. Но случайный приход в НФ принес замечательные результаты - любовь читателей, романы и повести, ставшие классикой НФ и переведенные на десятки языков. Почти как в «казусе Хайнлайна»! Сам писатель отмечал, что, питая любовь к фантастике с детства, сам обратился к ней лишь по той причине, что НФ была менее подвластна цензурным запретам.

Так ему казалось в то время. И он увлеченно работал над своим главным НФ-романом.

«Мысль написать фантастику томила меня еще до начала литературной работы. Она превратилась в потребность, когда я начал знакомиться с зарубежной послевоенной НФ... Мне захотелось испытать себя в НФ. Я решил написать такое будущее, в котором мне самому хотелось бы жить», - писал Снегов в письме Г.М.Прашкевичу в 1988 году.

Путь к публикации первой книги эпопеи «Люди как боги» был непростым, она была отвергнута и Калининградским, и тремя московскими издательствами. «Против нее писали резкие рецензии Кирилл Андреев, Аркадий Стругацкий... Я решил про себя, что бросаю НФ, здесь мне не светит...» Лишь случайно рукопись от критика Штейнмана попала к литературоведу Дмитревскому, а уж тот настоял, чтобы она была опубликована в «Эллинском секрете».

Читателями роман был принят на ура. Посыпались письма с просьбами о продолжении. Нуждающийся в деньгах Снегов написал вторую часть - «В звездных теснинах», впервые напечатанную в сборнике «Вторжение в Персей» (1968). Но читателям и этого было мало, они снова требовали продолжения, и вскоре появилось «Кольцо обратного времени» (в одноименном сборнике 1977-го). «Чтобы не просили четвертой части, в третьей поубивал многих героев...» - признавался позже писатель. В 1971 году в Калининграде первые две части вышли отдельным книжным изданием, а первое книжное

издание всей трилогии состоялось в Лениздате в 1982-м. Не заметить этот 700-страничный фундаментальный сплав новой утопии, приключенческой космофеерии и художественно-философского трактата было невозможно, и в 1984 году С.А.Снегову была вручена главная (и единственная в те годы) отечественная жанровая награда - премия «Аэлита».

Хотя синтез коммунистической утопии и звездных войн нельзя назвать удавшимся в полной мере (картины будущего, социология и психология героев уступают динамике батальных сцен, в те годы по масштабности не имеющих себе равных в советской НФ), все же трилогия по праву считается не только главным творением Снегова-фантаста, но и одним из самых значительных утопических произведений советской фантастики 1960-1970-х годов. Примечательно, кстати, что идея эквивалентности пространства и вещества, легшая в основу фантдопущения о сверхсветовом передвижении «Звездных Плугов», зародилась у Штейна в вологодской тюрьме...

Трилогия дважды издавалась в 1980-е, пять раз переиздавалась в 90-е годы прошлого века и трижды - уже в нынешнем столетии.

После несомненного успеха романа Снегов сконцентрировал большую часть творческих усилий на фантастике, в 1977-1989 годах вышло пять сборников его НФ-рассказов и повестей. Но они, увы, оказались в тени космической эпопеи и не имели такого успеха. Кроме того, в 1980-х годах С.А.Снегов немало сделал как один из руководителей легендарных Малеевских семинаров молодых фантастов.

В 1991-м писатель закончил работу над вторым НФ-романом, но «Диктатор, или Черт не нашего бога» вышел только после смерти Снегова. Как и роман «Хрононавигаторы»(1996).

Для самого писателя фантастика не была главным или, точнее сказать, единственным вектором интересов. После повести о Курчатове «Прометей раскованный» (1972) академик Я.Б.Зельдович предложил Снегову написать книгу о советских ядерщиках. Академик Г.Н.Флеров даже добивается для писателя спецразрешения на беседы с физиками-ядерщиками, и Снегов интервьюирует сто двадцать ученых! И, наконец, в 1979 году выходит «историческая повесть о современниках» «Творцы» - о создателях советской атомной бомбы Флерове, Зельдовиче, Харитоне. К семидесятилетию писателя награждают «знаком Почета». Снегов пишет вторую часть «Творцов», но ее не пропускает цензура.

В вольные 1990-е Снегов демонстрирует новую, неожиданную грань своего таланта, выпустив книгу о блатной фене «Язык, который ненавидит» (1991).

В феврале 1994 года писателя не стало. Уже после его смерти, в 1996 году, мизерным тиражом увидела свет книга его воспоминаний «В середине века (В тюрьме и зоне)», а спустя 11 лет - обширный

мемуарный том «Книга бытия», которую Сергей Александрович писал все последние годы жизни. В числе посмертного наследия писателя есть даже философский трактат в ямбах «Натура натуранс»!..

Лагерное прошлое не омрачило его любви к жизни... Замечательные слова произнес на склоне ее писатель и человек Сергей Александрович Снегов: «Я уже давно никого не боюсь... Мне нечего стыдиться...»

Курсор

Курсор

Национальные премии в области фантастики были вручены в Германии и Китае. В европейской державе определились обладатели премии Курда Лассвица. Лучшим романом года признан «Король для Германии» Андреаса Эшбаха, лучшим рассказом – «Классная встреча виноделов Везера» Эрнста Эберхарда Мански, лучшим переводным романом – «Мечта андроида» Джона Скальци.

В Китае лучшим зарубежным романом, завоевавшим главную НФ-премию, стал перевод с японского романа Яцутаки Татсуи «Девочка, которая прыгала сквозь время». Лауреатами премий за лучшие отечественные произведения названы Жианг Нан за роман «Однажды в Китае» и Хан Сонг за рассказ «Темная комната».

Нешуточный скандал разгорелся вокруг имени классика отечественной НФ Александра Беляева. Арбитражный суд Москвы решил взыскать с издательства «Астрель» (издательская группа АСТ) в пользу издательства «Терра» немислимую сумму 7,567 миллиарда рублей за тиражирование произведений писателя. Издательство «Терра» утверждает, что якобы владеет эксклюзивными правами на издание текстов Беляева, даже несмотря на то что до этого все издательства работали с этими текстами как имеющими статус «общественного достояния».

Другая история затронула имя уже современного фантаста. Издательство «Веды», имеющее отношение к издательству «Азбука», выпустило в свет книгу «Дети Хаоса» – роман Сергея Васильевича Лукьяненко (именно так, с твердым знаком). Это «справочник» о вампирах и прочей нечисти, в котором представлены мини-рассказы и статьи, посвященные какому-либо «темному» существу. Настоящий Сергей Васильевич Лукьяненко, не имеющий к этой книжке никакого отношения, довольно резко прокомментировал данный факт попытки нажиться на обмане потребителя и не намерен оставить его без внимания.

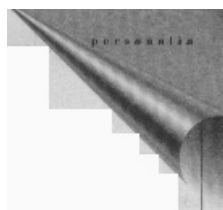
Неожиданный любовный треугольник - он, она и черная дыра - предстоит разрешить знаменитому режиссеру Дэвиду Кроненбергу. Речь идет об экранизации романа Джонатана Летема «Когда она перелезла через стол» (1997). В основе сюжета страдания девушки-физика Эллис, которая в попытке воспроизвести момент рождения Вселенной в лабораторных условиях создает миниатюрную черную дыру, проявляющую некие зачатки разума. Героиня без памяти влюбляется в свое творение, заставляя экс-возлюбленного профессора Филлипа Энгстрэнда буквально сгорать от ревности. Продюсирует проект Стивен Зеллиан.

Премии, демонстрирующие современные тенденции в англоязычной научной фантастике, носят имена великих Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона. Первая вручается за лучший роман в жанре, и в этом году лауреатом вполне ожидаемо оказалась нашумевшая «Заключительная девушка» Паоло Бачигалупи; вторая премия досталась рассказу Джеймса Морроу «Шаркание ногами к Хиросиме».

Своих лауреатов определил ведущий критико-публицистический журнал «Локус». Победителями «Локус-авардс» стали: в номинации «Лучший НФ-роман» - «Драндулет» Чери Прист; «Лучший фэнтези-роман» - «Город и город» Чайны Мьевилля; «Лучший дебютный роман» - «Заключительная девушка» Паоло Бачигалупи; «Лучший роман для подростков» - «Левиафан» Скотта Вестерфельда; «Лучшая повесть» - «Женщины Нила Гвинна» Кейдж Бейкер; «Лучшая короткая повесть» - «В лунном свете» Питера Бигля; «Лучший рассказ» - «Заклинание нелюбопытства» Нила Геймена.

Новую версию библейских событий готовят нам американские кинематографисты во главе с чернокожей звездой Уиллом Смитом. Смит и его компания Overbrook Entertainment продюсируют фильм «Легенда о Каине», из которого выяснится, что старший из братьев был... вампиром. Сам Смит планирует сыграть Каина, что тоже внесет определенную лепту в понимание того, каков был цвет кожи у Адама и Евы...

В Подмоскowie с 25 по 27 июня в третий раз прошел фестиваль фантастики «Серебряная стрела». Помимо вручения премий в оригинальных номинациях «Лучший главный герой», «Лучший женский образ» или «Лучший фантастический мир» на этом небольшом конвенте, несмотря на аномальную жару, состоялось множество интересных и неординарных мероприятий - от концертов до турнира лучников.

personalia

АСТРОВ-ЧУБЕНКО Вячеслав Александрович

Вячеслав Чубенко родился в 1973 году в Николаеве. Несмотря на врожденное тяжелое заболевание, окончил с красным дипломом физико-математический факультет Николаевского пединститута в 1997 году по специальности «преподаватель физики и астрономии».

Первые публикации автора появились в газетах и альманахах Николаева в 1997 году. Два сборника рассказов и повестей «Звонок» (1999) и «Последний экзамен» (2002) увидели свет в родном городе писателя. В последующие годы молодой фантаст печатался в различных альманахах и сборниках, а первое произведение в журнале «Если» появилось в 2005 году - это был рассказ «У них что-то со связью».

Астров-Чубенко дипломант специальной премии «За мужество и волю к жизни» фестиваля фантастики «Звездный мост» и лауреат в номинации «Восходящие звезды» НФ-конвента «Планета 8141 Nikolaev».

ВЕРОВ Ярослав

Коллективный псевдоним донецких фантастов Глеба Владимировича Гусакова и Александра Вячеславовича Христова. Соавторы родились в 1966 году в Донецке. Глеб Гусаков закончил Донецкий политехнический институт и аспирантуру Донецкого физико-технического института, где сейчас работает в должности ведущего инженера. Александр Христов получил образование физика-теоретика в Донецком государственном университете, кандидат физико-математических наук. В настоящее время - младший научный сотрудник в ДонФТИ.

В 2002 году в издательстве «АСТ» увидела свет первая книга дуэта - «Хроники Вторжения». Перу Я.Верова принадлежат также романы

«Господин Чичиков» (2005) и «Завхоз Вселенной» (2007).

Продолжая оставаться Веровым, но уже сольно, Глеб Гусаков составил новый дуэт - с Игорем Минаковым. Соавторы выпустили романы в жанре «твердой» НФ «Десант на Европу» (2008), «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» (2008) и сборник «Операция «Вирус» (2010). В последнее время Г.Гусаков/Я.Веров и И.Минаков совместно выступают с публицистическими материалами, в том числе на страницах журнала «Если», в которых эмоционально утверждают жизнестойкость классических, естественно-научных традиций НФ.

Наградной список Ярослава Верова включает премии «Интерпресскон», «Золотой Кадуцей», «Серебряная стрела», «Чаша Бастиона».

ГАЛАНИНА Юлия Евгеньевна

Юлия Галанина родилась в 1972 году в поселке Багдарин республики Бурятия в семье геологов. В семь лет переехала в поселок Нижнеангарск Северобайкальского района Республики Бурятия. Высшее образование получила на историческом факультете Иркутского государственного университета (специализация - археология). До 2004 года жила с семьей в поселке Таксимо (север Бурятии) и работала в школе.

С книгой в жанре фэнтези «От десятой луны до четвертой» Юлия Галанина победила в 2002 году в мастер-классе Ника Перумова, а на «Евроконе-2006» получила приз как лучший молодой автор. Ныне в активе писательницы девять книг, среди которых «От десятой луны до четвертой» (2002), «Да, та самая миледи» (2005), «Кузина» (2006), «Аквитанки» (2007), «Первый и непобедимый» (2010).

ЛИНДСЛИ Хизер (LINDSLEY, Heather)

Американская писательница Хизер Линдсли родилась в Южной Калифорнии и с самого начала не мыслила себе иной карьеры, кроме литературной. Она писала пьесы и сама ставила их на сцене, затем перешла на романы, а в 2005 году закончила семинар молодых фантастов Clarion West.

Профессиональным дебютом в фантастике стал рассказ «Просто сделай это!» (2006), включенный в ежегодную антологию «Лучшая научная фантастика» (под редакцией Дэвида Хартвелла и Катрин Крамер). С тех пор Линдсли публиковала рассказы в журналах «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Asimov's Science Fiction»

Magazine» и «Strange Horizons». О своем местопребывании Линдсли пишет так: «На протяжении последних пяти лет мое сердце было разорвано между пятью населенными пунктами. Правое предсердие пребывало в окрестностях Сан-Франциско, левый желудочек - в Сиэтле, правый желудочек - в Нью-Йорке, а левое предсердие - на родине, в Южной Калифорнии. При этом мой миокард благополучно оставался в Лондоне, где я в настоящее время проживаю, и оттуда прекрасно поддерживал мое сердцебиение».

ЛУКИН Евгений Юрьевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в №1 за этот год)

«Евгений Лукин не изменяет своему творческому кредо: он по-прежнему не стремится в космические дали и туманное техногенное (как варианты: апокалиптическое, прекрасное) грядущее.

Объект его исследования ближе - наш мир, российская глубинка, частная жизнь «человека русского обыкновенного»... Волгоградский фантаст настолько талантливо вкраивает Чудо в координаты окружающей реальности, что оно как бы уже и утрачивает свою «нереальность». Чудесное по Лукину - норма жизни».

Евгений Харитонов, 2004 год.

МИНАКОВ Игорь Валерьевич

Московский писатель-фантаст и поэт родился в 1966 году в Челябинской области. Раннее детство провел в одном из закрытых городов советского ВПК, где ковали ракетно-ядерный щит. По собственному признанию, «путь в избранную профессию был долг и вместил в себя: «соучастие» в написании повести Кира Булычёва «Ловушка», публикуемой с продолжением в «Пионерской правде»; в меру возможности активное участие в КЛФ-движении; учебу в Литературном институте; приглашение работать редактором в отделе фантастики книжного издательства; первую настоящую фантастическую публикацию - повесть «Четвертый свиток» в журнале «Полдень, XXI век» (2003) и, наконец, двойной книжный дебют «Десант на Сатурн» и «Десант на Европу» (2008) в соавторстве с Ярославом Веровым».

За дебютную книжную дилогию автор получил премии «Золотой Кадуцей» и «Интерпресскон» в номинации «Лучший дебют». Сольные рассказы и повести И.Минакова публиковались в сборниках и периодике. Совместно с Я.Веровым активно выступает с НФ-публицистикой. В настоящее время работает редактором в отделе

фантастики издательства «Эксмо».

**ПУР Майкл
(POORE, Michael)**

Молодой американский писатель-фантаст родился в Трое (штат Огайо), где закончил местный университет с дипломом филолога. После этого работал учителем в школе, водителем такси и художником по шелку.

Нефантастические рассказы М.Пура публиковались в американских и иностранных журналах. Дебютным выступлением в жанре стал рассказ «Деревянная мать» (2005). С тех пор он опубликовал еще несколько рассказов, и два из них совместно с постоянным автором журнала «Если» Тедом Косматкой.

**КОСМАТКА Тед
(KOSMATKA, Ted)**

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в №1 за этот год)

Корр.: Все, что Вы написали до сегодняшнего времени, располагается в рамках «твердой» НФ, и с фэнтези не грешили. Чем обусловлен подобный выбор?

Тед Косматка: Для меня рассказы представляют собой математические задачи с поливариантным решением. Я стремлюсь писать произведения, в которых пытаюсь выработать что-то для себя лично, решить какую-то проблему или навести порядок в некоей логической несогласованности. Обычно это принимает форму НФ-рассказа, хотя не хочу сказать, что так уж крепко к ней привязан. Могу представить себя и автором фэнтезийного рассказа, если возникнет психологическая проблема, которая требует подобного антуража. У меня ужасный характер, и если я не буду искать решение, бросая вызов своим собственным предубеждениям, тогда мне скучно.

Недавно я предпринял пугающий шаг и переключился на другую специальность. Последние десять лет я работал в научных лабораториях, но теперь занимаюсь сценариями для научно-фантастических видеоигр.

**УИЛЛРИЧ Крис
(WILLRICH, Chris)**

Американский писатель и фэн со стажем Кристофер Уиллрич родился

в 1967 году. В настоящее время проживает с семьей в окрестностях Сан-Франциско, где работает в детской библиотеке.

В фантастике К.Уиллрич дебютировал в 1994 году рассказом «Маленькая смерть» и с тех пор представил читателю ряд новелл, а также завоевавшую популярность серию повестей в жанре «меча и волшебства» (sword-and-sorcery). Ее главными героями стала неразлучная парочка искателей приключений - поэт Персиммон Гаунт и вор Имаго Боун.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна только на номера 2010 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« _____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Майка РЕЗНИКА
«ОХОТНИКИ ЗА СУВЕНИРАМИ»
Стивена БАКСТЕРА
«ЗЕМЛЯ-2»

РАССКАЗЫ

Сергея СИНЯКИНА,
Бенджамина КРОУЭЛЛА,
Евгения ГАРКУШЕВА, Джона ШИРЛИ

СТАТЬЯ

Николая Калиниченко:
Чужой — трансформация образа

ЧИТАЙТЕ ОКТЯБРЬСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс – 73118.
Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая
почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Майка РЕЗНИКА
«ОХОТНИКИ ЗА СУВЕНИРАМИ»
Стивена БАКСТЕРА
«ЗЕМЛЯ-2»

РАССКАЗЫ

Сергея СИНЯКИНА,
Бенджамина КРОУЭЛЛА,
Евгения ГАРКУШЕВА, Джона ШИРЛИ

СТАТЬЯ

Николая Калиниченко:
Чужой - трансформация образа

ЧИТАЙТЕ ОКТЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и

